Ю.П.Кожевников

По архангельские травы

В книге рассказывается о ботанических экспедициях в Онежье и Пинежье. Разносторонне показана природа этих старорусских районов. Дается представление о сути полевых ботанических исследований, об их связи с другими науками о природе (геоморфологией, климатологией и т.д.). В качестве вставных глав приводятся некоторые современные концепции о растительном мире (о волновых процессах и принципе неопределенности, о круговороте местообитаний и др.). Книга насыщена достоверным фактологическим материалом по распространению растений и птиц, их экологической приуроченности, по состоянию ландшафтов после полвальных довоенных рубок, по различным аспектам жизни природы в прошлом и настоящем.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба некоторых представлений о жизни на Земле удивительна и драматична. История науки знает множество тому примеров. Взвихривались ноаве фундаментальные идеи, идущие вразрез с утвердившимися мнениями ученых – своего рода каркасом общественно-научного сознания данного периода. Эти непозволительные идеи предавали анафеме, топтали, оплевывали, реже – старались не замечать, обойти молчанием. Проверка временем, дававшим новую информацию, закрепляла многи шаткие поначалу идеи и они становились если не общнпризнанными, то во всяком случае широко известными, а главное – используемыми.Они росли, как растет дерево, набирая мощь, давая новые побеги в облике новых фактов и интерпретаций. На каком-то этапе идеи, выросшие в фундаментальное представление, сливались с други подобным представлением, как сливаются реки, образуя одну крупную реку. Так было, например, с представлением об эволюции Чарльза Дарвина и идеей корпускулярной передачи наследственности Грегора Менделя.

Не имей Дарвин уютного имения в Дауне и достаточной пожизненной ренты, обеспечивающей его существование (весьма, кстати, непривычное для научного сотрудника у нас), он вряд ли смог бы отправиться на “Бигле” , а потом 20 лет писать свое “Происхождение видов”. За свой труд он получил проклятие церкви (а ведь он был верующим!) и множество нелестных отзывов в научном мире. Однако экономическая независимость, отсутствие страха перед каким-либо наказанием за свои убеждения и наличие нескольких лиц, воспринявших его убеждения (Томас Хаксли называл себя бульдогом Дарвина), позволили Дарвину, слегка замкнувшись, продолжать свои исследования, несмотря на лай со всех сторон. Однако Англия с давних пор была страной, где издавать можно было все, что угодно. К.Маркс (современник Дарвина) издал там “Капитал”, казалось бы, подрывающий устои государства, в котором этот труд увидел свет. Но к теории Маркса общество еще не было подготовлено, а теория Дарвина уже витала в научной атмосфере и оставалось только собрать побольше материала в ее пользу, что

Дарвин и сделал. Он успел еще много сотворить для науки, но осекся на передаче наследственности. Попытка придумать специальную теорию на этот счет оказалась неудачной. Отшельничество помогало Дарвину не замечать нападки на себя, но в то же время мимо
проходили и великие идеи. Ведь знай Дарвин статью Менделя, вышедшую всего через несколько лет после “Происхождения видов”, он наверняка осознал бы, что представления великого монаха и его собственные прекрасно увязываются.

Впрочем, первый менделист, долго разминавший ноги около грядок с горохом в монастырском саду, сам умер разочарованный тем, что законы им открытые не подтверждались на других растениях. Только на пороге нашего века эти законы вновь открыли, а еще через 30 лет они слились с дарвиновской эволюцией и возникла синтетическая теория эволюции. В нашей стране сторонники этой теории нередко трудились в архангельской тайге на лесоповале или насыпали бесконечные дороги через эту тайгу. Иным больше повезло; они изучали птичек или что-то еще вместо того, чтобы считать мух и делать открытия в генетике на основе подсчетов.

Ни одна фундаментальная идея не подхватывалась немедленно ученым миром и обществом. Если производителей этих идей и не сжигали на кострах, не гноили в застенках, не заставляли пилить лес, или дробить камни, или закладывать города, то находилось много “мирных” способов низвести мыслящего субъекта в ничто. Потом его имя можно, конечно, достать из этого ничто(или его праха), если обстоятельства изменятся, т.е. окажется, что он был прав.

И все же одно представление довольно быстро захлестнуло умы, и не находилось ученых, которые бы утверждали его неправильность. Это – идея об экологическом кризисе на Земле. Она созрела немногоим больше 30 лет назад в головах ученых и быстро внедрилась в общественное сознание. Еще бы! Ведь речь шла о сохранении природы, а стало быть, жизни и благосостоянии человека. Ранее это благосостояние стояло на первом месте и мы “не могли ждать милостей от природы”.Нам нужно было брать со все возрастающей потребностью, не размышляя о последствиях, хотя образование “плешей” на Земле заметил еще Энгельс. Природа воспринималась как некая скатерть-самобранка – плюнешь, а на месте плевка хлеб вырастет. И вдруг рассмотрели, что из плевка вовсе не хлеб растет, а фига, причем совсем не та, листочки которой в древней Греции служили предметами мужского туалета, по крайней мере, для статуй.

Появилась плеяда ученых и общественных деятелей, которых окрестили алармистами (от английского alarm - тревога). Но среди советских ученых многие были убеждены, что особых причин для беспокойства нет, что экологический кризис – это просто истерический вой декадентов, что на Западе с господством частного предпринимательства кризис, в том числе экологический,– явление нормальное, а вот у нас его быть не может. Мы можем так регулировать потребление природных ресурсов, чтобы восполнимые из них восполнялись, например, на месте вырубленных лесов вырастали новые. Мы можем создать эффективные очистные устройства, чтобы технологические отбросы не отравляли все живое, в том числе и самого человека. С течением времени, однако, стало ясно, что наши возможности в области подавления природы значительно шире, чем в области сохраниения ее. Тут переплетается множество аспектов и экономических, и социальных, и

политических (средства на так называемую оборонную мощь), и научных. В равной мере природа терпит ущерб при капитализме и при социализме.

Экология, возникновение которой относится к середине прошлого века и которую теперь часто производят в прилагательное к слову кризис, выросла в могучую многоотраслевую науку. Но, как это ни странно, в ней все еще многого недостает. Такая отвлеченная формулировка означает в сущности недостаток знаний о живой природе, особенно о растительном мире. Ведь именно растительность трансформирует энергию Солнца в энергию органического вещества, благодаря чему существует животный мир, в том числе и человек. Жизнь и вощзникла как таковая в облике простейших растений, которых теперь решили считать бактериями.

Давно установлено, что растения являются чуткими индикаторами среды обитания и имеются хорошие примеры тому. Однако в этом плане неясности все же больше, чем ясности. Что именно индицируют разные виды растений?.. Частные факторы среды, такие, как температура, влажность, или некое интегральное значение сочетания этих факторов?.. Вопросов подобного рода очень много, но теперь ясно, что и ответов на каждый из них много. Познание происходит по принципу расширяющейся сферы - чем оно больше, тем больше и непознанного, т.е. тем больше возникает вопросов: а почему так?.. Вместе с тем, знание сгущается, уплотняется. Получив ответы на ряд вопросов, мы способны обобщить эти ответы, т.е. обозначить множество конкретных проявлений одним символом: буквой, значком, словом.

Например, побывав на действующих лесоповалах, а также на местах, где лес валили десятилетия назад, мы можем обобщить: хана лесу. Информационная емкость этого обобщения велика: при трелевке перепахана почва, а с молодняка снята кора (засохшие стволики молодых деревьев со снятой корой, торчащие вкривь и вкось, называют саблями), следовательно, восстановления леса можно не ждать даже правнукам; уровень грунтовых вод поднимается, что на севере ускоряет заболачивание и без того отлично выраженное; чтобы давать “кубы” леса, надо пилить его теперь в другом месте, затем снова в другом и т.д. (хорошо, когда лесов много!), где тоже останутся сабли, чтобы было на что сесть воронам и воронам – птицам светлого будущего. Самый удобный способ транспортировки спиленного леса это – сплав. Побросали бревна в реку, и она тащит их покуда не перегородят ее бонами для скопления бревен. Часть их, правда, застревает по берегам и мелям. Но есть целая флотилия водометных судов с бригадами сплавщиков. Суда эти маленькие, а волну дают такую, что и бетонный берег не одлго бы выдержал, а суглинистый размывается как кисель. Ползет суглинок в реку и трава не может его удержать своими корнями. В низовьях реки появляются мели, украшенные зарослями камыша. Для уток тут раздолье, а вот сколько времени река еще будет судоходной – вопрос.

Затонувшие бревна вносят свою лепту в загрязнение реки. Размокшая, осклизлая древесина выделяет в воду соединения, пагубно действующие на многие водные организмы. Поэтому в сплавных реках нет траков (хотя до лесосплава были), исчезают ценные породы рыб, иногда даже не видно лягушек.

Экологические цепи в природе разнообразны и удивительны. На них накладывают отпечаток изменения климата и деятельность человека, которая теперь уже способствует и общему изменению климата, например, увеличением содержания углекислоты в воздухе, что создает на Земле в

умеренных широтах парниковый эффект. Познание экологических цепей сопряжено с трудоемкими исследжованиями – определением количественного переноса вещества и энергии в разных экосистемах при различных процессах. Таких исследований до сих пор проведено очень мало. Помимо огромной себестоимости количественное изучение экологических цепей должно основываться на качественных натуралистических наблюдениях. Уже такие наблюдения, определенным образом организованные, дают представление об экологических цепях и могут быть основанием для прогнозов изменений в ландшафтах при сооружении инженерных конструкций.

В нашей стране экология развивалась в основном зоологами, но наиболее информативными экологическими наблюдениями являются ботанические, поскольку ботанические объекты неподвижны, практически непрерывны в пространстве, легко устанавливаются по обилию, между ними наблюдаются определенные отношения, они часто связаны с какими-либо более или менее четкими абиотическими условиями или элементами рельефа, а также климатом. Чтобы выявлять причинные закономерности в распределении ботанических объектов необходимы также наблюдения за климатом, рельефом и подстилающими породами, почвами, а иногда и животным миром. Одним словом, путь в экологию лежит через накопление наблюдений и установление связи между разнородными наблюдаемыми явлениями. Заканчивая университет как ботаник, я практически стихийно пошел по этому пути, так как экология у нас не давалась, а тем более климатология, геоморфология и ландшафтоведение (насколько мне известно, эти науки и сейчас не преподаются на кафедре высших растений, а на кафедре ботанической географии, где они преподаются, жалкой выглядит собственно ботаника). Слишком много ненужного было тогда в университетском курсе в ущерб тем областям знания, которые обеспечивают гармоническое представление о природе у студента-естественника. Помнится, я чуть не слетел со стипендии за незнание Программы построения коммунизма за 20 лет. Резоннее было бы сдавать зачет по “Чевенгуру” Андрея Платонова, о котором тогда не слыхивали.

О моих первых экспедициях, когда сама природа давала мне понять, что делать и как думать, - эта книга. Она написана много лет назад, дописана тоже много лет назад, потом еще пописана. В конце 80-ых годов ее чуть было не издал “Гидрометеоиздат”, но дело затянулось (“мохнатой руки” должно быть не хватало), а потом началась эпоха развала “до основанья”. Государственное издание книг перешло в руки предпринимателей, как и все остальное.

При сохранении певоначального текста, в него были вкраплены небольшие разделы, освещающие современное состояние отдельных проблем и описание некоторых экологических процессов, осознанных много позднее, через сравнение с другими регионами нашей страны. Однако работа по осознанию началась здесь, в Онежье и Пинежье, и многое отсюда потом включалось в более общие научные сюжеты.

За давностью можно было бы и не издавать эту книгу, но, я знаю, что существует категория людей (к которой и сам отношусь), находящих удовольствие и полезные сведения в натуралистических путешествиях других. В облаке смрада, нависшем над Россией на пороге 21-го столетия, хотелось бы поделиться дорогими мне воспоминаниями с теми, у кого появится желание внимать. Так в тюрьмах многие люди готовы рассказывать свои истории любому кто пожелает их выслушать.

ВВЕДЕНИЕ

Более 40 лет назад, расхаживая по многочисленным коридорам Ленинградского университета, я пребывал в глубоком раздумье. Нужно было определяться, то ли стать орнитологом (раз уж я всегда интересовался птицами), то ли ботаником (травы тоже занимали меня). А если ботаником, то на какую кафедру податься: высших растений или геоботаники? После замечательной студенческой практикп в "Лесу на Ворскле“ в Белгородской области, стало ясно, что меня влечет экология растений. Это наука о жизни растений вообще: что они испытывают в разных местах своего произрастания; по каким причинам растут в одном месте и не растут в другом; почему одни растения очень обычны, а другие встречаются редко, иногда это настоящие уникумы; как характеризовать среду обитания растений – что важнее: температура, влага или их сочетание, или еще что-то и т.д. Казалось бы нужно определяться в пользу кафедры геоботаники, где можно заниматься экологией. Но на кафедре высших растений сотрудники резонно возражали. Чем бы ты не занимался в ботанике, прежде всего нужно хорошо знать растения, а на кафедре геоботаники это знание ты не получишь. С другой стороны, заниматься экологией можно и у нас. Пожалуйста, никто эту заинтересованность у тебя не отбивает. “Поедем в экспедицию в Архангельскую область, на Онегу”, - добавил Павел Михайлович Добряков, куратор гербария кафедры.

Что и говорить, предложение было заманчивым. Кафедра высших растений готовила специалистов по систематике и флористике. Первая наука делает акцент на установление родства растений, принадлежности их к той или иной систематической категории. Вторая более занята географией растений и их наборами в разных местностях. Но обе они связаны с экологией, хотя никто толком не знает, каким образом. Объяснения получаются сбивчивые, путаные, на которые лучше сразу отвечать: “Ну да, понятно”.

Потом выяснилось, что убеждения сотрудников кафедры высших растений оказались самыми подходящими для моего развития. Видимо очень важно вовремя подсказать студенту перспективы его дальнейшего пути. Я помню некоторых товарищей, которые так и не нашли своей дороги в мире познания, и, закончив университет, начали работать в разных учрежденгиях без особых стремлений сделать что-то в науке.

Насколько я теперь понимаю, в научной сфере имеется три типа людей: 1) работающие в науке, 2) работающие для науки, 3) работающие при науке. Все три категории необходимы для научного прогресса, но его интенсивность определяется в немалой степени соотношением этих категорий. А соотношение сие существенно зависит от качества молодых специалистов, заканчивающих университеты. В свою очередь качество студента выпускника обусловлено не только его личными данными, но и влиянием преподавателей и старших товарищей. Это влияние должно прежде всего развивать у студента чувство ответственности, которое позднее перерастет в научную совесть, без которой работать в науке не рекомендуется. Нужно также каким-то ненавязчивым способом привить студенту любовь к выбранной профессии, если уж она не была у него врожденной, если он сделал свой выбор в ходе учебы.

Мне кажется, что сотрудники кафедры высших растений стремились влить в наши беспечные души и любовь к растениям, и чувство ответственности за научную информацию. Поэтому уже в студенческие экспедиции мы ездили как полноправные добытчики новых сведений о распространении растений.

Добывая новые данные для науки или только учась добывать их (о чем говорится в этой книге), каждый исследователь живет не только в мире своих идей, воплощающих его работу, но и в том общем мире, над которым каждый день встает одно и то же солнце. Мир исследователя заполняет не только облагораживающий его труд, но и все те банальности, с которыми хорошо знаком каждый смертнвй. Научный багаж включает в себя не только конкретные знания в своей области, но и весь предшествующий жизненный опыт, а также ситуацию каждого настоящего времени, которое постепенно слагает прошлое. Эти "конкретные знания в своей области", хотим мы этого или нет, сложным образом взаимодействуют со всем прочим нашим внутренним скарбом. И мы постоянно становимся богаче. Однако, наступает момент, когда хочется оглянуться и посмотреть сквозь года на ушедшее; особенно на тот период, который оказался начальным, а мы и не подозревали об этом в то время.

В этой книге читатель не найдет описаний захватывающих приключений или чего-то необыкновенного. В ней нет экзотического духа, пронизывающего книги о далеких странах, в которых многим нсуждено никогда побывать. По выражению местных жителей, мы просто "собирали травки".

Может показаться, что нет ничего хитрого в собирании растений, они, дескать, растут всюду и трудно найти место, где бы что-то не росло. Так оно, в сущности, и есть, но то, что растет всюду – еще далеко не все. Растения, обычные для данной области, составляют только половину или даже меньше всей ее флоры. А остальные растения встречаются как большая или меньшая редкость и их нужно искать,так же как геологи ищут полезные ископаемые среди сплошного распространения каких-либо горных пород.

Выявление флористического состава той или иной территории является задачей науки флористики. Как и всякая наука, флористика имеет свои методы исследоывания. Здесь не место вдаваться в суть этих методов, но нужно пояснить, что мы использовали маршрутный метод.

Во флористических исследованиях никогда не может быть гарантирована действительная полнота выявления флоры. Что-то пропускается всегда, но это "что-то" может быть малым или большим. Пока не существует критериев для оценки степени выявления флоры, и многое здесь зависит от профессионального чутья флориста. Профессиональное чутье не относится к научным методам и даже не может служить аргументом какого-либо доказательства. Однако оно может явиться основой для постулируемых положений какой-либо теории, которая в дальнейшем поступит в машину экспериментальной проверки. Для флористов же профессиональное чутье столь же важно, как для собаки, преследующей зайца. Чем скорее это чутье разовьется, тем эффективнее будет идти работа по выявлению флоры.

Обычно только конечный результат – состав флоры и распределение ее видов по разным условиям обитания – становятся научной продукцией флориста. Сам же процесс исследования весьма редко представляется в качестве научной информации, поскольку этому предпосылается очевидная иснтина – ходили, смотрели, собирали. Эта истина включает в себя и некую

методическую окраску. Дело в том, что полнота выявления флоры тесно связана с тем, насколько внимательно будет изучен ландшафт, состоящий как бы из ячеек, каждая из которых есть особый комплекс жизненной среды.

Любой же вид растения встречается не где угодно, а лишь в той обстановке, которая соответствует его требованиям. Это относится, конечно, не только к растениям. Ведь именно поэтому в архангельской тайге можно не опасаться льва или кобры и, наверняка, не встретится баобаб или хотя бы дуб. И все же, хотя знаешь, насколько важно осмотреть множество разных участков, непохожих один на другой, часто нет возможности это сделать. Тогда на помощь приходит представление о типах этих участков, называемых местообитаниями. К одному типу относятся местообитания сходные по характеру жизненной среды. Во флористической практике оценка сходства обычно определяется "на глаз", но в принципе она оказывается достаточной.

В каждой данной точке существует множество факторов среды и все они взаимодействуют между собой. Это взаимодействие не может быть учтено при изучении какого-либо одного фактора, поскольку методики для этого не разработаны. Но глаз человека способен оценить, хотя и приближенно, именно суммарный эффект среды, который оказывает действие на организмы, в том числе на растения. Часто такая оценка даже не осознается, оставаясь полностью в сфере профессионального чутья. Как бы то ни было, каждый исследователь должен обладать тем, что французы называют "l`esprit de son metier" (дух ремесла).

Как писал наш известный педагог-скрипач Леонид Ауэр, дух ремесла – это только любовь профессионала ко всем мелочам своего искусства. Но сами мелочи остаются под спудом, они служат неким фоном для собственно творчества. При необходимости эти мелочи могут быть вызваны из под спуда и послужить связующими звеньями в логической цепочке. Однако так бывает не всегда, в науке могут фигурировать представления, основанные только на неосознанном опыте – интуиции. Столетия могут кануть в Лету, прежде чем интуиция станет на твердую почву доказанного положения или, напротив, доказанно отвергнутого казуса. Интуиция, профессиональное чутье в полевой раблте ботаника играет огромную. Роль, поскольку связана с рентабельностью затраты усилий и конечным их результатом. До того как начата работа по выявлению флоры в данном районе, могут быть предсказаны ее некоторые общие черты на основе изученных ранее близлежащих районов. Однако многие черты флоры предсказать невозможно. Состав флоры, т.е. набор всех найденных в изучаемом пункте видов растений, имеет собственную историю развития в соответствии с историческим изменением среды обитания. Современная флора, хотя и имеет в своем составе реликтовые, т.е. оставшиеся от предшествующих эпох виды. Весьма тесно связана с современной местной климатической обстановкой и характером рельефа.

Великое множество нюансов взаимодействия и климата создает мозаику местообитаний, ответственную за распределение растений. В этом распределении немалая роль принадлежит также случайности попадания семян или частей растения в нужные для него условия. Особенно это касается редких растений, поскольку естественно, что чем реже данный вид встречается, тем меньше он проиводит семян и тем меньше у него шансов попасть в требуемую для развития обстановку. Объясняется это прежде всего тем, что растения не отыскивают активно место для поселения, как это делают подвижные организмы. Растения развиваются только в подходящих условиях,

куда семена попадают волей случая. Понятно, что множество семян не попадает в нужные условия. Эта случайность известна флористам; она-то и служит основанием для уверенности, что некоторые виды при выявлении флоры всегда остаются невстреченными. О том, что это за виды, нельзя даже догадаться, поскольку отдельные ожидаемые виды иногда также не обнаруживаются. При этом в ряде случаев можно говорить о достоверном отсутствии какого-либо вида в данном районе, потому что если бы он имелся,, то не мог бы быть пропущен. В таких случаях делаются попытки объяснения отсутствия такого-то вида. Достоверное отсутствие столь же важный факт во флористике, как и достоверное присутствие.

Особенный интерес для ботаников представляет изучение распределения флоры по местообитаниям, характеризующим местный ландшафт. Для этого составляются списки видов, растущих в различной обстановке, описывается жизненная среда местообитания, главным образом тепловой и влажностный режим.

Изучая на своем пути разные местообитания, исследователь накапливает данные о повторности сходных местообитаний и о степени их сходства, а также о разнообразии несходных местообитаний. Что же характеризует их сходство? Уже сказано, что режим условий каждого местообитания складывается в интегральную совокупность взаимодействия режимов отдельных факторов и практически все растения подвержены случайност их попадания в те или иные условия. Отсюда вытекает вопрос – определяется ли сходство жизненной среды по признакм самой среды или на это сходство указывают определенные растения? Отвечая на этот вопрос, нужно помнить, что условия, в которых произрастают многие виды, обычно не зависят от того, есть тут эти виды или их нет. Поэтому оценка обстановки по признакам среды имеет первостепенное значение. Следовательно, использование растений в качестве индикаторов среды должно производиться с осторожностью и иметь второстепенное значение – своего рода знак повышенного внимания к его жизненной среде.

Однако некоторые растения, в частности древесные, способны очень существенно изменять условия обитания, поселившись в каком-либо месте. В таком случае основная масса остальных растений существует на данном участке лишь благодаря изменению первоначальной среды доминирующим видом. Такие виды называются эдификаторами, т.е. средообразователями, а среда, измененная их влиянием, называется биогенной, в отличие от абиогенной, в условиях которой растения зависят только от факторов существовавших здесь еще до поселения растений. В лесу жизненная среда мелких растений тесно связана с условиями, создаваемыми пологом леса. А на скалах пинежских рек полога леса нет и здесь основную роль в формировании жизненной среды выполняют абиогенные факторы: состав горных пород, крутизна склона, его экспозиция, освещенность, прогреваемость, характер увлажнения, и пр. Таким образом, в лесу и на скалах существуют принципиально различные типы жизненной среды, а в связи с ними совершенно несходные наборы видов.Однако над скалами часто обнаруживаются карстовые просадки, где на поверхность выходят гипсы и в то же время имеется древесный полог. В этих, так сказать, промежуточных между лесом и открытымммми скалами условиях и набор видов оказззываетсяяя промежуточным. Одни виды, произрастающие здесь – скальные растения, другие – лесные, вместе с тем в обеих группах чего-то

недостает, так что по числу видов такое местообитание беднее скального набора, но богаче лесного так как флора скал значительно богаче лесной флоры на соседнем участке.

Распределение всей флоры по разным комплексам условий обитания до сих пор недостаточно разработано в методическом отношении. Всем хорошо известно, что флора любого района “растекается” по разным местообитаниям, но каковы закономерности этого “растекания”, каковы общие принципы распределения растений – до сих пор остается в тумане досужих рассуждений.

Все растения имеют латинские названия, которые только и действительны в науке. Названия местные часто неизвестны даже ютаникам. Таких названий может быть огромное количество, если растение распространено в разных областях. Латинское же название является официальным и сопровождается описанием растения на латинском языке. Таким образом, все ботаники мира понимают о каком виде растений идет речь.

Многие названия растениям даны ботаниками прошлых столетий , в особенности Карлом Линнеем, который ввел употребление двойных названий (рода и вида). Романтический склад мышления в те времена сказался в том, что многие растения связаны своими названиями с мифическими преданиями. Объяснение некоторых названий я включил в эту книгу по соответствующим литературным источникам. Знание о происхождении названий обогащает студента и создает в нем ощущение причастности к тем далеким временам, когда современнаяяяя ботаника только зарождалась.

Однако студенет-биолог должен стремиться узнатьбольше из рук самой Природы. Знания, полученные в университете по разным биологическим дисциплинам, должны толкать его на общение с Природой. Подлинное наслаждение испытывает тот, кто, бродя по лесам и лугам, знает названия встречающихся растений, насекомых, птиц. Все, конечно, знать трудно, но стремиться к большему просто необходимо. Когда студент “подрастет” и займется каким-либо научным делом, он постепенно утрачивает широту интересов, потому что занятия чем-то одним требуют полной отдачи. Обычно, если студент стал профессиональным ботаником после окончания учебы, он перестает заниматься птицами и насекомыми. Иногда он силится убедить себя, что это временное явление, но годы засасывают его вглубь только своей науки, а все остальное остается в стороне. Однако если в студенческую пору он интересовался всем, что окружает его в природе, он может этим гордиться. А в природе все еще много непознанного и бесконечный путь для размышлений.

Начало пути

Ах, с топочущих стогн
В легкий жертвенный огнь
Рощ! В великий покой
Мхов! В струение хвой…
Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн –
Настоящая жизнь.

Марина Цветаева

С детства какие-то силы влекли меня за пределы города, туда, где над полями, кувыркаясь в воздухе, стонут чибисы, а дальше синеет зубчатая стена леса, в который входишь словно в храм. Копились впечатления, росли знания о скрытой жизни лесов и стало ясно наконец, что изучение природы это мое призвание и необходимо получить соответствующее образование, чтобы призвание заполнило жизнь целиком, а не превратилось в воскресное хобби. И я поступил в университет. После двух лет сосредоточенного протирания штанов на жестких университетских скамьях моя звезда воссияла над архангельскими лесами. С однокурсником Валерой Симачевым мы отправлены в экспедицию, организованную кафедрой высших растений, на поисаи растений или, как говорят на кафедре, выявления конкретных флор. Нам придана даже помощница – для кулинарных опусов. Впереди щекочущая неизвестность, подогореваемая проплывающими видами северного бытия.

Был конец июля 1967 г. и ехать нам уже изрядно надоело, когда ночью к нашей троице подошла проводница. Пора готовиться к высадке. Смотрим воспаленными глазами в окно. Кругом тайга. Но вот… начался просвет и поезд сбавил ход. Схватив рюкзаки, мы с облегчением покидаем вагон и вдыхаем весьма свежий северный воздух. Еще только четвертый час утра. Небо подернуто серой дымкой, хотя светло как днем. Куда-то нужно идти, так как в Обозерской нам предстоит просидеть до следующей ночи. А там потащится местный поезд, который доставит нас в Вонгуду, откуда мы доберемся до своих товарищей на реке Онеге.

Выяснив, что неподалеку от станции есть большое озеро, направляемся туда.

Мы проходим мимо огородов с картошкой около спящих домиков, выходим на луга с огромными валунами там и сям и скоро располагаемся на каменистом берегу озера под прекрасным сосняком. Озера, окруженные бахромой леса, представляют важный элемент облика нашей планеты, неизменно радующий глаз человека. У нас подскакивает тонус. Закидываем удочки, пьем чай. Все прекрасно, но – комары… Тучи нещадных кровопийц собрались на пир к нам на костерок и немало омрачают наши восторги. Утром у нас уже получилась уха, правда, из очень юных рыб, к тому же удивительно костлявых. Клев был исключительно на поплавочные удочки, хотя и на донках черви оказывались обглоданными.

День выдался чудесный, но еомаров стало меньше лишь во второй его половине, когда с озера потянул ветерок. Поверхность воды стала

морщинистой. Мы знакомились с камнями на берегу озера, с растениями, которые тут обитают, присматривались к насекомым, прислушивались к птицам.

На окраине соснового бора, около нашего бивака вдруг обнаружилось гнездо необыкновенной осы. Несколько раз она пролетала мимо нас с ношей на ногах и мы стали следить за ней. Наконец в коре сосны мы нашли дырочку – вход. Пришлось разорить гнездо. Оно представляло собой беспорядочную сеть более десятка ходов, которые выгрызла своими сильными жвалами оса. В конце каждого тупикового хода лежала парализованная гусеница, а около нее яйцо осы, причем довольно крупное. Гусеницы были разных видов. Когда мы изучали устройство гнезда, появилась хозяйка с очередной жертвой. Довольно странно видеть насекомое с ношей в лапах. На этот раз оса угодила в морилку.

Представим себе жизнь этой осы в пору ее озабоченности о продолжении рода. Сколь сложна система ее рефлексов. Оса находит на дереве местечко, где можно начать грызть ходы. Нужно, чтобы это местечко было удобным, прогревалось солнцем, не заливалось водой в дождь. Хозяйка, разумеется, помнит место, избранное ею. Много труда она кладет на то, чтобы выгрызть систему ходов. Затем оса летит на охоту за гусеницами. Нужно, чтобы гусеницы были небольшими, подъемными для осы и чтобы их можно было затащить в дупло. Гусениц эта своеобразная хищница парализует, нанося укол в центр нервной системы. Можно быть уверенным, что она не промахнется. Таким образом, гусеница не умирает, но и не способна двигаться. Ведь если бы оса просто убивала свою жертву, то ее личинкам пришлось бы кормиться недоброкачественной пищей. Рядом с парализованной гусеницей, затащенной в дупло, оса откладывает яйцо. Когда из яйца разовьется личинка, то она сразу может приступать к трапезе. Съев гусеницу, личинка окукливается и зимует. Весной из куколки является юная оса, которая выбирается из дупла, и, возмужав на воле, повторяет все, о чем сказано. Что это была за оса осталось для нас неизвестным. Удалось лишь выяснить, что имеется целый ряд видов таких ос, трудно отличимых друг от друга, из подсемейства одиночных ос, относимого к тому же семейству, что и всем известные бумажные осы, ведущие общественный образ жизни и не занимающиеся хищничеством. Парализованными гусеницами обеспечивает свое потомство и очень симпатичная оса – аммофила, но она делает гнезда в земляных норках и тоже одиночная.

Переплыв на другую сторону озера и расхаживая вдоль берега, я увидал огромного наездника, шуршащего в полете крыльями словно стрекоза. Я погнался за ним и вскоре выловил. Это было еще одно чудо природы – наездник эфиальт. Он также устраивает свое потомство с комфортом, помогая к тому же человеку в борьбе с вредителями леса: эфиальт откладывает свои яйца в тело гусениц жуков усачей и короедов, которые живут под корой деревьев, выгрызая там замысловатые ходы, которые, вероятно, все видели хотя бы на дровах. Но как же умудряется эфиальт найти гусеницу под корой и отложить в нее яйцо? Сколь это ни загадочно, но он находит свою невидимую цель. Бегая по стволу дерева, эфиальт постукивает по коре своими усиками, с помощью которых определяет точное положение гусеницы. Сзади у всех наездников имеется так называемый яйцеклад – это трубочка в виде хвоста. У эфиальта яйцеклад особенно большой, да и сам он среди прочих наездников – самый крупный. Так вот, обнаружив гусеницу короеда, эфиальт точно

рассчитывает место, приподнимается, упирает яйцеклад в кору и начинает вокруг него вращаться. Яйцеклад словно бурав входит в кору, достигает тела гусеницы и вонзается в него. В этот момент эфиальт перестает сверлить и, понатужившись, опускает в тело гусеницы свое яйцо. Затем он вытаскивает яйцеклад и, вероятно, отдохнув, принимается искать следующую жертву. Гусеница короеда тоже продолжает свой путь, но недолго осталось ей блаженствовать. Через некоторое время из яйца, находящегося в ней, разовьется личинка эфиальта и начнет кормиться телом своей хозяйки, пока не слопает его целиком.

Вдоль озера снуют крупные стрекозы-коромысла. Это типичные хищники. У каждого из них свой охотничий участок, вдоль которого они и летят. Вот стрекоза делает рывок в сторону и хватает какое-то насекомое. Довольно часто она промахивается, но не старается преследовать жертву, а летит дальше.

На брошенную куртку заползла жирная гусеница и тут-то ее настиг муравей. Он немедля вцепился в гусеницу, которая яростно пыталась избавиться от нахала. Я подогнал второго муравья, который повел себя весьма странно. Сначала он словно присосался к первому муравью. Когда я пошевелил их всех вместе, второй муравей перебрался на гусеницу, вцепился в нее и замер. Создавалось впечатление, что муравьи сосут тело гусеницы, так как и под лупой я не мог заметить каких-либо движений. Гусеница то пыталась уползти, то принималась отбиваться. Она резко изгибалась и работала своими жвалами, которые были маленькие и могли обхватить только муравьиную ногу. Когда гусеница хватала ногу муравья, то легко обрывала ее и, пожевав, "выплевывала". На муравьев потеря ног, казалось, не производила впечатления. Они продолжали свое дело, лишь судорожно двигая оставшимися ногами, особенно передними, но я расценил это не как реакцию на боль, а как состояние экстаза. По-видимому, гусеница была очень вкусная, и, действительно, жировое тело ее было солидным. Когда она ползла, то казалось, что внутренности ее перетекают из одного конца туловища в другой. Мелкие муравьи, которых я подгонял к гусенице, тут же убегали, вероятно, остерегаясь крупных сородичей, стоящих уже на половине своих ног. Один из мелких вцепился было в гусеницу, но неудачно. Она изогнулась, подцепила его и отшвырнула прочь, с чем муравей и убежал.

Над озером с криком кружат чайки. Под водой колышется целая заросль водорослей и водяной сосенки, а над водой – стройные стебли тростника. Оранжевые колонны сосновых стволов удерживают шевелящиеся клубы мерцающих малахитом ветвей. По мягкому злаковому ковру на склоне идут волны как по воде. По небу плывут белые облачка. Воздух насыщен озоном.

1. На берегу озера близ Обозерской. Радостный облик озера внушает желание порисовать.

2.3. Озеро в Обозерской. Две сосны (с акварелей автора).

Мы с Валерой идем вдоль озера, охваченные чувством благости, и приглядываемся ко всему, что попадает в поле зрения. Озеро тянется широкой лентой и с первого взгляда кажется рекой. По-видимому, оно ледникового происхрждения. Многотонные живописные валуны рассеяны по обе стороны озера.

Среди камней на берегу много обломков известняка, а в конце озера мы обнаруживаем его скалистые выходы. Скалы, однако, невысокие. Над ними

возвышаются растрепанные березы. Никаких специфических растений мы не видим. Здесь все то же самое, что и на других открытых местах, где известняков нет. Много сорных трав, которые “обожают” известняки. Это виды клевера: ползучий и полевой, пижма, очанка, поповник, ястребинка зонтичная, кульбаба, одуванчик, в корзинках которого, называемых обычно цветками, копошатся шмели и мухи.

4.5. В поисках нектара.

А вот сидит вроде бы оса, судя по брюшку. Однако это вовсе не оса, а осовидная муха, т.е. имитирующая осу. У нее нет талии и два крыла, тогда как у осы их четыре. Сходство с осой повышает такой мухе шансы не быть съеденной кем-либо.

6. Осовидная муха.

Морилка выскальзывает из моего кармана на обрыве и звон бьющегося стекла звучит поминально по осе, эфиальту и прочим собранным насекомым. Наше внимание привлекают окаменелости в кусках известняка. Мы впитываем глазами останки того, что сотни миллионов лет назад плавало или ползало по дну моря, волны которого ходили на уровне наших голов.

Вечером мы тащимся на вокзал и наслаждаемся живыми картинами. Господи… как давно они написаны… еще Гоголем и Чеховым!.. Те же фигуры, выражения лиц и житейская озабоченность без божественной подсветки. Какая-то баба в сером отделяется от дверного косяка и подходит ко мне: “Ногу хочешь?” “Что? Какую ногу?..” Мне представляется жареная куриная нога. “А-а!” – баба досадливо машет рукой и отходит.

Валера хохочет: “Не уважаешь местных представительниц древнейшей профессии!..”

\- Да не может быть, чтоб такое чучело?!…

На реке Онеге.

Онега пред нами,
Взоремте ура…
(Из песни, которую забыли сочинить)

В поезде всего из двух вагонов, называемом местными жителями “подкидыш” , душно и тесно. Предыдущая бессонная ночь, о которой мы забыли днем, теперь дала себя знать. Хотелось лечь куда угодно и спать. До Вонгуды добрались к утру и, погрузив на себя рюкзаки и гербарные сетки, зашлепали по шпалам дальше, к деревне Порог. Вдоль насыпи буйно цвели заросли иван-чая узколистного. Остановившись на завтрак, сходили с Валерой на экскурсию и к соему изумлению нашли чемерицу. С этим крупным растением южного облика мы познакомились недавно в Белгородской области и совсем не думали встретить его здесь.Однако мы глубоко заблуждались,

ибочемерица растет и значительно севернее Онеги. Внешним обликом чемерица напоминает ландыш, только во много раз увеличенный. Это и не удивительно, так как оба вида относятся к тому же семейству лилейных. Оба они очень ядовиты. В кустах близ речушки шмыгали дрозды и одного мы застрелили для определения и на обед.

Наконец показалась река Онега. Выше по течению вдоль реки простирается равнина, покрытая низким лесом. Но близ железной дороги равнина сменяется довольно высокими холмами.

7.8. Река Онега близ дер.Порог.

В месте стыка равнины и холмов течет небольшая речка, вдоль которой тянется деревня. Дома в ней весьма современного облика. Здесь мы познакомились с группой, к которой принадлежали и сами. Наши товарищи жили в гостинице с тщательно выскобленными полами. Мы решили, что нам сподручнее расположиться на берегу Онеги, куда и направились.

Цепочка домов вдоль речки в устье ее поворачивает и протягивается уже вдоль Онеги по ровной как стол суглинистой террасе. Ни на террасе, ни на берегу под ней валунов нет, только суглинок, спекающийся, как цемент, в ясную погоду и раскисающий после дождя. По другую же сторону речки берег Онеги завален валунами, которые видны и на склоне холма, сложенного в основном суглинком и супесью. Выходов коренных пород, как известняки в Обозерской, здесь не видно. На противоположной стороне реки рельеф как бы симметричный. Выше по реке ровная низкая терраса, против холма у деревни Порог – тоже огромный холм, отделенный лощиной от общего возвышения равной с холмом высоты. Валуны там начинаются как раз против их начала на этой стороне. Они продолжаются, разумеется, через Онегу, образуя пороги. Ясно, что отсюда происходит название деревни.

Огромное количество валунов много тысяч лет назад сюда притащил ледник, который создал и холмистый рельеф на том месте, где стоит теперь деревня Порог. Тропинки, спускающиеся к реке от домов, четко выделяются издали и кажутся даже неестественными.

На холмах леса нет, лишь кое-где торчат кусты. На приречном склоне, подмываемом в весеннее половодье, красуется букетом корявых стволов береза. Собрание ее корней на две трети уже торчит над склоном в виде козырька. Но деревце еще и не думает погибать. Травы здесь нам кажутся неинтересными, так как встречаются на каждом шагу. Это поповник, обычно называемый ромашкой, и настоящие ромашки, одна из которых носит название ромашковидной (самый обычный сорняк), а другая – аптечной; тысячелистник, называемый ахиллея по имени мифологического героя Троянской войны Ахилла, который залечивал этим растением раны; полынь, латинское название которой – артемизия – дано по имени супруги царя Мавсола Артемисии, жившей в четвертом веке до нашей эры (считается, что она вылечивалась полынью от женских болезней); подорожник, называемый так из-за сходства листьев с подошвой ноги человека; манжетка, в листьях которой долго сохраняется ночная роса, по мнению средневековых алхимиков, обладающая чудодейственными свойствами, почему растение и названо алхимилла – в честь алхимии; вероника – дубравка, родовое название которой происходит от латинского vere unica – подлинное единственное растение (таким считалась вероника лекарственная).

После мучительного перехода от Вонгуды мы, разумеется, первым делом залезли в реку. Вода кажется необыкновенно приятной и от физической усталости скоро не остается и следа. Мы выбрали место стоянки среди скопления гигантских валунов ниже по реке близ железнодорожного моста. С рыбалкой дело не ладилось. То и дело приходилось лезть в воду и отцеплять грузило донки, застревавшее в камнях. Ходить по скользким валунам весьма неприятно, но зато на сухих валунах на берегу – сплошное удовольствие. Верх уходит крутой склон, на котором раскинулся сосновый бор. На склоне хорошо видно, что вся эта огромная толща образована рыхлыми отложениями – суглинком и супкесью с о включением валунов до самого верха. Местами склон оползает от действия текучих вод. По нему скатываются валуны, вымытые из глубины толщи. Там же, где валунов в толще нет, на берег намыт суглинок, закупоривший все "поры" между валунами. Кое-где на склоне упали огромные сосны, из-под корней которых вымыло супесь. На некоторых участках вообще отсутствуют травы, так как из-за подвижности субстрата они не успевают вырасти. Такие участки испещрены струйками воды. Издали они кажутся каменными, а вблизи оказывается, что по ним и двух шагов вверх не сделать, так как грунт начинает ползти.

Вылезая наверх, неожиданно убеждаешься, что тут же начинается склон в другую сторону. Вдоль реки, оказывается, тянется гребень с очень узкой песчаной верхушкой. Пятна брусники чередуются на нем с покровом лишайников, которые хрустят под ногами, словно вафли на зубах. Сверху река кажется небольшой. Во время ледоходов льдины передвигают валуны и за тысячелетия они соорудили целые дамбы, выдвигающиеся под углом к течению до середины реки. Дамбы завалены бревнами, которые плывут и по бурлящей реке. Сквозь грохот воды доносятся глухие удары бревен друг о друга и о камни. Этот содом на поверхности реки виден до самого ее поворота в 2-3 км ниже.

В противоположную от реки сторону уходит глубокая лощина со смешанным лесом, где водятся рябчики. Снова убеждаюсь в удивительной способности рябчиков маскироваться. Можно с расстояния десятка метров долго высматривать его, пока ему это не надоест и он не улетит.

Неподалеку тарахтит машина и вскоре я оказываюсь на ухабистой дороге, по которой идет мужик с удочкой. Спрашиваю: "Куда ведет дорога?.." – "В Онегу" – следует ответ.

Выясняю, что до поселка Онега отсюда 25 км и что дорогу строили заключенные.

Много их тут полегло, - сообщает на прощание мужик.

Дорога тянется вдоль реки и с нее особенно хорошо видно сколь развит здесь рельеф. Глубокие понижения чередуются с высокими холмами. Один такой холм как раз против поворота реки особенно живописен. От красновато-апельсиновой коллонады могучих сосен рябит в глазах. Кроны смыкаются так, что внизу темно, как в ельнике. Может быть поэтому напочвенный покров здесь не брусничный, как обычно в сухих сосняках на песках, но черничный. А местами – заросли папоротников: то низенького и плоского голокучника Линнея, то высокого щитовника австрийского, листья (вайи) которого образуют чащу. Это такой же холм, как и близ деревни, а также на другом берегу Онеги. Следовательно, когда-то все эти возвышенности были покрыты вот такими чудными сосняками, от которых теперь близ деревни и следов не осталось. Лес пошел на строительство, и на его месте

сформировались луга – сенокосные угодья, среди которых .лишь кое-где видны кустарники.

Всего в 1 км от деревни лес почти не тронут. Сосняки чередуются с ельниками, которые нередко занимают и наиболее высокие места, на которых привычнее видеть сосну. Точно также на сухих местах более привычно видеть брусничники и они, конечно, есть, но все же многие места, где, казалось бы, должна расти брусника, заняты черничником. В небольших брусничниках часто виден оховой покров и примесь черники, с увеличением которых брусники становится все меньше. Черника здесь явно преобладает над брусникой и встречается в любом лесу на каждом элементе рельефа, тогда как брусника обильна лишь кое-где в сосняках на сухих песках. Поскольку черника более сопутствует ели, а брусника сосне, то преобладание первых даже на тех местах, где должны быть вторые, говорит об увеличении влажности в районе в последние десятилетия.

Это заметно на разных местах, даже на прогалинах, где подрастают юные березы, осины и рябины. Они еще похожи на травянистые растения и огромные листья березок и осинок делают их неузнаваемыми. Высоченные крепкие стебли вейника тростниковидного покачиваются между ними, а пучки его крупных изумрудных листьев торчат там и тут. Почва здесь влажная, много опада листьев, не успевшего разложиться с прошлого года. Местами просто сыро,хотя буквально под поверхностью находится песок. Юные сосенки тоже присутствуют, но удастся ли им вырасти во взрослые деревья в таком окружении – большой вопрос. А по соседству обычно ельники, заваленные гнилым валежником. В них так темно, что даже черника растет редкими кустиками. Кое-где торчат стебельки седмичника и пучки кислицы, ажурные

Рис. 1.

-

голокучники, да мохнатым шнуром стелется плаун годовалый. Все это – типичные темнохвойнотаежники, но в данном случае даже из них в этой прелой темноте сидят лишь наиболее выносливые экземпляры.

Выше по уклону ельник становится светлее. Среди елей все больше березы и можно подумать, что это они крапчатой белизной своих стволов подсвечивают в ельнике. Сразу больше становится трав и черники. Кое-где много малины, костяники, всюду заметен изящный майник с кисточкой мелких белых цветков. Вспарывают тишину рябчики и где-то рядом

Рис. 2.

слышно тихое верещание. Это мамаша-рябушка предупреждает своих уже взматерелых цыпляток, чтобы сидели тихо, не шумели.

В понижении между холмами озеро с торфяными берегами. Вода в озере черная. Около берега плавают овальные листья кубышки, между которыми торчат, словно нанизанные на палки, желтые “розы”, ее цветки. Напитанный водой сфагновый ковер глубоко прогибается под ногами, чавкает, хлюпает и тут же распрямляется как резиновый. Только плети клюквы жрожат некоторое время. Зеленой щеткой стоит хвощ топяной, рядом целая плантация свежей

зелени вахты – трилистника. Невзрачные болотные осочки покачваются над округлыми морщинистыми листьями морошки. Для таких условий обитания характерны некоторые виды, в научном названии которых имеется эпитет болотные. Это мытник, шейхцерия, сабельник. Все эти растения не живут на соседнем высоком склоне, поскольку приспособлены именно к болоту. А вот сосна и склон покрывает, и тут обычна. Только на сфагновом ковре сосна имеет максимальную высоту 7 м, а в среднем 3 м, тогда как на соседнем склоне она достигает 25 м, а в среднем около 20 м. Береза на болоте тоже мелкая, а на склоне раз в 15 больше. Но ель предпочитает держаться от болота подальше. Тем более примечательно, что сфагновый покров формируется и в ельниках, да еще и расположенных на высоких уровнях. Появление сфагнов означает, что началось заболачивание, так как чем больше сфагнум будет разрастаться, тем больше он будет держать в себе воды и к тому же создавать очень кислую среду, которую большинство растений не выдерживает. Получается, что когда сфагнум лбразует в ельнике сомкнутый покров, ель начинает гибнуть, а для сосны создадутся терпимые условия. Однако пока большая часть погибших елей не упадет, сосна здесь не может поселиться из-за недостатка освещенности.

Чем дальше от реки, тем больше болот. И рельеф как будто выполаживается. Хорошо бы посмотреть на все это сверху, метров со ста! Может быть, впереди ждет что-то интересное, скажем, гора, а на ней невиданные травы. Но похоже, что дальше тянутся сплошные болота с чахлой сосной и черными пятнами мелких озер. Надоедает вытаскивать ноги из сфагнового месива, пестрящего зелеными, желтыми и красными пятнами природной акварели.

Пробираясь обратно к реке, спускаюсь по пологому скату к ручейку на днище лощины. Вдоль ручейка тянется ольховый лес с травостоем по грудь. Здесь больше всего лабазника и крапивы, постоянно напоминающей о себе. В траве колдобины, гнилые пни и сучья, скользкие валуны. В таком месте, как говорится, и черт ногу сломитЮ поэтому лучше вылезти повыше, где хоть видно, куда ногу ставишь.

Моховой ковер оттопыривается ровной грядкой, скрывая покоящийся под ним ствол большого дерева. Гнилой пень одет шапкой мха, напоминающей женские шляпы из шкуры песца. С отмерших нижних ветвей елей свисают патлы лишайников. Где-то наверху светит солнце, а тут царство гнили, пожираемой мхами. “Це-е, це-е”, - раздается нежный, но резкий голос синички-гаички, оповещающей своих сородичей о том, что кто-то инородный появился. Прошмыгали мимо бело-серые комочки перьев с черными чепчиками и снова тихо.

А это что за куст?.. Ведь не ольха!.. С черными ягодками на ножках… Да, ведь это крушина ольховая!.. Вообще-то кустарник этот довольно южный. А впрочем жимолость обыкновенная, называемая в народе “волчьими ягодами”, тоже не северянка, а близ реки на склоне ее полно. Да и сочевичник весенний (вот он тут торчит) привычнее видеть где-нибудь под липами или кленами в Ленинградской области, чем под елями на Онеге.

Заметались лучи солнца меж стволов, предвещая конец леса или большой просвет. И точно… скоро перед глазами Онега. Приятно выйти из лесной сдавленности на широкий простор, да еще и с клокочущей рекой под ногами. Склон, уходящий вниз, покрыт здесь кустарниками, из которых торчат мощные осины.

На валунном берегу четко заметны две полосы. На той, что граничит с водой, валуны черные, а поодаль они светлые. Объяснение находится быстро. Черные валуны в паводок пропитываются водой. На них даже висят пряди полуводных мхов. А светлые валуны надолго не заливаются и внутри воды не содержат.

Многие растения обитают только на берегу, в лесах или на болотах их не увидишь. Тут растет, например, девясил британский, похожий на маленький подсолнечник не только внешним обликом, но еще и тем, что тоже поворачивает свою цветочную корзинку вслед за

Рис. 3.

солнцем. Его латинское название – Inula – происходит от имени красавицы Елены, жены царя Менелая, из слез которой, якобы, выросло это растение. Около воды в спокойном месте образует небольшую заросль дербенник иволистный – высокое растение с султаном фиолетовых цветков. По-латински он называется Lithrum – пролитая, свернувшаяся кровь. Еще один султан цветков, только голубых, демонстрирует вероника длиннолистная. Кое-где бросается в глаза желтый султан с оранжевым крапом. Это – льнянка. Она относится к сорным растениям, многие из которых охотно селятся на речном берегу, благо места всем хватает. Тут и мята, разные виды клевера, мышиный горошек, подорожник, хвощ полевой, кульбаба осенняя, цветки которой раскрыты, чем предсказывают хорошую погоду на завтра. Ее научное название – Leontodon – означает львиный зуб, на который якобы похожи некоторые листья этого растения. Больше всего на берегу банальных растений вроде иван-чая и пижмы. Но есть и выходящие сюда из леса. Костяника, например, чувствует себя здесь прекрасно и ее плети-усы тянутся по камням на 2,5 м. На плетях сидят маленькие дочерние костянички. Они уже запустили корешки в мокрый песок между валунами, но растение-мамаша еще подкармливает их через плеть, словно по шлангу.

Наше пристанище обозначалось только дымком костра, сидя у которого можно было отрешенно смотреть в любом направлении, ощущая сопричастность с чуждым пространством и бесконечностью творящих сил. Изредка по мосту прогрохочет поезд и снова только журчание воды и шелест ветерка в кронах. Но вот над рекой раздается гул моторной лодки. Кастрюля с супом, поставленная в воду остужаться, захлестывается волной. Ротозеи… теперь суп с песочком.

Ночи стоят теплые, даже у реки мы ночуем без костра. Белые ночи кончились, часа два-три довольно темно. В это время вечное журчание воды кажется откровением мировых тайн, навевая мистическое восприятие действительности и сонмы образов ушедшихили не пришедших. Днем же, сидя на валуне и впитывая в себя окружение, невольно думаешь, что не напрасно многие картины философского содержания, например, “Думающий Христос” или “Лесной пейзаж с тремя философами”, изображают берег реки или моря. Мысли регулируются течением струй и величием сочетания воды, камня, деревьев.

Через пару дней наш руководитель Маша дает нам задание побывать в деревне Усть-Кожа и посмотреть, что растет в ее окрестностях. Нужно отдать нам должное – мы еще далеки по духу от настоящих ботаников. Более всего мы походим на элементарных туристов, которые собирают сувениры, в том

числе и растения. Но, как бы то ни было, рано утром мы толчемся на пристани, а вскоре плывем на маленьком теплоходе вверх по Онеге.

На речке Коже

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес…
(Сергей Есенин)

Тянутся низкие террасы Онеги, одетые сумрачными ельниками.Местами видна жизнерадостно зеленая опушка мелкого березнячка, за которым торчат маковки сосенок. Не дай бог там оказаться… Эти сосенки означают бугристое болото, в котором то и дело проваливаешься по основания ног в ямы с торфяной жижей, прикрытые сверху разной ветошью.

В старинной деревне Усть-Коже нас встречают изумленные взгляды местных жителей. Видимо, очень уж непохожи мы на тех, что были до нас. Скрипя дощатым тротуаром, мы проходим деревню и устраиваемся на берегу живописной речки Кожи. Как обычно, закидываем удочки. Добыча съестного для нас весьма существенное подспорье, так как денег у нас мало, да и из тех нужно что-то сэкономить, чтобы осенью купить какую-либо вещь. Мне, например, позарез нужен хороший фотоаппарат.

С рыбалкой на этот раз больше везет мне, чем Валере, который ловит на поплавочные. То и дело побрякивает колокольчик одной из моих донок и появляется весьма приличная рыбина. Кроме того, на поле, куда мы ходили полюбопытствовать, сколь успешно родится в этих краях картошка, я застрелил сороку, которая варится на ужин. Вечером выясняется, что суп из сороки превосходен и, в отличие от столовского супа из курицы, в нашем супе мясо совсем не уварилось.

С утра мы разбредаемся, каждый в свою сторону. У меня давно сложилось представление, что болота притягивают меня каким-то непостижимым образом. Впрочем я не сетую, считая, что болота –—это совершенно своеобразная и интересная по жизненным проявлениям природная ниша. На этот раз я, как обычно, попал в болото, к счастью, довольно сухое, так что лишь кое-где я подмачивал ноги в босоножках. Голубики здесь было колоссальное обилие, но комары являлись серьезным препятствием для того, чтобы сесть и насытиться ею. Нужно сказать, что мази от комаров у нас мало и мы ее экономим.

Переспевшая, желтая морошка представляется просто блаженством.

В одном сыром месте натыкаюсь на крупные листья, которых еще не встречал. Ага, это – что-то новое! Это оказался белокопытник ложный – дальний родственник мать-и-мачехи. Он распространен по всей Европейской части СССР, но кое-где весьма редок. Поскольку в то время растения мы знали плохо, то важно было присматриваться вокруг себя и собирать те виды, которые не встречались ранее. Такой способ вполне себя оправдывает.

Леса вдоль Кожи не столь разнообразны, как близ деревни Порог. Оно и понятно… Там хорошо развитый рельеф и поэтому множество различных местообитаний: склоны, понижения, повышения, а здесь плоская поверхность. Дремучие ельники сменяются просветленными лесами с березой и осиной,

сухие места – влажными, но все это происходит на ровном месте. Растительный мир не радует появлением невиданных растений.

В конце своей прогулки спугнул выводок рябчиков и, погоняв их некоторое время по лесу, повернул к речке. Собирался дождь и комары совсем озверели. Стоило мне выйти на речку Кожу, как полило как из ведра и мост, подвернувшийся весьма кстати, послужил мне укрытием; комарам – тоже.

9. Речка Кожа

Ливень отшумел быстро. Когда я вылез из-под моста, мир словно оживился. Зелень стала изумрудной. Речка изменила тональность журчания, так как воды в ней сразу прибавилось. Неподалеку виднелась деревушка с конусом деревянной церкви посередине. Это деревня Макарьинская в 3 км от Усть-Кожи. Здесь немного повыше и когда-то был погост. Правее конуса шатровой церкви торчит из-за дома колокольня со шпилем, а еще правее пятиглавая верхушка другой церкви, тоже деревянной. В кристальной чистоте солнечного воздуха серые храмы магнетизируют.

Своеобразие северных деревянных церквей всегда представлялось мне воплощением дикой природы в религию, в дух человеческий. Они столь гармонично вписываются в пейзаж, что кажется, будто являются неотъемлемой частью северной природы. И если их разрушить, исчезнет что-то важное, а пустота ничем не заполнится. Насколько же чувствительнее нас были люди в прошлые века, если они могли даже в архитектуре сообразоваться с природой, подчеркнуть ее гармонию, вписав нечто новое для нее, но не чуждое.

После столь чудесного видения чувствуешь себя полнокровнее, словно откуда-то из минувших веков в тебя произвели подпитку энергией.

Чтобы не собирать на себя воду с ветвей, я возвращаюсь по дороге. Она похожа на зеленый туннель, так как кроны вверху почти смыкаются. Вдоль елового строя то и дело бьет по глазам березовая белизна. Корявые стволы берез выгибаются к дорожному просвету, словно чураясь елового полумрака. Они выгнулись в этот просвет, когда были еще молодыми и тянулись к свету. А дорога существует с конца 17-го века, когда на месте деревни Макарьинской была воздвигнута первая церковь. Позднее эта дорога была проложена до Кожозера, из которого вытекает речка Кожа. На озере был основан монастырью В середине 17-го века игуменом этого монастыря одно время был Никон, ставший впоследствии патриахом всея Руси – реформатором. К результатам его деятельности относятся раскольничье движение, приведшее к возникновению скитов, самосожжениям и т.п. В Москву Никон проезжал (или скорее шел) из Кожозерского монастыря по этой самой дороге.

Вечером тронулись в деревню, где заночевали в ремонтируемом доме. Утром плывем обратно в Порог, где нас поджидает Маша. В одном месте теплоход идет по специальной протоке, так как реку перегораживает затор из бревен. Но и в протоке их так много, что маломощный теплоход местами едва пробивается. Вернувшись в Порог мы дожили там день и переночевали в старой бане. На улице после дождя было мрачно и не было гарантии, чтохляби небесные снова не разверзнутся.

На следующий день Маша проводила предыдущую группу, жившую в гостинице, и присоединилась к нам. Мы покатили на автобусе в поселок Онегу, где заняли места в малюсеньком рейсовом самолете на Малошуйку.

Малошуйские дни

Пресветлый дух, ты дал мне, дал мне все,
О чем просил я. Ты не понапрасну
Лицом к лицу явился мне в огне.
Ты отдал в пользование мне природу,
Дал силу восхищаться ей.
(“Фауст” Гете)

Первый раз в своей жизни я поднялся выше крыши и был в восторге от открывшихся панорам. Пилот отнесся к нам с полным доверием. Его жена когда-то собирала гербарий и ему был знаком вид гербарных сеток. В знак особого расположения он повез нас четверых, хотя пассажирских мест в самолете только три. Самолет не забирался очень высоко, что было весьма кстати. Иногда попадались воздушные ямы и тогда жгуче сосало под ложечкой. Внизу простирались равнины, покрытые каким-то очень уж непривычным сочетанием красок. Это были болота с ровными полосами всевозможных железистых оттенков – от бурого до светлоохристого. Другие болота напоминали орнаментом пестрый ковер. Иногда внизу проплывали озера с черной как тьма водой. Дороги изгибались серо-желтыми змеями, но еще больше извивались речки. Они делали самые неожиданные повороты, иногда образуя почти замкнутые петли. Лес вовсе не представлялся могучим и величественным. Все стало мельче и проще. Даже возникло ощущение, родственное обиде или тоске. Представлялся сам себе медленно идущий от дерева к дереву в жалком соотношении расстояния ко времени. Разумеется, утешением служило то, что эти жалкие километры пешком наполнены бóльшим содержанием, чем десятки на самолете. Но все же сами картины были потрясающие и болота эти со множеством ржавых и желтых радуг надолго запечатлелись в памяти. Сбоку уходило в кажущуюся бесконечность Белое море. Его спокойствие еще больше подчеркивало дикую северную красоту, захлебывающуюся холодными тонами и оттенками неиссякаемой палитры природы. По ассоцации возникали в памяти картины Рокуэлла Кента. Ведь только он мог вызвать такой же трепет и восторг, подлинный восторг ребенка перед чем-то совершенно для него необычным, какой вызывает сама природа.

Поскольку с нами теперь была Маша, наши ночлежные перипетии кончились. Маша решительно заявила, что в банях она ночевать не собирается и вообще – экспедиция мы или бродяги?! Она сходила в сельсовет и скоро нам открыли школу, где мы и поселились, несмотря на отличный заброшенный дом по соседству.

В первый же маршрутный день мы едва не заблудились, когда в последних лучах солнца перед нашими глазами предстала панорама бескрайнего болота. В своем тогдашнем дневнике я нахожу такую запись в весьма специфическом стиле, к которому питал пристрастие и от которого потом долго отвыкал. “И опять возникла мысль о ничтожестве одного в этой бесконечности мха, особенно накануне ночи, и возможно было содрогнуться слабой натуре и войти в экстаз сильной. Могли возникнуть без труда упования на то, что цивилизация – это блага необещанные, но настоящие, и человеку, сросшемуся

с ними, только временно можно подстроиться в унисон с природой и почувствовать себя ее частицей и не будет ли это уже болезнью воображения? Нам удалось вернуться затемно и нельзя сказать, что мы оставили души там, в болоте. Нет, мы ничего не забыли, ведь мы – дети цивилизации, той самой, что “растлила мир” (Ж.-Ж.Руссо), но мы прихватили с собой кое-что, мы унесли впечатления и образы, самые легкие сувениры и самые дорогие”.

От деревни идет дорога в совхоз, где уже издали видна шатровая деревянная церковь, а близ нее колокольня.

10.11. Шатровая церковь и колокольня в дер.Малошуйка.

Местность довольно круто повышается и вскоре на вершине возвышенности появляется еще одна церковь – пятиглавая.

12. Пятиглавая церковь.

Здесь такой же ансамбль древнерусского зодчества, как и в деревне Макарьинской. Шатровая церковь возведена в первой половине 17-го века и посвящена Николе. На ней висит табличка: “Охраняется государством”. Однако тес на стенах кое-где повыломан, кровля совсем ветхая, заросшая мхом. Теса недостает и на стенах пятиглавой церкви, занятой под амбар. Колокольня особенно интересна. Внизу она четырехгранна, повыше – шестигранна, еще выше, там, где висели колокола – она почти округла и похожа на беседку; на крыше стоит куб, а все это венчает узкий шпиль.

От деревни идет также дорога к морю, до которого 4 км. Морской берег весьма уныл, хотявовсю светит солнце. Лес довольно далеко отступает от низкого берега с сырыми лугами, вероятно, не вынося засоления почвы. Перед лесом тянутся заросли тростника выше человеческого роста. Собственно море начинается на горизонте. Там видны пенящиеся волны, а здесь – всего лишь мелководный лиман. Растительность совсем низкорослая – приморские солонцеватые болота. Вдоль берега тянется глубокая протока, отделяющая широкую косу с кустарниками на ней.

13. Вид на лиман близ Малошуйки во время отлива. На переднем плане протока.

14. По лиману. Море по щиколотку.

Неожиданно в протоке появляется нерпа и, высунувшись из воды, смотрит на нас. На берегу лежит медуза, словно кусок бесцветного желе; разбросаны раковины беззубок.

Здесь сразу обнаружилась масса новых для нас растений – обитателей засоленных почв. В основном это растения с мясистыми органами, например, солерос, имеющий облик миниатюрного канделяброобразного деревца, или сведа с толстыми листьями и распластанными по земле веточками. Но есть и привычного облика растения, тем не менее растущие только на засоленной почве, например астра солончаковая, название которой говорит само за себя. Подорожник морской совсем не похож на привычный подорожник у дорог. У него узкие длинные листья, а цветки расставлены и не образуют цилиндр.

На дальних лужах взлетают какие-то крупные кулики, но подойти к ним на выстрел невозможно. Пытаемся их подстеречь, но вместо кулика удается

застрелить некоего хищника, также давно привлекавшего мое внимание своим охотничьим полетом над приморской равниной. Это оказывается пустельга, что весьма интересно в двух отношениях. Во-первых, она охотится здесь на приморских болотах, а во-вторых, здесь проходит северная граница ее распространения, как показано в книге “Птицы СССР” (1968). Куликов же добыть не удалось по причине моего плохого умения стрелять влет. Добытых птиц я большей частью препарировал, делая из них тушки, которые позднее сдал в Зоологический институт в г.Ленинграде.

Когда добрались до конца косы, тянущейся по противоположному берегу протоки, то выяснилось, что стало удивительно мелко. Море здесь было даже не по колено, а по щиколотку. Мы разулись и ушли в лиман. Вероятно, был отлив. Странное ощущение охватило меня, когда на горизонте с одной стороны остался наш берег, а с другой стороны почти на горизонте виднелись фигуры Валеры и Маши, которые должно быть приблизились к пенящимся валам, т.е. непосредственно к морю. Дно лимана твердое, с мелкими песчаными барханчиками и обилиеи небольших плоских раковин. Солнечные блики бьют по глазам. Вдали хором кричат чайки. Впечатление осталось ни с чем не сравнимое.

На следующий день еще в полях застрелил серого сорокопута, который выскочил из кустов и уселся на провода, откуда и был сбит выстрелом. Серый сорокопут проникает далеко на север. Спустя много лет, я встретил его даже на Чукотке, причем на гнездовье.

Мы прошли по болоту, мимо озерка с шаткими берегами в виде черной дыры, взобрались на холм, покрытый темным ельником с черникой, и по пойме речки вернулись к месту захода, где сварили обед – щи из листьев борщевика. Надо сказать, щи получились нга ахти… Люди правильнее решили во времена оные, что щи лучше варить из капусты, чем из ее заменителей. Только из крапивы щи получаются довольно приятные.

На некоторых мелких озерах в этих краях можно встретить желтые цветки кубышки и белые – кувшинки, неправильно называемые лилиями. Оба эти растения имеют мощные корневища в несколько сантиметров диаметром. Согласно Н.Верзилину, написавшему книгу “По следам робинзонов”, эти корневища, после продолжительного вымачивания в проточной воде (или часто меняемой) можно использовать для производства суррогата хлеба. Я убедился в достоверности некоторых рекомендаций Н.М.Верзилина по части использования в пищу ряда диких растений и одно время был даже увлечен изготовлением кофе из корней сусака, борща из листьев борщевика или щей из крапивы, разных салатов, пока однажды не расстроил злостным образом пищеварение кашей из корневищ иван-чая. Правда, из всех этих опытов вытекало одно важное следствие – ни в коем случае не отворачиваться от более привычной пищи. Как ни приятен чай из молодых листьев шиповника, все же это не чай, а напиток из шиповника, так же как салат из дикой капусты даже с большой голодухи идет туго. Что же касается корневищ кубышки, то мне не удалось, при всем желании, убедиться в их съедобности и после недельного вымачивания. Горечь от дубильных веществ сидела в них очень прочно и поджаренные ломтики корневищ напоминали по вкусу не хлеб, а таблетки анальгина. А ведь сейчас было бы очень здорово заменить хлеб каким-либо сырьем “из-под ног”.

Здесь водятся в изобилии чибисы, называемые также пигалицами, для которых характерны унылый крик и полет с вывертами. Вблизи видно, что на голове чибис имеет стоячую косичку.

Из растений меня поразил тмин, так как я думал, что это растение южных районов. Впрочем не исключено, что тмин сюда был когда-то занесен и прижился. Деревня очень старая, стоит несколько веков, и ее окружают луга и даже поля с овсом и ячменем. По окраинам ее много одиноких полуразрушенных домов. При виде пожилого мужика, ведущего под уздцы лошадь перед брошенным, гнилым домом невольно вспоминается картина Р.Кента "Старый амбар, старая лошадь, старый человек, старый мир". Об этом мире, наполненном эманациями прошлого, говорит обилие сорных трав и стаи скворцов, носящиеся над лугами, словно черные, верещащие тучи. Для городского жителя, попавшего в какую-либо старую деревню Архангельской области, открывается совсем иной мир во всех деталях и в целом. Он неизбежно очаровывается этим миром, зачастую даже не сознавая, что же конкретно оказывает столь оживляющее душу действие.

В книге, посвященной жизни императора Александра 1, Н.К.Шильдер привел воспоминания купца Вешнякова о впечатлениях царя от путешествия по Архангельской губернии. "В Петербурге у нас теперь весьма жарко и душно, так что многие растения увядают, а в Архангельске что за приятная свежесть, что за здоровый воздух!" – говорил Александр 1 и продолжал: "Я не думал встретить в Архангельской и Олонецкой губерниях такой природы и такого народа. Мне сказывали прежде, что природа здесь скудна,а люди грубы и необоразованны, но я заметил почти противное: воздух здоров, природа вполне, кажется, вознаграждает человека, а что касается жителей, то они развитием своим нисколько не уступают прочим местностям моей империи".

На Соловецком острове

На Соловки захотел?!
(Нериторический вопрос)

Маша решила порадовать нас посещением Соловков. Мы, конечно, в бешеном восторге, хотя могли пробыть там только один день из-за соответствующего расписания теплохода.

Северная жизнь течет без особой спешки. Мы долго толкались на пристани. Потом теплоход не спеша застучал двигателем. Плыли однообразные берега, постепенно отступавшие. Наконец, они исчезли совсем.Нередко в поле зрения появлялись острова большие и малые, облесенные и голые. Особенно примечателен Кий-остров, на котором виден большой крест на берегу, а горные породы, слагающие его, лежат косо, словно остров поднимался одним боком больше, чем другим.

За кормой летят чайки и без устали попрошайничают. У них уже выработался этот простой и эффективный способ пропитания. Ведь на экскурсионных судах всегда находятся любители, которые бросают птицам корм. Впрочем не исключено, что чайки попутно и рыбачат. Однако от теплохода они не отстают.

Солнце садится в море, и ненадолго цвет волн из серого, стального становится желтоватым, с оранжевыми бликами на гребнях волн. Вода шевелится в своей извечной гармонии волн и всплесков. Вот красно-оранжевый диск плавно утонул, ненадолго прорвав горизонт, и тьма захватила

пространство. Послушные биологическим часам мы клюем носами, потом отыскиваем сбалансированные позы. Но как следует поспать не удается. Звучит сирена, и вскоре судно перестает колотить моторная лихорадка.

Солнце еще не показалось, и воздух белый. За блеклой поверхностью Святого озера стоит, словно гигантская декорация, сказочный город. Это Соловецкий кремль – монастырь.

15. Вид на Соловецкий монастырь (кремль) через Святое озеро (фото А.Симонова)

Не видно многокупольных храмов, характерных для средней полосы России. Лишь одна маленькая луковица венчает шпиль собора. На других зданиях вместо куполов башенки. Весь белокаменный ансамбль окружен могучей крепостной стеной с округлыми, словно куличи, башнями. Время – раннее утро или поздняя ночь, и мы решаем посмотреть сначала сам остров, а попозднее кремль.

Давно известно, что природа Соловков поистине удивительна, хотя острова лежат лишь немного южнее Полярного круга. К тому же на островах состав флоры и фауны обычно беднее, чем на соседнем материке. Но здесь, видимо, какая-то аномалия. В посадках на Соловках хорошо растут клены, кедровая сосна, ряд относительно южных кустарников, например сирень. На острове огромное количество ледниковых озер с кристально чистой водой, окруженных бахромой лесов. Всюду разбросаны огромные валуны, местами образующие скопления. Эти самые валуны пошли на строительство крепостных стен и башен монастыря, но оставшихя хватило бы еще не на один подобный кремль. Ледник произвел на Соловецком острове солидную разгрузку скандинавских горных пород. Обилие валунов, можно сказать, подогревает остров в ясную погоду, так как камни быстро нагреваются, а затем отдают тепло воздуху. Однако, черничный ельник, осмотренный нами, ничем не отличается от подобных ельников на материке. То же самое можно сказать о низинных берегах озер, о брусничных сосняках, болотах, различных опушках, лугах. Кое-каких банальных растений даже не видно, например, костяники. Видимо, красоты острова, навевающие поэтические сравнения, плохо увязываются с богатством флоры. Да и птиц что-то не слышно.

Выходим к убогому поселку на побережье. Воздух напитан солью. На берегу моря стоят вешала, на которых сушатся полосы морской капусты – ламинарии. Это сырье для получения органических соединений йода, а также консервов. Если ламинарию поварить подольше, то получается отличный салат.

На стене угловой башни Кремля виднеются какие-то растения и я лезу выяснять – что это?!

16.Угловая башня Соловецкого монастыря.

17.На стене башни

Тут сидит, конечно, очиток едкий – мелкое растение с толстыми сочными листьями. Кроме того масса сорных растений и злаков, но ничего особенного. Зато когда я возымел желание слезть, то выясняется, что эта процедура может плохо кончиться, поскольку валуны, из которых сложена башня, слишком

велики, а стена весьма крутая. Пришлось лезть выше и выбираться в бойницу. Покинув таким образом своих товарищей, я хожу по Кремлю, заглядывая в разные углы. Затем присоединяюсь к экскурсии. Экскурсовод жалуется, что реставрационные работы идут из рук вон плохо; денег на это отпускают мало; рабочие бездельничают, пьют и ничего нельзя сделать. Заметно, что в Кремле должны быть проведены еще очень большие работы по реставрации. Теперь, когда Соловецкий монастырь взят государством под охрану, можно надеяться, что если восстановление отдельных фрагментов этого ансамбля и затянется на долгие годы, то, по крайней мере, не будет происходить разрушения по причине косного понимания значения памятников старины. Соловецкий монастырь – это целая историческая эпоха в жизни русского севера, что отлично показано в книге Г.Богуславского “Острова Соловецкие”, изданной в 1966 г.

Территория Кремля довольно обширна, и, несмотря на множество экскурсионного народа, здесь можно найти безлюдные уголки и поразмышлять, попытаться себе представить, что и 200, и 300 лет назад здесь ходили и что-то делали люди. Успенская церковь и Преображенский собор построены в середине 16-го столетия. Южная сторона Преображенского собора походит на строительную площадку или на заброшенный дом. В данном случае это и то и другое. Через маленькую дверь служебного входа захожу внутрь собора. Стены только что побелены и пол заляпан известкой. Гулкое пространство уходит вверх, где через большие арочные окна, убранные ажурными решетками, льется свет. Фресок нет и пространство кажется неодушевленным, пойманным в капкан и ставшим пустотой. Снаружи собор выглядит на первый взгляд странным, что-то есть в нем непонятное. И лишь при внимательном присматривании становится ясна причина странности. Стены собора имеют заметный уклон
внутрь. Вероятно, это сделано из инженерных соображений, для устойчивости. Потом выясняется, что стены других “высотных зданий” ансамбля также с уклоном внутрь.

Преображенский собор венчает… пятиконечная звезда. Посмотреть бы на двуногого, которому пришла благая идея заменить христианский символ на звезду Давида. Впрочем, это только внешнее выражение духа, распространявшегося зловонными клубами десятки лет.

18. Вход в Преображенский собор.

19. Верхушка Преображенского собора.

Фрески сохранились в Успенской церкви. Можнодаже сказать, что они в хорошем состоянии. Храм одушевлен. В крепостной стене я нахожу пользующиеся печальной известностью каменные мешки – камеры узников. В одну я залезаю и меня охватывает ужас при мысли о том, что люди проводили в этом, с позволения сказать, помещении многие годы. Представьте себе дыру в стене из валунов диаметром с метр или около того. Разумеется, в этих валунах невозможно даже создать ровные стены и пол. Свет едва пробивается сюда через какую-то дырочку, оставленную между толщей гигантских камней. Стены сырые и скользкие. Может быть вот об этот валун бился когда-то человек головой, чтобы прекратить свои мучения.

Согласно “Слову и делу” В.Пикуля, в каком-то здешнем мешке – каменной норе, провел 10 лет князь Василий Долгорукий за попытку ограничить монаршью власть Анны Иоанновны. Сидели здесь некоторые декабристы (называються имена Ф.Шаховского и В. Бантыш-Каменского), а также организаторы политической демонстрации у Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 г. Я.Потапов и М.Григорьев. После “Великого Октября” соловецкий Кремль был превращен во всесоюзную тюрьму. С тех пор термин “соловки” звучит как проклятие для русских людей.

Мельница находится в запущенном состоянии. В нее даже небезопасно заходить, так как можно провалиться прямо в “преисподнюю”. Под хлипким полом находится туннель для сброса воды, которая подавалась сюда по системе труб откуда-то с более высокого уровня за пределами монастыря. В 20-30-е годы этот туннель наполняли телами расстрелянных. Было очень удобно: подтаскивают жертву под ручки к дверям мельницы, пускают в затылок пулю и легким пинком отправляют в глубокое подземелье. Если бы была написана монография “Соловки в 20-ом веке”, мир содрогнулся бы по ее прочтении. По свидетельству А.И.Солженицына, М.Горький, посетивший Соловки по возвращении из Италии, заливался здесь слезами, выслушав рассказ 14-летнего юноши, прописанного в этой цитадели. Земная оболочка этого юноши распалась на атомы все в том же туннеле под мельницей.

20. Вход в мельницу.

21. Монастырский двор.

Никаких зримых следов тех лет на территории кремля в настоящее время нет. Экскурсовод на соответствующий вопрос ответила, что тюремное прошлое монастыря не отразилось на его облике, но позднее здесь находилась воинская часть, которая внесла ощутимые “коррективы” в планировку: что-то было разрушено, что-то пристроено. Звезда на соборе, видимо, тоже дело военных рук и мозгов с одной спрямленной извилиной. Да… Богата история Соловецкого монастыря!..

Наверное, во все времена монастырь был плотно населен, так как помимо братии в нем было много подсобного люда, работяг. Через год после посещения Соловков, в Пинеге старая женщина подарила мне “Жития святых”. Два первых листа, вплетенных в книгу, содержали дарственную надпись: “Подарок на память трудолюбцу А.И.Горшкову”. Это напечатано на машинке. Затем от руки написано, что родившийся в 1889 г. именинник 17 марта крестьянский сын Алексей Иванович Горшков из деревни Алферьевской Пинежского уезда в 1906 г. 12 мая прибыл в Соловецкий монастырь для трудов и работал каменщиком, слесарем, хлебопеком. За трудовую службу подарена ему книжка для чтения в назидание. Подписано 17 октября 1906 г. Интересно, полагалась ли еще и зарплата?

Во времена раскола монастырь около 10 лет сопротивлялся реформе Никона, выдерживая осаду правительственных войск Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим. Благодаря предательству одного монаха монастырь был взят. Однако многие монахи ушли из него и образовали скиты. Савватиевский скит находится в 10 км от кремля, к нему ведет хорошая дорога.

После того, как монастырь основательно осмотрен, я решаю сходить взглянуть на этот скит и Секир-гору, о которых слышал ранее. Правда, времени оставалось немного и нужно было спешить. Дорога действительно добротная. На ней мне не раз встречаются тяжело груженые туристы. Лес то и

дело расступается и открывает чашу озера, полную голубизны неба. Над песчаными обрывчиками величественно стоят сосны . Луга пахнут свежим сеном. Все время хочется свернуть куда-то и что-то осмотреть, но… взгляд на часы и… вперед.

Скит разочаровывает. Тут стоит двухэтажный, явно поздней постройки дом, из которого несется поп-музыка и какие-то пестрые, как попугаи, туристы торчат в окнах. Рядом развалины скотника, судя по остаткам стойл. Какие-то груды хлама.

От скита открывается неповторимый вид на Секир-гору, до которой остается 2 км. На вершине горы (а практически высокого холма) стоит церквушка, словно взлетая к небу. Между скитом и Секир-горой большое понижение с озером и низинным ельником. Я стараюсь ухватить все детали этого неповторимого зрелища, чтобы пронести полученное впечатление через годы.

Дойти до Секир-горы я уже не мог: время не позволяло. Обратный путь почти бегом совершенно изнурил меня. Мои товарищи сидели уже в теплоходе и тревожно посматривали на дорогу – успею я или нет. Еще мельтешат перед глазами песчаные закрайки дороги,но внезапно выясняется, что это уже во сне, а в кубрике стоит храп, заглушающий двигатель. Надо же тратить столько энергии на такой бездарный процесс!

В селе Ярнема

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.
(Ф.Сологуб)

Из Онеги летим в Ярнему на знакомом нам самолетике, все с тем же добродушным пилотом, который ведет свой самолет в тот пункт, куда нужно пассажирам.

22.23. Наш "извозчик".

Теперь воздушные ямы ощущаются не так болезненно, как в первый раз. Может быть, мы привыкли, а может быть вдали от моря их просто меньше. В Ярнеме мы оккупируем заднюю часть домика ожидания на аэродроме. Пассажиров здесь бывает немного и только утром; они спокойно ждут самолет на улице.

За последнее время я уже подзабыл про охотничью лихорадку при виде высыпавших рябчиков. Но в Ярнеме, едва зайдя в лес, поднял их выводок и страсти возобновились. Одного рябчика удалось добыть, а за остальными славно побегать. Вспоминаю, что Виталий Бианки писал об одном незадачливом охотнике, которому никак не удавалось добыть рябчика, но однажды, гоняясь за ними, он застрелил медведя. Окрестности Ярнемы преимущественно равнинны и здесь господствуют еловые черничные леса. Поэтому и рябчиков здесь немало. Можно сказать, что они попадаются через каждый километр или два.

Как-то мое внимание поглотила пара еще невиданных мною птиц. Они были довольно крупные, с хвостом похожим на сорочий и в основном рыжего цвета. Двигались они, перепархивая с дерева на дерево на небольшой высоте, обследуя стволы деревьев. Подобной добыче я отдавал предпочтение даже

перед рябчиками, поскольку последние были интересны только в кулинарном отношении, тогда как неизвестные птицы становились известными и тоже попадали в кастрюлю. Вечером на стоянке я достал А.Н.Промптова "Птицы в природе" и быстро выяснил, что рыжие птицы – это кукши, или иначе ронжи. Снимая шкурку с кукши, нашел у нее в клюве слизня.

Позднее оказалось, что кукши – очень обычные птицы в Архангельской области. Это они обладают странным диким криком, который ранним утром разносится над освещенной солнцем тайгой. Так они выражают свою радость жизни. Но вообще у них богатый набор звуков: они могут кряхтеть, мяукать, трещать и т.д. Иногда не сразу поймешь, что за звуки доносятся. Кукши – ближайшие родственники соек и очень похожи на них по поведению, хотя совсем не похожи по окраске. В Архангельской области они замещают соек, которые, хотя и могут сюда залетать, не являются характерными для здешних лесов, тогда как кукши обычны. Соек я ни разу не встречал в этих лесах, а кукш никогда не видел на северо-западе Ленинградской области, где сойки весьма обыкновенны. Оба вида – типично таежные птицы и в тундре или степи вы их не увидите.

Весьма обычной мелкой птичкой в архангельских лесах является и зеленушка. Это довольно осторожная пичуга грязновато-зеленого цвета сверху и желтовато-зеленоватого снизу с ярко-желтой полосой по краю крыла. Ее называют также лесным кенаром за некоторое сходство в песне. Сходство это, конечно, весьма относительное. Заканчивая свою щебечущую трельку, зеленушка поднатуживается и издает громкое: вжя-я-я. По этому росчерку она узнается безошибочно.

На травяном поле аэродрома вдруг нашелся синяк обыкновенный. Это растение в норме обитает в южных районах, а сюда оно, вероятно, занесено, а может быть привезено на самолете. Способность растений распространяться с помощью человека подчас вызывает изумление. Никто никогда не собирался завозить семена многих растений в те края, где они раньше не росли. Просто случайно попавшее в груз семя было доставлено на новое место. Если здесь оказалась подходящая обстановка, семя проросло; развилось растение и дало уже много семян, которые попали разными путями на соседние участки.

Некоторые растения в этом отношении стали легендарными. Так, подорожник не встречался в Америке до колонизации ее европейцами и европейцы не стремились заселить Америку подорожником. Но получилось именно так. Никто никогда не узнает при каких обстоятельствах прибыло в Америку первое семя этого растения. Но оно прибыло, и спустя недолгое время индейцы с ужасом смотрели на новое для них растение, расселившееся всюду, и называли его "след белых". Наоборот, водное растение элодея отсутствовало раньше в Европе. Его привезли, вероятно, вместе с комьями американской грязи, в которой застряло семечко элодеи. Европа ей пришлась по вкусу, и теперь ее заросли покрывают дно многих мелководных водоемов за исключением северных районов. Она уже успешно осваивает Сибирь.

На лесных дорогах часто встречаются растения, обычные на лугах, но не обитающие в лесу. Шел человек через луг, и семечко зацепилось за его сапоги или штаны. На лесной дороге оно упало и выросло взрослое растение. Но если оно упало не на дороге, а в лесу, то еще неизвестно – удастся ли проростку дожить до цветения. Растения, для которых лес – родной дом, не любят пришельцев и буквально отравят ему жизнь. А на дороге ситуация иная. Здесь человек отравил жизнь аборигенным растениям, протоптав дорогу, зато

луговые травы могут прижиться. Это и клевер, и поповник, и опять же подорожник, и некоторые злаки.

По аэродрому с криками летают белые трясогузки, уступая дорогу самолету, когда он появляется. Отдыхают многие из них на крыше “нашего” домика. Не вызывает сомнения, что одна семья трясогузок вывелась на его чердаке, так как рамы в окне там нет, а белые трясогузки любят устраивать свои гнезда под крышей, если выясняют, что здесь их не будут беспокоить люди.

В ближайших кустах полно зябликов. Молодые чирикают, словно воробьи, и окрашены тускло. В это время, когда все птицы вывели свое потомство и оно уже выросло до размеров взрослых птиц, при наблюдениях за ними часто возникают затруднения при определении, так как молодые большей частью совсем не похожи на родителей ни голосом, ни окраской.

Ярнема стоит на реке Онеге и, обследовав ее окрестности, мы однажды выбираемся с помощью лодочной переправы на другой берег. Там тянутся сенокосы и пахнет скошенной травой. Луга переходят в сырые низины, которые сменяются сосняками на песках. Хрустят под ногами высохшие лишайники, среди которых, словно капли засохшей крови, видны бордовые спороносные органы кладоний. Сосновые боры имеют удивительное сходство в разных природных зонах, хотя в них могут встречаться мелкие растения специфические для той зоны, в которой данный бор расположен. Но что характерно для всех северных европейских боров, так это вереск (но не верес, как иначе называют можжевельник). Ко второй половине лета вереск начинает цвести. Его сиренево-фиолетовые цветки мелкие, но собраны в густые кисти и поэтому хорошо заметны.

Сказание о вереске и его родственниках

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.
(Р.Стивенсон в переводе
С.Я.Маршака)

Большая группа разных растений объединяется систематиками в семейство вересковых, т.е. в той или иной степени родственных вереску (Calluna vulgaris), в облике крпных куртин произрастающему в сосновых лесах и на болотах северной Европы.

Рис. 4.

Вереск – милейшее растение. Недаром в Шотландии он считается священным, наряду с омелой – воздушным паразитом деревьев. Подавляющее большинство представителей вересковых имеет деревянистые побеги и поэтому даже самые мелкие вересковые относят не к травам, а к кустарничкам. Но среди вересковых есть и большие деревья, относимые к рододендронам. Они обитают в Гималаях и в Южной Америке. Очень много в этом семействе мелких деревьев и кустарников. Но все они являются жителями более южных стран, где их насчитывают сотни видов (точное число до сих пор неизвестно). В северных районах вересковые кустарнички обильно произрастают в тайге и даже в тундре. Кому не известны такие растения как

черника, голубика, клюква, брусника?! Вероятно, менее известны другие таежные вересковые, у которых плод – не ягода, а сухая коробочка: болотный мирт (кассандра), подбел (андромеда), багульник (дурнишник). Все это типичные представители вересковых в холодных областях.

Современные вересковые северных областей являются потомками богатых лесов, существовавших на месте тайги миллионы лет назад. В тех лесах росли деревья, кустарники, лианы и травы, которые теперь обитают на юге Дальнего Востока, а некоторые отступили даже в Китай. Былое существование этих лесов на севере доказывается по ископаемым остаткам, что является свидетельством теплого климата. Позднее произошло похолодание, приведшее к формированию материковых льдов, толща которых в Европе распространялась до среднего Днепра и средней Волги. Богатые леса отступили далеко к югу и вместе с тем истощились. По окраинам территорий, на которые ледовые щиты оказывали сильное действие, сформировалась тайга современного облика. В этой тайге сохранились и немногие виды вересковых, которые, однако, претерпели перестройку по сравнению со своими предками. В наших лесах голубику и чернику можно собирать лишь нагибаясь, а в Приморье есть кустарниковые черники.

Вместе с тем у северных вересковых сохранились некоторые особенности растений южных стран. Самой примечательной из них является их вечнозеленость, как называют растения, не сбрасывающие листву каждую осень. Исключение составляет лишь черника, которая стала листопадной. Но, когда мы видим ее рано весной, то сразу замечаем, что ее ребристые побеги интенсивно зеленые,т.е. они фотосинтезируют, тогда как у соседней голубики эту функцию выполняют прошлогодние листья и побеги у нее бурые.

Все северные вересковые изумительно приспособлены к обитанию на бедных песчаных почвах и на болотах. Один из английских ботаников начала прошлого века считал даже, что вереск вытеснил прекрасные сосновые боры в Шотландии и на их месте образовались вересковые пустоши. Эти пустоши напоминают по описанию то, что можно увидеть в Архангельской области на месте вырубленных сосновых боров. Разумеется, это можно наблюдать и в других областях. Однако шотландские боры исчезли не потому, что их вытеснил вереск, а потому, что с течением времени опад хвои с этих сосен (который разлагается очень медленно в сухом месте) скопился и семена сосны уже не могли здесь прорастать, зато вереск получил благоприятную обстановку для развития. Сухие почвы, на которых обильно разросся вереск, так и называются вересковыми. По мнению специалистов, вереск выделяет вещества, мешающие возобновлению деревьев. Однако деревья все-таки вырастают и среди вереска. Иногда молодое дерево растет прямо из крупной куртины вереска, которая явно старше дерева.

Растения с жесткими листьями, как у вереска, ботаники называют эрикоидными, по названию эрики, не растущей у нас на севере, но необыкновенно богатой разными видами в Африке и Средиземноморье. Латинское название семейства вересковых – Ericaceae, т.е. происходит от рода эрика.

Одним из приспособлений этой группы растений у тощим почвам и недостатку влаги является строение листа. Уже давно было установлено, что листья вереска и других вересковых растут так, что их края закручиваются вниз и образуют полость, в которой находятся устьица. Через эти устьица растение не только дышит, но и испаряет влагу. Если доступной влаги мало, а

растение испаряет сильно,то понятно, что оно обречено на гибель. Поэтому у многих вересковых лист закручен в трубочку, а внутри трубочки еще имеется густое опушение, препятствующее безграничному испарению влаги, но не препятствующее дыханию растения. У некоторых вересковых, например, брусники, лист может свертываться при засушливой погоде, а у вереска закрывается желоб на нижней стороне листа.

Характерно то, что вереск обитает не только на безводных местах, но и на болотах, где воды сколько угодно. Тем не менее он сохраняет и там свой эрикоидный (ксероморфный) облик. Для объяснения этого противоречивого явления была выдвинута гипотеза, которой придерживались очень долго. Дескать, воды-то много, но она такая холодная, что не усваивается растением и, буквально сидя в воде, оно страдает от жажды. Потом выяснилось, что испаряет вереск воды много и, следовательно, поглощает ее тоже достаточно. И наконец, появились данные о том, что эрикоидный облик вересковых сформировался в связи с дефицитом не влаги, а почвенного азота. Его недостаточно как на болотах, так и на песчаных или каменистых почвах.

Еще одно приспособление вересковых – микориза: корни вересковых, словно чехлом, опутаны нитевидными гифами грибов. Через гифы в растение поступают некоторые элементы питания, а гриб, в свою очередь, получает от растения продукты его фотосинтеза. Такое взаимовыгодное существование стало уже столь необходимым для вереска, что его семена не могут развиваться там, где нет нужных ему грибов. Потребность в сожительстве с грибами установлена для многих вересковых и, может быть, оно необходимо для всех представителей этого семейства.

Охотно поселяясь на каменистых субстратах, вереск, однако, очень избирателен по отношению к химизму субстрата. На известняках он не растет. Более того, если вереск в культуре (а он приобретает все большее значение как декоративное растение) покрыть на зиму листьями с дерева, росшего на известняке, то вереск погибает.

Тонкий аромат цветков вереска предназначен для возбуждения аппетита у пчел, являющихся его опылителями. Знатоки-пчеловоды даже отличают специфический вересковый мед, который одни признают превосходным, другие – горьковатым. Однако пчелы не единственные исполнители этого жизнено важного действия. Опыление производят также ничтожные букашки, называемые трипсами. Есть особый их вид, жизнь которого проходит в сплошном аромате вереска, особенно у самцов. Последние лишены крыльев и всю жизнь проводят в цветках. Крылатая самка, созрев и ощутив зуд, влекущий к продолжению рода, отправляется на поиски самца. Обнаружив такового, самка предлагает свои услуги, а вскоре откладывает яйца в завязь одного из цветков. Самцы, вылупившиеся из этих яиц, так и остаются на этом цветке,а самки, расправив крылышки, устремляются в любовное путешествие на соседние растения. Этот процесс подсмотрел датский ученый О.Хагеруп и поведал о нем всему миру.

С давних времен разные народы использовали вересковые своей территории для самых различных нужд. В этом отношении вереску, распространенному в Европе, принадлежала особая роль, поскольку он покрывает огромные площади, так и называемые верещатниками. Вот как описывал О.Шмейль в “Очерках о растениях” (1909) значение вереска для крестьян прошлого века в Северной Германии: “Вереск делает обитаемыми эти бесплодные и пустынные места. Когда палящие лучи летнего солнца почти высушат почву,

местный житель сжигает растительность на каком-нибудь участке своего владения. На следующую весну удобренная пеплом земля засевается гречихой, мучнистые семена которой составляют главную пищу тамошних жителей. В свою очередь молодые ростки вереска доставляют корм, хотя довольно скудный, для скота и овец, а когда на исходе лета пустошь покрывается миллионами розовых, богатых медом цветков, пчелы крестьян находят себе сытный стол. Крестьянин выкладывает вереском стойла своего скота, а получившимся навозом удобряет песчаные пашни. Вереском кроет он свою хижину и вересковым торфом согревает зимой свое убогое жилище.”

Подобная картина распространялась и на верещатники Франции, Испании и, особенно, Британских островов. Вереск использовался для дубления кож, для плетения веревок, для изготовления щеток, курительных трубок, для окраски деревянных изделий (отвар вереска с алюминием). Аборигены Шотландии пикты курили из вереска вино, но после их изгнания шотландцами рецепт этого вида был утрачен. Теперь же из вереска готовят только слабый эль и сожалеют о пропавшей тайне.

В России теперь забыли о брусничной воде, о которой не раз упоминал А.С.Пушкин в “Евгении Онегине”, однако о самой бруснике не забыли. В сельских местностях ежегодно собирается огромное количество брусники, черники, голубики, клюквы. Кроме питательности все эти ягоды обладают целебными свойствами и используются современной медициной. Заварка сушеных ягод черники, как известно, помогает при интенсивно жидком “стуле”, а также полезна для глаз. Листья черники используют для лечения сахарной болезни (диабета), так как они обладают инсулиноподобным действием (Гаммерман и др., 1963). Листья брусники – мочегонное средство, а сушеноые ягоды – витаминозное. Питье из ягод клюквы полезно при лихорадочном состоянии, а также с похмелья. Хотя клюква – представительсемейства вересковых, внешне она нисколько не похожа на вереск. Кроме болот клюква нигде больше не может расти, да и на болотах встречается не всегда. Она чутко реагирует на свое ближайшее окружение. На сфагновых коврах клюква имеет вид плетей, в которых весьма сложно разобраться и найти корень. На политриховых мхах клюква стелется меньше, здесь она более или менее прямостоячая.

Один из исследователей семейства вересковых в прошлом веке Г.Александрович писал, что сок клюквы употребляли для беления серебра, для чего вещи, сделанные из этого металла, кипятили в клюквенном соку. Из листьев клюквы получается очень приятный чай, вернее напиток. Листья можно заваривать сразу, не высушивая.

Еще один очень распространенный на севере, но несъедобный представитель вересковых это – багульник. Известно, что от багульника болит голова и поэтому голубику называют пьяной ягодой, поскольку она растет вместе с багульником. По свидетельству уже упоминавшегося Г.Александровича, головная боль вызывается не самим запахом багульника, а его летучими веществами, которые пропитывают ягоды голубики и черники. К этому заключению он пришел путем простого опыта – отправился с двумя товарищами в место, где растет и черника, и голубика, и багульник. Там один товарищ ел исключительно чернику, другой только голубику, а сам Александрович был наблюдателем. Почти через час у обоих товарищей заболела голова, а у постановщика опыта нет.

Очевидно морошка этими веществами не пропитывается. Во всяком случае, я никогда не испытывал болезненных симптомов при потреблении ее ягод по соседству с багульником. Подтвердить вывод Александровича в отношении голубики и черники я также не могу. Возможно, что у разных людей неодинаковое отношение к запаху багульника. Мне этот запах приятен и вызывает даже воодушевление. Не случайно он напоминает аромат церковной службы. Толченые листья багульника входят в состав ладана, который воскуривают перед началом службы, изгоняя из храма нечистую силу.

Г.Александрович писал, что “вши, блохи и клопы весьма страдают от запаха багульника.” Поэтому его используют для того, чтобы избавиться от этих докучливых созданий. В Прибалтике багульник раньше использовался в качестве целебной подстилки для скота, так как было обнаружено его благотворное влияние на накожные заболевания, что, конечно, связано опять же с паразитическими насекомыми. Порошок из листьев багульника используют в домашних условиях для борьбы с молью и клопами. Это куда более рационально, чем пересыпать одежду нафталином или поливать углы дихлофосом, а потом вдыхать эти канцерогены. В старой России багульник употреблялся даже вместо хмеля при варке пива, однако, выяснилось, что пиво получается весьма ядовитым. Однако настой багульника рекомендуют пить при коклюше. Гренландские эскимосы заваривают листья багульника как чай. Более мерзкий напиток трудно себе представить. Измельченные части этого растения погружают в расплавленный жир и получают мазь, эффективную при ревматизме и кожных заболеваниях.

Обыкновенная черника – растение оригинальное во многих отношениях. Ее ягоды, пока незрелые, имеют сердцевину в виде орешка, но при созревании стенки этого “орешка” расплываются и ягода становится цельной. Листья черники несколько похожи на листья южного кустарника мирта, поэтому она имеет название Vaccinium myrthillus, т.е. миртовая. Из черники раньше получали красители, смешивая ее сок с разными минеральными веществами. О красящих свойствах ягод черники известно всякому, кто когда-либо их ел.

В сосновых борах можно иногда встретить распластанный кустарничек с жесткими листьями и красными безвкусными ягодами. Это – толокнянка медвежье ухо (или обыкновенная). Почему она так называется, мне до сих пор не ясно. Возможно, что медведи едят ее ягоды, но

Рис.5.

при чем тут ухо?! Впрочем в ботанике немало труднообъяснимых названий. В старые времена индейцы, жившие по берегам реки Миссисипи курили листья этой толокнянки из трубок и считали это полезным для здоровья. В России толокнянку использовали для дубления кож, особенно при выделке сафьяна.А ее мучнистые плоды в некоторых местностях примешивали к муке в случае неурожая. Однако, от хлеба, выпеченного из такой муки, обычно возникали запоры, поскольку в ягодах толокнянки содержится много дубильных веществ.

Только в болотах обитают такие вересковые как кассандра (хамедафна) и подбел, иначе андромеда. Оба эти растения носят имена мифических героинь древней Греции. Кассандра была дочерью троянского царя Приама и Гекубы и возлюбленной Аполлона. Андромеда стала женой Персея, после того как тот поразил чудовище, похитившее ее. Этот сюжет был использован фламандским

художником 17-го века П.Рубенсом, который изобразил Андромеду в виде добротно сложенной бабенки. Андромеда, растущая на болоте, представляет собой весьма невзрачный, но очень милый кустарничек с розовыми бубенцами цветков и белой опушкой листьев на нижней стороне. И кассандра, и андромеда несъедобны, а об их каких-либо полезных для человека свойствах сведения отсутствуют.

В специальной литературе вересковых с сочными плодами (ягодами) часто выделяют в особое семейство брусничных (Vacciniaceae). Однако было показано, что четкой морфологической границы между ягодниковыми вересковыми и имеющими сухой плод не существует, так как имеются растения, совмещающие оба типа плодов. Об этом можно прочитать в издании "Жизнь растений" (т.5(2), 1981).

В северной тайге часто встречается растение, очень похожее на вересковых, но относимое к другому семейству, только родственному вересковым. Это – шикша, которую называют также водяникой или вороникой из-за блестяще-черных водянистых ягод, вполне съедобных, хотя и безвкусных. Листья у шикши эрикоидные, с желобком на нижней стороне,сидящие, словно хвоинки, на стелющихся деревянистых побегах.

В отличие от шикши, чрезвычайно сходной с вересковыми, но имеющей с ними дальнее родство, в северной тайге имеется целая группа видов растений совсем не похожих на вересковые, но относимых к ним. Группа объединяет представителей грушанковых, которых также обычно выделяют в качестве самостоятельного семейства. Здесь не место обсуждать отношения этих групп, но интересующиеся могут обратиться к названному выше изданию, которое, хотя и смертельно скучное, содержит современные таксономические представления.

Грушанковые, в отличие от других северных вересковых, – травы. Они весьма своеобразны. Например, грушанка круглолистная – очень приятное растение. У нее глянцевитые жесткие

Рис. 6.

Округлые листья, сидящие розеткой у самой земли; из розетки поднимается изящная цветочная стрелка, усыпанная наверху довольно крупными правильными и широко раскрытыми цветками с белыми лепестками, поддерживаемыми чашелистиками, окраска которых варьирует от серого до красного через невыразимую гамму оттенков. Тычинки собраны пучком, направленным вверх и словно противопоставляющим себя длинному изогнутому пестику, торчащему в другую сторону. Точно таку же картину можно увидеть и у многих других растений, в частности, у обычного иван-чая. Противопоставление тычинок и пестика "предусмотрено природой". Ради образования полноценных семян нужно, чтобы на рыльце пестика попала пыльца с других растений этого вида, а не из собственных пыльников, которыми оканчиваются тычинки, поэтому эти органы расставлены. Когда шмель взгромоздится на цветок в поисках нектара, то пыльца из метелки тычинок сыплется ему на спину и застревает в его "шерстке". На другом растении эта пыльца может прилипнуть к рыльцу пестика и тогда дело сделано. Процесс этот, конечно, вероятностный; опыление может и не произойти, поскольку как будто слишком много нужно стечений обстоятельств. Однако грушанок много и шмелей тоже, поэтому в данном случае перекрестное опыление не является проблемой. А если уж оно не

произойдет, то цветки самоопылятся и семена все же образуются, правда, не столь качественные, как при перекрестном опылении.

У всех видов грушанок (их несколько) цветки организованы в симметричное соцветие, а у их родственницы ортилии соцветие имеет вид однобокой кисти из бокальчатых цветков. Ортилия опыляется ветром, поэтому ее тычинки высовываются из бокала цветка, а кроме того, пыльцевые зерна у нее одиночные, а у грушанок собраны в комочки по четыре штуки, так называемые тетрады. Насекомые переносят из одного цветка в другой именно тетрады. Характерно, что и у представителей семейства орхидных (т.е. родственников орхидей, очень редких на севере), которые опыляются только с помощью насекомых(если не учитывать некоторые тропические орхидеи, которые опыляются колибри), пыльца также сцепляется в комочки – поллинии. Для шмелей эти комочки особой тяжести не представляют, так как им приходится возить и более тяжелые инородные предметы, например, своих вшей, которые довольно крупные. А для растения важно, чтобы на рыльце его пестика попало много пыльцы, а не одно пыльцевое зерно. Видимо, поэтому у многих строго насекомоопыляемых растений пыльца разносится блоками.

Настоящий таежник среди грушанковых это – одноцветка. Ее название оправдывает ее облик

Рис.7.

(что вовсе не обязательно в ботанике). Единственный цветок этого странного растения обращен вниз. Он словно скрывает свой лик, хотя шмели его находят и пытаются исследовать. Напрасно… их услуги тут не нужны. Одноцветка сама себя опыляет. А когда опыление произойдет и начнут зреть семена, происходит выпрямление стебля и зрелая коробочка “смотрит” уже вверх. Если бы она “смотрела” вниз, семена высыпались бы прямо под материнское растение. А так есть шанс, что при раскачивании коробочки ветром семена отнесет подальше, Потому-то они очень мелкие, как пыль.

Таким образом, вересковые в северной тайге представлены самыми различными в морфологическом и экологическом отношениях растениями. Они обладают удивительными адаптациями как к косной среде, так и к органическому миру, в который они вписаны. Во многом вересковые остаются еще загадочными и, может быть, тайны, которые они скрывают, влекут к ним каким-то непостижимым образом.

Снова на станции Обозерская

- Что вы ищете?
-Травы…
- Делать вам нечего!..

Из Ярнемы мы возвращаемся в Онегу, а отсюда направляемся обратно в Обозерскую, уже нам знакомую. Такова программа полевых работ нашего отряда, о которой мы и не подозревали, пребывая здесь ранее. По дороге к озеру разговорились с одним местным жителем, который не задумываясь предоставил в наше распоряжение свою квартиру в доме городского типа.

Прошлый раз мы даже не заметили, что в стороне от станции находится поселок городского типа с несколько-этажными домами. Наш доброхот посвящает нас в местную этимологию: название станции и поселка

происходит от наличия тут двух длинных озер, разделенных узкой перемычкой. Одно озеро нам уже знакомо.

Вскоре мы находим перемычку, с которой оба озера кажутся одним, перегороженным искусственной дамбой. В “заозерье” ведет дорога со следами машинных шин. Места здесь отнюдь не первозданной дикости. На сухих участках много полян, аккуратно выкошенных и имеющих ровный зеленый цвет, как на полотнах Куинджи. Леса большей частью лиственные, напоминающие леса Ленинградской области. Такие леса называют вторичными или производными. Первичные же или коренные хвойные леса, когда-то здесь бывшие, вырублены. Пни, свидетельствующие о первичных лесах, теперь совсем трухлявые. На полянах много подберезовиков. Как-то я чуть не наступил на вальдшнепа, который, вероятно, задремал. Впрочем, эти длинноносые лесные кулики сидят обычно так основательно, что подпускают вплотную. В дождливую погоду они выскакивают из-под ног, словно брошенная вверх мокрая тряпка, и, болтая длинными ногами, отлетают на несколько десятков метров, где плюхаются в траву, словно потерпевшие аварию.

Наши познания растительного мира неуклонно возрастают, причем самым лучшим способом. Мы сами находим неизвестные растения, смотрим в какой среде они обитают, что для них характерно. Ну, а название устанавливается потом, нередко с помощью Маши.

В сыром травяном березняке сидит довольно крупное растение с рассеченными на несколько лопастей листьями, но главное, с кистью овальных черных ягод. Мы долго рассматриваем его, осторожно пробуем ягоды. Невкусные. Выплевываем. Ничего удивительного. Мы нашли воронец колосовидный из семейства лютиковых. Ягоды у него ядовитые. В лесу нельзя все подряд совать в рот. Латинское название воронца – актея – происходит от имени мифологического охотника Актеона, заставшего врасплох купающуюся Диану (богиню охоты), за что и был превращен в оленя, которого разорвали собственные собаки Актеона.

А вот еще интересная находка. Это лиана, что для северных лесов весьма нехарактерно. Лианами славятся тропические и субтропические леса, а к северу их становится все меньше и меньше, пока не остается только княжик сибирский, который мы и встретили. Он забрался по

Рис. 8.

дереву-опоре на 3-4 м и вверху видны его пушистые шарики – соплодия , состоящие из многих семечек, снабженных хвостиком-летучкой, наподобие одуванчика, только летучка иначе устроена, да и все остальное никакого сходства не имеет. У одуванчика пушистые шарики образуются из многочисленных цветков, составляющих корзинку (обычно принимаемую за один цветок), а у княжика действительно один цветок с 4 крупными белыми лепестками (фактически чашелистиками). Из глубины цветка у него высовываются как бы лепестки, но на самом деле это только лепестковидные придатки, называемые стаминодиями. Происходят они из тычинок. Настоящих лепестков у княжика нет. У растений довольно часто один орган заменяет другой (т.е. выполняет его функцию) и становится на него похожим. Княжик – тоже представитель лютиковых, хотя на воронец он похож как слон на бегемота.

В лесу много чижей, которые в других местах нам в глаза не бросались. Вероятно, это связано с обилием здесь березы, семенами которой чижи питаются более охотно, чем семенами других растений.

Полно и дроздов-рябинников, недовольный треск которых слышен то и дело. В окрестностях Обозерской этим дроздам живется неплохо. Рябины здесь много и в это время можно встретить деревья буквально усыпанные щитками яблок (я вовсе не оговорился, правильное название плода рябины “яблоко”, а не “ягода”).

На некоторых березах можно видеть кроваво-красную коробочку на стволе. Это какой-то накипной лишайник. Близ озера много созревшего шиповника, который мы собираем для того, чтобы сделать напиток.

Маша утверждает, что где-то здесь проходит граница распространения одного вида сон-травы. Поскольку сон-трава растет в сосновых борах, то в нашу задачу входит найти такой бор. Однако наши попытки тщетны. Бора нет, а значит нет и сон-травы. Вернее, бор может и есть, где-то километрах в 15, но мы на такие расстояния не ходим, а какого-либо транспорта нет. Мы бродим лишь в ближайших окрестностях, радиусом не более 10 км. Из поселка, однако, ведет хорошая насыпная дорога. Песок и гравий на нее возили, вероятно, не за 100 верст, так что где-то имеются залежи песка и на них-то скорее всего и стоит бор с сон-травой. Но вдоль дороги тянутся кажущиеся бесконечными сырые ельники или сухие смешанные леса. В сосняке же близ озера сон-травы нет.

С рыбалкой на озере у нас ничего не получается; рыба не клюет. Но мы используем местные ресурсы в пищу в виде сорок, в большом количестве обитающих на свалке. Здесь же держатся садовые горихвостки, которых помойки привлекают, вероятно, обилием мушиного племени, так как эти нарядные птички с ярко-рыжим надхвостьем исключительно насекомоядны.

Маша уезжает домой, предоставив нам свободный выбор тех пунктов, которые желательно посетить

В поселке Емца

Зашевелились звери, гады
И человек завыл в лесу,
Бросая алчущие взгляды
На первозданную красу
(Сергей Городецкий)

Местный поезд тащится не спеша. Его составляют несколько вагонов типа тех, которые можно увидеть в фильмах 20-х годов. Когда становится жарко, можно вылезти на крышу покурить. Мы едем в Емцу, что всего километрах в 40 от Обозерской.

В этом поселке нам отвели целый двухэтажный дом казарменного типа, предназначенный для ремонта. Одна комната еще запиралась на замок и в ней сохранилась проводка. Почти трезвая хозяйка великодушно вручила нам ключ и 300-ваттную лампочку за неимением меньшей. Вечером в открытое окно на яркий свет хлынули ночные бабочки, которых мы препровождали в морилку с эфиром. Стоял крепкий запах казенных мест, неистребимый даже с помощью эфира. В углу поблескивает гора пустых пузырьков аралиевой настойки. Хозяйка объяснила, что “сам” частенько недомогает, поэтому бедняге приходится утром и ближе к вечеру глотать по пузырьку и вроде бы помогает.

Когда мои спутники уже спали, каждый на своей куртке, а я читал, то на своей груди вдруг уловил какое-то движение. Скосив глаза, я увидел несколько здоровенных клопов, глядящих на меня в упор, и вскочил. Из-под меня клопы хлынули ручьями. Я принялся жарить их на спичках. Проснулся Валера и спросил, почему пахнет жареным мясом. Уяснив причину, Валера резво подскочил и принялся жарить “своих” клопов. Мы установили, что клопы живут под штукатуркой, которая осыпалась, в плитках сухого торфа, служащего для теплоизоляции. Головами мы устроились как раз к выходу из клоповых катакомб и поскольку насекомые уже изрядно проголодались, то наше появление восприняли с энтузиазмом. Пришлось перебраться в соседнюю комнату без стекол в окнах, с разбросанными кирпичами от печки.

В окрестностях Емцы много лесов из лиственницы, но сосновый бор мы опять не нашли, несмотря на заверения местных жителей, что такой бор здесь имеется. Им, конечно, это лучше знать, чем нам, прибывшим на 2-3 дня. В лиственничниках на сухих местах полно маслят, особенно вдоль мало используемых старых дорог.

Лиственничные леса примечательны тем, что находятся здесь близ своего западного предела распространения. Местная лиственница называется сибирской и, действительно, распространена она преимущественно в Сибири. В северной Европе она появилась несколько тысячелетий назад и продвинулась на запад до Белого моря и до реки Онеги. Некоторые исследователи принимают лиственницу сибирскую в Европе за особый вид и она, действительно, несколько отличается от сибирских деревьев этого вида более мелкими шишками. Тем не менее отличие это не столь существенно чтобы европейские деревья принимать за особый вид, так как в Сибири встречаются деревья неотличимые от них.

Весьма характерно, что и ель, растущая близ Емцы, не европейский вид, а также сибирский, с соответствующим названием. Кроме того, имеется еще множество травянистых сибирских растений. Это говорит о том, что из Сибири в северную Европу несколько тысяч лет назад хлынул целый поток растений. Однако какие причины вызвали это нашествие до сих пор точно не установлено. Требуются данные других наук, в частности, исторической климатологии, геологии и др. Находки же редких растений дают импульс не ботаническим наукам решить ту или иную проблему истории ландшафтов.

В одном месте нашли заросли зрелой княженики. Ее ягоды по вкусу очень напоминают

Рис. 9.

ананас, почему она и имеет княжеское название. Растение это родственно малине, но низкорослое и растет преимущественно в северных областях, в северной тайге и тундре.

Леса вокруг Емцы пришлись нам по душе больше, чем в других местах, но травяный покров в них был весьма однообразен и мало отличался от других пунктов. Сложилось впечатление, что в поисках разных видов растений большого успеха можно добиться при посещении полей, лугов, опушек или даже железнодорожной насыпи, но не лесов, где заболоченные участки сменяют сухие черничники или еще более сухие беломошники и всюду набор видов беден и банален. Разница, однако, в том, что поля, луга и другие подобные местообитания являются в основном антропогенными, т.е.

созданными человеком. Растения на таких местообитаниях, как правило, заносные. Их занос может быть весьма давним – 100-200-300 лет назад, но по историческим меркам формирования растительного покрова такой срок оказывается ничтожным.

Емца – селение не древнее. Оно возникло вместе со строительством железной дороги и в нем нет даже домов старорусского типа. Стоят вдоль улицы комсомольские бараки и стандартные двухэтажные коробки со сквозными туалетами, вызывающими неизменный восторг, когда посетитель расположился на втором этаже. Леса вокруг поселка на много километров исполосованы старыми дорогами. Устав шагать по однообразным черничникам и брусничникам и спотыкаться о моховые бугорки, выходишь на дорогу и сразу видишь отсутствующие в лесу растения: ситник лягушачий, пастушью сумку, торицу посевную, тысячелистник и т.д., а иногда попадется и редкость, например, дивала. Каждое прежде не встречавшееся растение, даже если это – сорняк, приносит чувство удовлетворения. Копилка познания постепенно заполняется.

На берегу Унской губы

Ты с видимыми формами природы,
Любя ее, сношенья завязал
И потому она с тобой заговорила
Чудесным и богатым языком.
(Брайэнт)

Поселок Онега стал для нас отправным пунктом. Мы уже пообтерлись и ободрались и Валера направился в сапожную мастерскую заклеивать сапог. Сапожники, бывшие изрядно навеселе, со рвением накинулись на злополучный сапог и работа закипела. Не прошло и полчаса, как Валера получил свой сапог с отменной заплатой, но… странное дело! В профессиональном азарте сапожники наложили заплату, не закрыв дырку. Заплату оторвали, операцию повторили, и на сей раз Валера был удовлетворен, вплоть до первого болота.

Мы отправились в Пертоминск и вновь вкушали будничную жизнь морского причала. На палубу судна грузили какие-то тюки и ящики, скрипела лебедка, кричали грузчики и пассажиры рассаживались на палубе, приспосабливая груз в качестве мебели.

В Пертоминск прибыли вечером и устроились в строящемся доме на ночлег. Рано утром перебрались на берег моря, вернее Унской губы. Поселок, как и полагается, расположен на высоком берегу, который отстоит от моря метров на 100-150. По низкому берегу тянется полоса приморских болот с большими лужами и озерками. Уже издали видно, что в этом месте, несмотря на близость домов, снуют стайки различных куликов. Пока готовится завтрак, я спешу к этим болотам, и скоро мои выстрелы будят местного инспектора.

Добыв крупного кулика турухтана, я двигаюсь к озерку, на котором видна крупная утка. Она подпускает меня метров на 20 и я недоумеваю: кряква это или домашняя? Недоставало только оконфузиться, застрелив домашнюю утку. Но утка показывает, что она недомашняя – она взлетает и летит над самой водой. Однако я уже давно начеку и выстрел гремит немедленно, причем удачно. Застрелить крякву прямо под окнами домов – факт весьма примечательный. Подошедший инспектор это подтверждает, справившись

предварительно, почему я тут стреляю и есть ли у меня охотничий билет. Он советует не стрелять в сторону домов.

После завтрака двинулись по берегу от поселка, сосредоточенно глядя под ноги в поисках интересных камней и раковин. Нужно найти место для стоянки. В 2 км от поселка, у родника, прямо на берегу под склоном высокой террасы с сосняком мы сбросили рюкзаки. Здесь будет лагерь заложен!..

В отлив вода уходит почти до горизонта, оставляя огромное пространство жидкой грязи со множеством валунов, чернеющих, словно головы погрузившихся в грязь циклопов.

23. Валуны на дне Унской губы во время отлива.

Эти валуны – свидетельство того, что во время оледенения чаша Белого моря была заполнена движущимся ледником. На шестах болтаются рваные сети с попавшей в них рыбой. Здесь можно ставить сети и проверять их, не пользуясь лодкой. Правда, что-то не видно, чтобы в них болталась порядочная рыба.

24. Дорога над склоном приморской террасы.

Сразу за сосняком наверху тянется болото, чрезвычайно мне понравившееся своим мрачным видом. Это огромное безлесное волнистое пространство; лишь вдали маячат одинокие сосенки. Болото изобилует торфяными озерками, с которых иногда срываются утки и кулики. Дернина постоянно колахается, и несколько раз я проваливаюсь выше колен, мгновенно опрокидываясь на спину и постепенно извлекая ноги из чавкающей жижи. В таком болоте нельзя утонуть, если не бросаться как сумасшедший вперед, стараясь выбраться на более плотное место: там как раз может оказаться менее плотное место. А сзади, на пройденном пути, всегда плотнее, поэтому проваливаясь в трясину нужно падать на спину.

Угрюмый облик болота не может рассеять даже яркое солнце. Оно словно тонет в этих черных дырах торфяных озер и в рыжих кочках осоки, в которых шелестит ветерок. Иногда доносится протяжный куличий крик. На моховых пригорках наливается клюква. Ее столько, что кажется будто ее насыпали здесь из мешка. Обращенная к солнцу сторона ягоды уже совсем красная, но противоположная желто-зеленая. Рядом на моховой кочке торчит растеньице, лишенное зеленой окраски. Листья его, образующие розетку, имеют красноватый цвет и словно покрыты росинками, отчего и растение называется росянкой. “Росинки” выполняют ловчую и пищевариетльную функцию. Когда на лист садится мелкое насекомое, оно приклеивается к нему; белковые соединения тела насекомого растворяются и всасываются листом. Таким образом, это растение – хищник. Чарльз Дарвин, впервые установивший этот факт, доказал, что росянка усваивает белковую пищу так же как желудок животных, т.е. “росинки” содержат вещество, очень близкое желудочному соку. Росянку используют для сведения бородавок, а также как мочегонное, потогонное и противопростудное средство. Помогает ее настой и при судорожном кашле.

Некоторые озерки, словно стенкой, окружены рослой осокой. Оттуда обычно доносится покрякивание, означающее, что мамаша-утка предупреждает об опасности уже немаленьких утят. Они забираются в

заросли осоки и затаиваются. Проносится порыв ветерка и по осокам пробегают воздушные волны, но утята не шелохнутся.

Приходит усталость, так как нужно постоянно вытаскивать ноги из чавкающего месива. А болоту конца не видно.

Если идти по берегу губы к северу, то за ближайшей излучиной километрах в двух сосновый лес переходит в приморское болото, где много куликов и среди них бекасов, на которых я извожу напрасно массу зарядов. Удается добыть лишь одного кулика, который шествовал впереди меня вдоль лужи. По внешнему краю этого болота, там где перед лесом встают реденькой щетинкой тростники, Валере посчастливилось наблюдать совсем рядом серых журавлей. Мне же довелось лишь услышать их курлыканье.
За болотом, на возвышенном месте тянутся лиственные и смешанные леса с оживленным миром пернатых: зябликов, зеленушек, коньков, славок, дроздов и разных неопознанных. В числе последних была птица величиной со скворца, в которую я позорно промахнулся.

Вдоль берега постоянно встречаются одиночные кулики, а над губой кружат чайки, присаживаясь на воду вдали от берега. Над берегом снуют вороны, которые собирают во время отлива дары моря.

По вечерам, в темноте часто брякает колокольчик одной из донок. Приходится вставать и вытаскивать навагу сантиметров 15-20длиной . Можно, впрочем, оставить рыбу на крючке до утра, когда вода уйдет. Тогда можно сходить и отцепить ее на месте, но вороны просыпаются раньше нас. Они постоянно следят за событиями на нашей стоянке, и если мы уходим все, то по возвращении видим, что вороны истоптали песок на стоянке и заглядывали в кастрюлю, сбросив крышку в напрасной надежде, что у нас не все съедается.

Конец август, и спать приходится с костром; заготавливаем с вечера штабель дров. Самый замерзший из нас ночью встает и подкидывает дрова в прогоревший костер, около которого стоят гербарные сетки с растениями побережья Унской губы. Здесь встречались приморские растения, которых мы не видели в Малошуйке, где на нашем пути не встретились песчаные или галечниковые участки берега. В районе Пертоминска таких берегов сколько угодно, поэтому и обнаруживаются характерные для них растения хонкения и мертенсия. У обоих толстые сочные листья. Кроме этих солелюбов, на песках побережья здесь обычен жесткий, словно сделанный из жести, злак колосняк.

Не считая Соловков, Пертоминск явился для нас тем пунктом, откуда уезжать не хотелось, но следующий приход теплохода был только через неделю, а нам пора уже было думать о студенческой скамье. И снова студеные волны Белого моря мельтешат перед глазами. Что-то в них есть завораживающее. Гармония?.. Или отражение какого-то непознанного механизма?.. Почти 20 лет пройдет и много будет всяких волн, когда вдруг из сумерок подсознания начнет проступать колеблющаяся идея: все есть волны. И сразу же окажется, что эта идея уже живет в общественно-научном сознании.

О волновых процессах в природе

Чем больше мы приобретаем ясных идей, тем более следует уважать те, которые еще не достигли ясности.

(Морис Метерлинк)

Представляя себе волны, мы, конечно, воображаем волнующуюся поверхность моря. Из этой наглядности и происходит понятие о волновом процессе, как о колебательном движении, хотя строго говоря, движение морских волн колебательно-поступательное. Поэтому они и обрушиваются на берег. Аналогичные волны мы можем видеть на лугах и полях. Сгибающиеся и распрямляющиеся травы фиксируют клубы воздуха, мчащиеся в том же воздухе, гонимые разницей температур.

Таким образом, волновой процесс воспринимается нами, прежде всего, как движение чего-то в пространстве, при котором заметны периодические явления. В мире наших ощущений это наиболее понятная форма волновых процессов. Однако такая форма не является единственной. Пространство существует во времени и волновые процессы, соответственно, имеют временной характер. Движение, как известно, немыслимо без времени, отношение к которому определяет его скорость. Волновые процессы, как и любое движение, могут происходить с различной скоростью. Они могут быть столь замедлены, что их результат мы воспринимаем как неподвижные, стоячие волны.

Волновые процессы со всей очевидностью связаны с вращением Земли. Еще в древности пытливый ум человека осознал периодичность явлений в природе, заключающуюся в чередуемости чего-то с чем-то. День сменяет ночь. Обогнуло солнце небосвод, и снова наступает ночь. Утро и вечер в этой бесконечной повторяемости являются переходными периодами, сглаживающими контрасты света и тьмы. Периоды времен года продолжительнее в нашем восприятии, поэтому выражение “лето сменяет зиму” может показаться неестественным. Вместе с тем весна и осень представляют переходные периоды между зимой и летом.

Люди привыкли делить сутки на день и ночь, отводя утру и вечеру второстепенное значение, а год они подразделяют на четыре равнозначные периода. Это различение относительно, и когда поэты сопоставляют весну и утро, они пользуются скорее аналогией, чем метафорой. Относительность суточного и годового циклов особенно наглядна в Заполярье, где день совмещается с летом, а ночь с зимой. Естественно, что переходные периоды также имеют место. Сферичность и вращаемость Земли обеспечивают плавность изменения количества поступающего на нее солнечного освещения, несущего на Землю необходимую для жизни энергию.

Самопишущая аппаратура, регистрирующая освещенность, выдает волнообразную линию. Если погода стоит ровная (неважно, ясная или пасмурная), то на ленте самописца мы видим характерную синусоиду. Читателю, незнакомому с понятием синусоида, достаточно представить себе поперечный срез куска шифера или продольный срез стиральной доски. Однако такая периодика освещенности не бывает продолжительной, будучи тесно связанной с атмосферными явлениями, прежде всего с облачностью. Ночная освещенность при безоблачном небе зависит от фазы Луны. Она максимальна в полнолуние, поскольку призрачный лунный свет – это тоже свет Солнца, только отраженный от Луны. Волны на ленте самописца получаются обычно неровные, одны выше, другая ниже и т.д. Для каждого времени года существует свой характерный размах колебаний суточных волн освещенности. Суммируясь, суточные волны образуют сезонные волны, отражающие изменения освещенности в течение года.

Ученые обнаружили, что существуют и другие циклические изменения освещенности, связанные с деятельностью Солнца. Эти изменения имеют период 11, 40, 100 лет и есть еще более долговременные периоды, установленные по геологическим показателям. Конечно, даже 40-летние периоды отдельному человеку весьма сложно ощутить в своей жизни, не говоря уже о 100-летних. Однако документированные свидетельства о разных аномальных явлениях, происходящих в течение последних столетий, убеждают в реальности этих периодов. Поражают, например, линии в вестибюле оранжерей Ботанического сада в г.Ленинграде, показывающие уровень наводнения в 1824 г. и в 1924 г. Надо полагать, что следующее грандиозное наводнение произойдет в 2024 г. Дамба этому наводнению не помешает, но, скорее всего, ее уже не будет, поскольку она образовала резервуар, благоприятный для всякого рода заразы. Вероятно, после первой же эпидемии в Санкт-Петербурге дамбу разрушат.

Наводнения связаны с увеличением уровня Мирового океана, что, в свою очередь, обусловлено таянием полярных льдов в результате потепления в высоких широтах. Надежно установлено, что потепление происходило с начала нашего столетия до 40-х годов. Его центр указывают в Гренландии. Есть много нюансов этого потепления. Из обзорной работы известных отечественных климатолгов Е.С.Рубинштейн и Л.Г.Полозовой следует, что потепление было в основном зимним, а летом температура воздуха повышалась менее, чем на 1°. Этого все же оказалось достаточно, чтобы таяние полярных, в том числе гренландских, льдов усилилось. Но уровень океана поднимался медленно. Поднятие Мирового океана способствует наводнениям, но ближайшей причиной их оказываются нагонные штормовые ветры. Однако почему эти события имеют цикличиский характер совершенно не ясно.

Казалось бы по аналогии с событиями в текущем столетии мы можем говорить и о потеплении в начале прошлого века и, соответственно, о наводнении 1824 г. Однако надежных данных о таком потеплении нет, но установлено, что интенсивное потепление началось в середине 19-го столетия, т.е. после наводнения. К 100-летнему циклу можно отнести и наводнение 1715 г., описанное Д.Мережковским в романе “Антихрист” (Петр и Алексей). В это время еще длился холодный период, начавшийся около 1200 г. Д.Мережковский отметил также, что царя Петра предупреждали о случаях мощных наводнений на месте замышленного им “окна в Европу”. Одно из них произошло незадолго до того, т.е. явно менее 100 лет назад.

Малые же наводнения, представляющие угрозу лишь подвальным кошкам да продукции мастерских, расположенных в подвальных помещениях, в Питере не столь уж редки. Они всегда вызваны устойчивым сильным ветром с Финского залива. Отражают ли они какую-то периодичность?

Циклы с 11-летним периодом, казалось бы, фиксировать проще всего даже людям среднего возраста. Однако вряд ли кто-либо может утверждать, что он заметил в своей жизни чередование событий через 11 лет, хотя ученые их устанавливают. Тут важно иметь в виду, что различные циклы накладываются друг на друга и их максимальные выражения могут быть и в фазе, и в противофазе. В первом случае происходит усиление эффекта, а во втором – ослабление. Если, скажем, совпадают фазы потеплений большего и меньшего циклов, то в сумме будет более значительное потепление. А окажутся они в противофазе, изменений может вообще не произойти, так как похолодание

одного цикла погасит потепление другого. Это – нормальное взаимодействие волновых процессов разного масштаба, хорошо известных в физике. В истории природных процессов они изучены еще очень плохо и до сих пор лишают отдельных ученых сна и аппетита (когда коллеги отказываются верить результатам их исследований).

Но кто станет отрицать волнообразный характер суточных и сезонных процессов?.. Они фиксируют себя различными проявлениями. Мы можем видеть это на годичных кольцах на срезе дерева, в ленточных глинах на дне озер. Самопишущая аппаратура представит нам готовые графики изменения того фактора, для которого она предназначена. Поставили вы, скажем, рядом термограф и гигрограф с недельным заводом. Через неделю вы имеете графическое изображение изменения температуры и влажности в месте, где стояли приборы. Вы можете сказать, что в среду в полночь температура была такая-то, а в субботу утром – такая-то. Вы видите, что кривая увеличения влажности ползет вверх тогда, когда кривая температуры пошла вниз и наоборот. Отсюда уже следуют заключения о характере взаимодействия температуры и влажности во времени.

Таким образом, волновые процессы во времени очень наглядны во множестве проявлений. К ним приспособилось и все живое. Если вы привыкли ложиться спать в определенное время и вдруг оказались в это время в условиях, исключающих возможность склонить голову на подушку, то лишь усилием воли вы гоните сонливость. А вот свежепойманная синица, несмотря на потрясение, не может слишком долго бесноваться после того как для нее наступил привычный “отбой”. Она засыпает где придется при электрическом свете. Так называемые биологичесик ечасы выступают физиологическим отражением волновых процессов, прежде всего смены дня и ночи.

Волновая ритмика в природе существовала еще до появления жизни на Земле. Естественно, что ее формирование сызначала было связано с приспособлением к волновым процессам, а точнее включением в них процессов жизнедеятельности. Если различные проявления жизни включались в волновые процессы, т.е. приобретали волновые свойства, то эти свойства должны иметь и пространственное выражение. В неодушевленной природе мы видим это выражение на обширной однородной поверхности: волны на воде, дюны на песке, сугробы на снегу – все это результат волновых процессов, выраженных именно волнами. А присмотримся к стене смешанного леса.

На первый взгляд кажется, что мы видим бесчисленное множество оттенков зеленого. Однако вскоре уясняем, что собственно оттенковмало, но их непрерывное чередование создает иллюзию множества. Это чередование аналогично волновой ряби на водной поверхности с той лишь разницей, что на воде мы видим поперечные волны, а на стене леса – продольные. Поперечные волны вам нарисует любой ребенок, как только вы попросите его изобразить море(почему-то дети видят море в поперечном разрезе). С продольными немного труднее. Можно представить себе ряд точек или параллельных линий, которые составляют чередующиеся группы: погуще и пореже, постепенно переходящие друг в друга. В каких-то пределах эти сгущения и разрежения могут, видимо, различаться подобно тому, как различаются между собой поперечные волны. На поверхности молря мы видим, что за большой волной идет волна поменьше, а за ней еще меньше или, наоборот, больше и т.д. Продольными волнами распространяется , как

известно из школьного курса физики, звук. А вот почему он так распространяется?.. Может быть у физиков есть на этот счет теория. Я ее просто не знаю. Но мне кажется, что здесь осуществляется принцип порциальной подачи энергии каким-то множеством не связанных жестко элементов. Этот принци в народе называется: раз-два, взяли!

После этой команды множество (хотя бы из двух человек) слагает свои усилия в рывке, что-то вытягивая или выталкивая. Не получилось… Снова: раз-два, взяли!.. И т.д. Типичная волновая передача коллективной энергии: навалились – отхлынули. И в то время, когда отхлынули, происходит отдых и готовность для нового рывка. Передача определенного количества энергии требует для себя дополнительной энергии подобно тому как при пересылке определенной суммы денег по почте необходимы еще деньги для оплаты перевода. Очевидно, при колебательном процессе передачи энергии (по принципу: раз-два, взяли!) требуется меньше дополнительной энергии на саму передачу, чем при непрерывном (по принципу: давай, давай!). При пересылке денег, правда, соблюдается последний принцип, поскольку деньги – всего лишь символы, хотя их прибытие и убытие тоже волнообразно.

Таким образом, можно думать, что звук распространяется волнами потому, что таким образом он распространится шире. За этим кроется какой-то более общий принцип, от которого мы, пожалуй, уклонимся в сторону леса. Зеленую “рябь” на поверхности стены смешанного леса создают деревья разных видов, но их волновое распределение связано, разумеется, не с цветовым оттенком их листвы, а с какими-либо более жизненно важными функциями. Ботаники установили, что разные виды деревьев неодинаковы по отношению к факторам среды. Для одних важнее температура, для других влажность, для третьих освещенность и т.д.

Таким образом, два одинаковых дерева, растущие рядом, мешают друг другу больше, чем два разных дерева. Поэтому там, где существует смесь нескольких видов деревьев, они обычно чередуются друг с другом. Это чередование представляет фактически волновой процесс в сильно замедленном действии. Он аналогичен песчаным дюнам в неживой природе.

Большинство факторов среды сами по себе имеют волнообразную изменчивость в пространстве, что фиксируется там, где растительность отсутствует или едва выражена. Такая изменчивость выявляется, например, на температурных профилях, причем на абсолютно ровных местах. Обыкновенно все же и рельеф изменяется волнообразно, хотя зачастую поднятия и понижения не столь регулярны, чтобы говорить о волнах. И все же это – волны, только искаженные различными влияниями и взаимодействиями в течение долгого времени.

Современный рельеф формировался различными путями, но каждый из них привел к повторению каких-то форм. Часто повторяющиеся формы возникли под воздействием одного мощного фактора или цепочки причинно-следственных событий, связанных с этим фактором. Так, выпахивающая работа ледника на равнинах создавала волнообразную поверхность даже на твердых коренных породах (так называемые курчавые скалы). Такую же поверхность ледник образовал из рыхлого материала, накопленного в его теле, когда он растаял. Талые воды ледника сформировали волнистый рельеф, отлагая пески, которые они несли (зандры).

Размыв поверхности происходит волнообразно и каждая волна включает волны более дробного размыва, что хорошо видно вдоль рек, особенно в

безлесных зонах, где деревья не мешают видеть большое пространство. К рекам обычно выходя чередующиеся обширные понижения и повышения (яры). Они, в свою очередь, включают более мелкие понижения и повышения, а эти – еще более мелкие и т.д.

Волнообразно происходит вертикальное расчленение горных складок. Да и сами складки формируются как волны, причем более низкого порядка, так как и вся горная система представляет волну. Такая волна возникает как распространяющееся колебание земной коры, создающее так называемые компенсационные зависимости: если в одном месте происходит опускание, то по соседству возникает поднятие.

В горах, особенно поднимающихся в настоящее время, воочию видно, что процесс поднятия сопровождается образованием каменных волн на склонах. При подъеме по волнистому склону мы достигаем точки, бывшей вверху на горизонте и казавшейся нам концом подъема. Однако оказывается, что это вовсе не вершина, а только ступень, и чуть дальше нчинается новый подъем. Так повторяется несколько раз, пока мы действительно не достигаем вершины.

Волны рельефа оказывают влияние на волны отдельных метеорологических факторов и сочетания этих факторов.

Все это многоволновое переплетение в конечном итоге также имеет волновой характер, который приобретает и формирующаяся растительность. В большинстве случаев в начале развития древесная растительность образована несколькими видами (за исключением северных районов, в которых существует всего один вид дерева). В смешанных лесах чередование деревьев является свойством этих лесов. Однако в северных районах развитие лесов обычно направлено на доминирование одного вида. Если поначалу лес был смешанный, то по мере его взросления какие-то породы выпадают и остается одна. Поэтому мы говорим о ельниках и сосняках. Бывает, конечно, и очень часто, что в лесах, образованных одной породой, встречается как редкость и другая. Так, в сосняках и ельниках нередко обнаруживается береза, не уступающая по величине доминантной породе. Эта береза сохранилась со времен молодости данного леса и прожила в согласии с ним многие десятилетия.

Лес, образованный одной породой, можно рассматривать как одну суммарную волну древесного ряда волн. В таком случае процесс формирования такого леса, при котором происходит вытеснение других древесных пород, можно сопоставить с явлением интерференции, хорошо известном в физических волновых процессах. Это явление представляет сложение одинаковых по фазе волн, в результате чего происходит их усиление. Если одинаковых волн много, они образуют в сумме волну более высокого порядка. Однородный лес представляет собой такую волну. Например, ельник это – одна волна, а соседний сосняк – другая.

Бывает что и одна порода образует четкие волны, что связано с рельефом и соответствующими изменениями среды. Хороший пример сказанного показывают сосняки на волнистом рельефе, в котором сухие песчаные гривки чередуются с болотистыми понижениями между ними. Когда-то в этих понижениях на поверхности также был песок и было сухо. С течением времени стекающие в понижения воды образовали в песке железистый водонепроницаемый горизонт, называемый ортштейновым. С тех пор началось интенсивное образование болотной дернины и торфа под ней.

Напочвенная растительность сменилась полностью, но сосна осталась. Правда она стала в 2-3 раза ниже, чем на соседних гривках. К тому же, в заболоченном понижении сосна обычно разрежена, тогда как на песке деревья более сближены. В глубь сосняка на песке обозревается пространство радиусом не более 15 м, а сквозь сосняк на болоте просматривается до 100 м, а иногда и намного больше.

Приведенный пример с сосняками очень нагляден. Мы можем видеть и поперечные, и продольные волны, образованные деревьями одного вида, как на чертеже, настолько они выразительны. Труднее осознать, что смежные леса из разных пород тоже отражают волновой процесс, при котором каждый из них выступает в качестве самостоятельной волны. Например, соседствующие ельник и сосняк являются двумя соответствующими волнами.

Близ предела полярного распространения леса представлены обычно островами с характерной полуокруглой формой в поперечном разрезе. Чередование таких лесов с безлесными участками имеет волнообразныйьхарактер, хотя волны, т.е. отдельные лески, обычно неодинаковы по площади. Эти лески всегда образованы одной породой. Поэтому естественно полагать, что в таежных районах, где леса образуют несколько древесных пород, происходит наложение разных волн. Нередко максимумы одних совпадают с минимумами других, что формально свидетельствует о независимости волн, т.е. они не обусловливают друг друга. Однако они вступают во взаимодействия, результат которых может быть различным, и связан прежде всего с тем, в каком соотношении “древесные волны” находятся с волнами климата.

Все, что сказано о деревьях, справедливо также для кустарников и низкорослых растений, образующий напочвенный покров растительности. Любой обычный для данной местности вид растений распространен как бы пучками или скоплениями. На одних местообитаниях эти пучки попадаются на глаза то и дело, на других их вовсе нет, т.е. и сами пучки образуют скопления, являющиеся уже скоплениями скоплений. Эти скопления второго порядка, как правило, имеют ярко выраженную экологическую природу, т.е. они наблюдаются в местах, где комплекс взаимодействующих экологических факторов обеспечивает их жизненные потребности. В пределах же одного местообитания, где, казалось бы, в любой точке этот самый комплекс факторов для данного вида благоприятен, формирование пучков связано, очевидно, с иными причинами.

В каждом случае пучкового распределения растений в пределах однородного контура для него можно подобрать экологическое объяснение. Например, в горных тундрах часто наблюдается куртинное распределение растений, при котором пучки – куртины растений, чередуются с участками обнаженного грунта. Резонно считать, что такое распределение связано с дефицитом тепла. На единицу площади поступает такое количество тепла, которое не могло бы удовлетворить нужды всех растений, если бы они образовали здесь сомкнутый покров. Поэтому растений здесь намного меньше, чем позволяет площадь, и они группируются в пучки, поскольку это дает некоторые преимущества перед равномерным рассеянием. Например, в пучках теплее, чем за их пределами, в начале зимы они быстрее оказываются под снегом, так как задерживают его на себе и т.д. В горных тундрах возникла специфическая жизненная форма растений, напоминающая лепешку. Побеги такого растения нарастают из центра, плотно прижимаясь к грунту и даже

запуская в него придаточные корешки. Когда очень ровный щебнистый участок заселен таким видом растения, то мы видим рисунок, напоминающий шкуру леопарда, на котором роль черных пятен выполняют лепешкообразные растения.

В пустынях пятнистое распределение растений одного вида также не представляет редкости. Понятно, что о дефиците тепла тут речи быть не может. Но зато в пустынях существует дефицит влаги. Он-то и обусловливает куртинное распределение растений, поскольку влаги оказывается мало, чтобы обеспечить сплошной покров растений.

Дефицит разных факторов, таким образом, обусловливает одно и то же пятнистое распределение растений. Если на участке с таким их распределением провести линию (скажем, натянуть шнур),то в каком бы направлении эта линия не тянулась, вдоль нее мы увидим застывшие продольные волны. Как и в случае с древесной растительностью близ полярного или высотного пределов ее распространения, волнообразное распределение низкорослых растений четко прослеживается там, где какого-то жизненно-важного фактора существенно недостает, поэтому видов растений здесь оказывается мало, количество особей каждого из них также не велико; во всяком случае свободного места для поселения сколько угодно, но оно не происходит и растения кучкуются. Там же, где жизнеобеспечение достаточное, растения занимают участок земной поверхности полностью, но разные их виды все равно кучкуются. Очевидно, это обусловлено волнообразным изменением экологических факторов, а также и их сочетаний.

Волновые процессы прослеживаются в геофизическом, геоморфологическом, климатическом, экологическом и других аспектах. Они выражены в различных масштабах, с многочисленными наложениями, имеют разную скорость и, что очень важно, связаны эффектами отражения. В качестве примера отражения можно указать на формирование практически стоячих волн на песчаном дне мелководных водоемов. Песчаные донные волны возникли под воздействием волновых колебаний воды, движущейся под волновым напором ветра. Но ветер стих, волновое движение воды прекратилось, а песчаные волны на дне остались. Динамическая волновая система запечатлелась в относительно статической волновой системе путем отражения. В данном случае имеется весьма адекватное отражение, т.е. с малыми сторонними влияниями. Аналогичным образом растительность отражает экологические факторы и их суммарные эффекты.

Естественно, что однокачественная волна не тянется бесконечно. Где-то она начинает затухать и сходит на нет. Кроме того, наблюдается разрыв однокачественных волн с образованием волн другого качества. Хороший пример – уже упоминавшиеся сосняки на волнистой песчаной поверхности. Был поначалу сосняк во всех отношениях одинаковый на возвышениях и понижениях. С течением времени понижения заболачивались и, наконец, в них обрапзовался болотный покров, не имеющий ни малейшего сходства с покровом на песке. Только сосна свидетельствует о прошлой непрерывности, но и она теперь воолнообразно изменяется в пространстве, будучи крупным деревом на возвышениях и мелким на болотах. Таким образом, вместо одной волны стало две, каждая со своим экологическим фоном: песчаным и болотным (торфянистым). Вместе с тем, из непрерывности возникла прерывистость, так как песчаные возвышения и болотные понижения

чередуются. В данном случае волнообразное изменение растительности в прстранстве явно связано с волнообразным рельефом.

Однако и на абсолютно ровных поверхностях растительность развивается или деградирует волнообразно, пятнами. Это хорошо видно на ровных как стол поверхностях обширных террас в тундровой зоне, т.е. в местах с суровым климатом, особенно если зимой с участка террасы ветер сдувает снег и грунт промораживается. Растительность здесь едва заметна. Если условия изменились в лучшую сторону, например, потеплел климат, терраса заселяется растениями, причем они образуют пятна, а не распределяются равномерно. Пространственные отношения пятен можно представить как распространение волн. Как и на волнистой поверхности песков с сосняком, здесь непрерывность сменяется прерывистостью (дискретностью).

Таким образом, волновые процессы, фиксируемые в пространстве на разных объектах, отображают какой-то общий закон, о котором мы пока только догадываемся. Его общность явно шире биологических проявлений. Можно думать, что в самом существе изменчивости самых разных объектов заложено некое информационное начало, обусловливающее именно волновую изменчивость, а не прямолинейную. По-видимому, это связано с тем, что волновой процесс обеспечивает динамическую устойчивость, а вместе с тем имеет тенденцию к увеличению разнообразия. Последнее происходит при разрыве непрерывности по принципу “где тонко , там и рвется”.

Организменный способ существования жизни возник в результате разрыва непрерывности. Сначала был однокачественный белковый бульон или кисель, представляющий непрерывность. Затем в результате самоорганизации отдельные молекулы белков начали собираться и образовывать отдельности (коацерваты). Усложнение отдельностей за длительное время (порядка 1,5 миллиарда лет) привело к образованию организмов, которые продолжали усложняться, для чего они выработали потрясающе хитроумные механизмы. Понятно, что усложнение было возможно лишь потому, что организмы сочетали в себе устойчивость и изменчивость, т.е. вся эволюция была пронизана волновыми процессами, сам механизм которых живой мир воспринял у неживого. И сейчас мы видим проявление волновых процессов при передаче генетической наследственности, а также и ненаследственной изменчивости. Можно проделать простой опыт: ободрать с растения все листья и разложить их в ряд по изменению размеров, а равные складывать друг на друга. Эта процедура отражает привычку нашего мышления – ординировать, которая согласуется с объективными явлениями. Толщина кучек в ряду наших листьев будет максимальна посередине, уменьшаясь к обоим концам ряда. Это – частотная кривая или волна. Можно разложить листья другой волной: самые крупные посередине, а остальные поочереди вправо и влево от срединных. Получим морфологическую волну. Поперечная частотная волна будет иметь минимум на максимуме морфологической. Эти отношения имеют практический смысл при изучении природных популяций. В популяции мы также можем ободрать все листья и получить то же, что с одного растения. Возможно, что выявится и еще что-нибудь, так как некоторые конкретные вещи становятся явными только при огромных выборках (достаточно вспомнить работы Г.Менделя и Т.Моргана).

Если в популяции перемешаны особи, которых по описаниям следует относить к двум видам, то построение морфологической волны таким образом, что одна половина несет диагностический признак, а другая – нет,

дает возможность сделать заключение о пересечении морфологической и частотной волн, что можно интерпретировать как генетическую целостность популяции. Следовательно, популяция состоит из двух форм растений, относящихся к одному природному виду, а не к двум, как уверяют отдельные систематики.

Любой признак в группе родственных организмов имеет в пространстве волновое распределение. Такое же распределение имеет вероятность проявления признаков у потомков. Чтобы в очень упрощенном виде пояснить эту ситуацию, допустим, что папа рыжий, а мама черная (гены, определяющие цвет волос, не связаны с другими), тогда ожидаемый ребенок может быть на 25 % рыжим, на столько же черным и на 50 % черно-рыжим (каштановым). Снова волна, только теперь – состоящая из вероятностей, согласно которым в два раза вероятнее, что ребенок будет каштановым, возбуждая недоумение папы.

Представление о волновых процессах в природе пока еще далеко не полное. Многие его аспекты находятся в стадии обсуждения, и многие старорежимные исследователи (со сталинскими дипломами), некогда “обличавшие” менделистов-морганистов-вейсманистов и так и не разобравшиеся в том, что обличали, не считают даже возможным обсуждать их. Дескать, зачем это нужно?!.. И без того забот хватает.

Но обсуждение волновых процессов основывается на опыте – наблюдениях в природе. Следовательно, возникает потребность в объяснении наблюдаемого. И оказывается, что объяснение ведет к идее о фундаментальных свойствах биосферы. Оно не может быть выбрито так называемой “бритвой Оккама” – “не усложняй сущность без необходимости”, поскольку необходимость очевидна.

Несмотря на недостаточную разработку теории о волновых процессах в природе, само представление о них уже является основой для развития других представлений, которые фактически опять же выступают как осмысление наблюдаемых в природе явлений.

В местах пересечения волн, естественно, имеются точки или весьма обширные совокупности объектов, которые могут относиться к любой из пересекающихся волн. Они не могут быть точно определены в системах существующих классификаций. Попробуйте, например, определить какое-то число встретившихся вам берез – пушистая это береза или повислая. Во многих случаях придется чесать затылок, так как на ветвях будут признаки, указываемые в определителях для обоих видов. Таких примеров – тьма. Все они создают ощущение неопределенности. Попытки точно проводить какие-то границы (между участками с разной растительностью, между разными природными зонами и т.п.) опять же сталкивают нас с неопределенностью: то ли тут наметить границу, то ли там. И чем больше мы получаем информации, – что, казалось бы, должно облегчатьнашу задачу с проведением границ, – тем в большую неопределенность мы впадаем, т.е. результат получается, вопреки ожиданиям, противоположный. Такой результат мы имеем не только при изучении пространственных отношений, но также и временных, когда мы исследуем предков. Нет ни одного случая точного знания о предках существующего ныне мира организмов. П.Тейяр де Шарден назвал эту ситуацию “автоматическим устранением эволюционных черешков”.

Неопределенность, вытекающая из волновых процессов, прослеживается на всех уровнях растительного мира, т.е. на видах растений, и на различной

растительности, представляющей сочетания видов, и на зональных сочетаниях растительности. Это означает, что в большинстве случаев границы, которые исследователи проводят на картах или на совокупностях классифицируемых объектов, условны. Поэтому и существуют разногласия, где проводить ту или иную границу. Заметим, что четкие границы тоже существуют. Однако массовое проявление неопределенности вынуждает говорить о принципе неопределенности и вспомнить, что такой принцип существует в квантовой механике.

В.Гейзенберг – автор принципа неопределенности – доказал, что у движущейся частицы можно определить либо ее массу и скорость, либо ее координаты, но не все это вместе. Принцип Гейзенберга “работает” в микромире. Говоря о нем применительно к макромиру, нужно, конечно, оговорить корректность его применения. Здесь существует два варианта. Либо принцип Гейзенберга шире его первоначальной трактовки. Либо имеется более общий принцип, включающий принцип Гейзенберга. В любом случае принцип неопределенности применительно к органическому миру можно сформулировать следующим образом: чем больше нам известно о каком-либо параметре (растительности или вида растений), тем неопределеннее пространственное ограничение этого параметра. Должно быть понятно, что речь идет не о временном незнании. Наоборот, увеличившееся знание увеличивает и неопределенность.

В создании этой неопределенности действует какой-то механизм, постижение которого, возможно, выходит за рамки наглядности. Попробуем все же представить, сколь можно, на примере взаимодействия двух средовых факторов – температуры и относительной влажности, – внешнюю сторону этого механизма. Берем средовые факторы только потому, что они легко замеряются и нам легче представить их взаимодействие, но механизм этого взаимодействия тот же самый, что на разных уровнях растительного мира.

В пределах однородной поверхности без растительности ее температура в разных точках оказывается различной. Даже на широте Полярного круга различие достигает 1,5-2° на расстояниях порядка метра. Наблюдается и временнóе колебание температуры. При порывистом ветре температура колеблется до 2˚ за 1 минуту. Обычно определяют среднюю температуру однородного участка, сделав замеры в нескольких точках. Строго говоря, однородный участок поверхности характеризуется каждый момент не одной величиной, а некоторым их спектром. Это касается, по-видимому, любого экологического фактора, так как четко прослеживается на ведущих, легко замеряемых факторах: температуре и относительной влажности. Если брать синхронные значения этих факторов с лент рядом стоящих самописцев, то в прямоугольных координатах получается облако значений для данных места и временнóго интервала (скажем, суток). В этом облаке каждому значению одного фактора соответствует целый ряд значений другого фактора. Ситуация в статистике заурядная. Попробуем представить ее образно. Допустим, имеем две жесткие оси, например, спицы, перекрещивающиеся под прямым углом, со значениями факторов. Учитывая, что каждый момент времени значению одного фактора может соответствовать несколько значений другого, мы должны себе представить непостижимо быстрое движение спиц относительно друг друга в пределах соответствий значений факторов. Но говорить о движении можно только из-за образности, так как фактически имеется в виду моментальное нахождение отрезка спицы в нескольких местах по отношению

к другой спице. В понятие “моментальное” вкладывается смысл исчезающе малого интервала времени. Таким образом, мы должны покинуть мир привычных образов, если описывать интерпретируемое явление как взаимное растяжение факторов.

Подобное “растяжение факторов”, вероятно, существует на любом уровне взаимодействий и в живых системах и в системах их систем. При этом число действующих факторов едва ли может быть учтено. Логическая модель растяжения факторов напоминает модель “ядро –оболочка”, в которой ядро представляют более вероятные значения, а оболочку – менее вероятные и к тому же в разных ее секторах различные.

Какие силы действуют в “растяжении факторов” , неизвестно. Ясно только, что этот феномен имеет волновую природу.

Пинежье (1968 г.)

Год сгорел на керосине
Залетевшей в лампу мошкой.
Вон, зарею серо-синей
Встал он сонный, встал намокший.
(Н.Балашов)

Закончен третий курс, в ходе которого мы провели много часов за определением растений, собранных минувшим летом. При этом мы, конечно, снова и снова мысленно переживали разные моменты полевой жизни. Но еще более страстно мы ждали новый полевой сезон. Теперь мы собирались в Пинежский район и получили темы будущих дипломных работ. И у Валеры, и у меня были флористические темы. В нашу задачу входило тщательное изучение флоры двух притоков Кулоя. Валера получил речку Сотку, а я – Полту, но в июле мы будем вместе изучать Сотку, а в августе приедет моя помощница, с которой мы отправимся на Полту.

На перепутье под Архангельском (5 июля)

Кто-то едет. Небо – как въезд.
У деревьев – жесты торжеств.
(Марина Цветаева)

После долгих мытарств, связанных с отправкой в экспедицию и обычной бюрократией, мы сидим, наконец, около Архангельска на берегу весьма грязной и вонючей речки Юрас. Недалеко проходит дорога в город из аэропорта. Вдоль речки тянутся кустарниковые заросли, переходящие на противоположном берегу в низкий лес пригородного типа. Спешить нам некуда. Рабочий поезд, на который мы рассчитываем попасть, идет завтра.

Наши планы весьма неопределенны. Вообще говоря, нам нужно добраться до верховьев Сотки, но как это сделать? До сих пор нам никто не мог точно сказать, как туда попасть с наименьшей затратой времени и сил. Может быть, рабочий поезд будет провозить нас где-то близ желанного района. Пока

неясно, где проходит железнодорожная линия, так как она только строится и не нанесена ни на одну карту. После городской жизни мы ощущаем прямо таки упоение при виде грязной речки и кустов вдоль ее берега. Вдали видны башенные краны Архангельска, но туда нас не тянет. Мы занимаемся тем, что изучаем растения на лугах и в кустах вдоль речки и озираем окрестности. Все время слышится скрипучая песенка камышовой овсянки. Вдоль речки изредка пролетают чайки, одну из которых мы добываем для определения и на суп. Выясняется, что это – сизая чайка и что суп из нее отличный, хотя она и тощая.

Днем мы купаемся, стараясь не влезать носом в сгустки подозрительной грязи, плавающей взад-вперед, так как оказалось, что на течение в речке влияют приливы-отливы. Она течет то, как и полагается ей, от города, то – к городу. Весьма регулярные порывы критических запахов нас тоже не смущают.

Главное, что мы на воле. Так и лезет в голову строфа Франсуа Вийона: “ На воле вновь после тюрьмы, где я лишь чудом не подох.” Выбранное нами место изобилует кровососами; тут и комары, и слепни, и оводы, да еще и жигалка Вольфа – исключительно красивая муха, великолепно оправдывающая свое название. Увы…это – столь неизбежное зло, что к нему нужно сразу же испытывать снисхождение. Вечером пропадают все прочие мучители кроме комаров, которые стараются компенсировать исчезновение конкурентов. Мы густо мажемся диметилфталатом.

Ночь ждем напрасно. Зарево лишь перемещается по горизонту; нет и трех часов, а красный диск солнца уже висит над горизонтом. Речка Юрас течет теперь вспять, пронося уже виденные нами образцы хлама. Засыпаем лишь уже утром, когда солнце начинает пригревать.

Днем занимаемся определением растений с соседнего мокрого луга и из кустов. Здесь много коронарии кукушкин цвет с ее изящными бахромчатыми лепестками розового цвета, встречаются мощный борщевик сибирский и ангелика лекарственная, называемые “дудками” из-за полых стеблей, клевер полевой или попросту кашка, хвощ полевой, мытник болотный и тоже болотный подмаренник. Каждое растение, если к нему присмотреться, оказывается изумительным явлением природы. От равнодушного глаза природа скрывает свои самые сокровенные тайны. Пытливому же глазу она приносит видения, которые делают человека счастливым. В самые критические минуты жизни природа способна влить в душу человека бодрость и избавить его от всего гнетущего. Поэтому мы бесконечно рады оттого, что выбрали специальность, приближающую нас к природе.

Два дня подряд каркают вороны. Две молодые вороны сидели на сухом суку большого куста, когда я шел прямо на них. Они вытянули шеи и заорали: что-о, что-о? Откуда-то появилась старая ворона и тревожно каркнула в воздухе: прочь, пр-рочь! Молодые взлетели и уселись вдалеке на столб с перекладиной. Старая села на соседний столб, подальше. Она, очевидно, контролирует, как ведут себя ее выросшие отпрыски. Потом мы наблюдали, как старую ворону яростно преследовал дрозд рябинник, изнемогая от собственного крика.

Собирался дождь, когда мы остановили автобус на дороге и доехали до вокзала.

По Пинеге до Пинеги (6 июля)

Мимо ристалищ и капищ,
Мимо храмов и барв,
Мимо роскошных кладбищ,
Мимо больших базаров,
Горя и мира мимо,
Мимо Мекки и Рима
Синим солнцем палимы
Бредут по земле пилигримы
(Иосиф Бродский)

Наши надежды – попасть по железной дороге в район верховьев Сотки – рухнули. Дотуда слишком далееко от железной дороги, и мы следуем совету одного из попутчиков и едем до конца – до реки Пинеги. В вагоне почти темно, так как небо обложено тучами. Рабочий люд возвращается из центра местной цивилизации – Архангельска. Большинство под сильным впечатлением от посещения центра, но до полуночи на ногах стоят.

В предутренней серости поезд останавливается. До реки мы бредем еще с километр, согнувшись в три погибели – руки оттягивают гербарные сетки, в которых лежит по годовому набору газет для гербария. Попутчики в поезде, узнав, что мы везем из Ленинграда груду старых газет, хохочут: "Вот чудаки, да неужели здесь газет нет!"

Серым утром перед нами предстает серая толща воды Пинеги. Минорно звучит тусклая зелень берегов со щетками черных елей на противоположном берегу. По реке плывут одиночные бревна. По берегу от нас стремительно удирает кулик-перевозчик. На песчаной "плеши" берега торчит багровая головка кровохлебки лекарственной. Она называется так за свойство свертывать кровь.

Рис. 10.

Нас подхватывает самосвал, и через несколько минут жестокой тряски мы оказываемся на Луковецкой базе. Здесь пристань, где мы долго ждем катер, для которого расписание не столь уж важно. В ближайшем доме нам говорят, что катер может сегодня и не явиться, так как слишком уж много плывет леса. Мы пытаемся чисто по-городскому роптать, и на нас смотрят с удивлением: "Да что вы волнуетесь, не сегодня, так завтра доедете". Однако катер все-же появился. Потянулись пустынные берега Пинеги, порой обрывистые, порой очень пологие. День выдался хмурый, но с палубы уходить не хотелось. Иногда сквозь густой полог туч пробивался на землю луч солнца, но в общем было холодно и мрачно. В холодной серости перед нами раскрывались, как в калейдоскопе, виды Пинежья. Из одних и тех же элементов берегов, деревушек, бахромы леса и кустов складывались самые разные комбинации пейзажей. Около деревушек катер подходил к берегу и сердито пыхтел, пока по сходне, опускаемой с носа, сходили или заходили два-три пассажира. Оказывается, и здесь люди не сидят на месте, а куда-то едут по каким-то делам.

Серые рубленые дома деревушек тянутся цепочкой вдоль реки. От них веет суровым величием северной жизни. В этих домах живут люди, которых писал Павел Корин. Сквозь ровный стук мотора доносятся визгливые крики чаек, преследующих катер. Северная природа, скрытая от живительных лучей

солнца серой пеленой облачности, производит впечатление дикости, грандиозности, неприступности. По ассоциации всплывают в памяти Гравюра Рокуэлла Кента “Дикая природа” и пронизывающе холодные тона его пейзажей. Вместе с тем хорошо видно, что Пинежье – очень обжитой край. Местами на огромном протяжении вдоль реки не видно совсем леса и возникает ощущение, что река течет не в северной тайге, а где-то в степной зоне. Только краски здесь – не южные.

Край старорусский, но церквей по берегам Пинеги не видно. Их уничтожили во времена красного террора и воинствующего безбожия. Но вот на высоком холме поодаль от реки показываются белокаменные здания, среди которых торчит верхушка церкви. Это – Красногорский монастырь. Мы плывем и плывем, а монастырь не исчезает. Он словно парит над огромной территорией. Мы еще не знаем, что монастырь наполнен малолетними идиотами, души которых разобщены с телом.

В семь часов вечера приплыли в поселок Пинегу и, как обычно, сразу нашли место для ночлега – строящийся дом. На лугу – футбольном поле – разожгли костер и скоро к нам подтянулись местные жители – полюбопытствовать, кто такие?! Начались разговоры насчет того, как добраться до верховья Сотки. Однако совещание кончилось все той же неопределенностью. Лишь один охотник сообщил, что до верховьев Сотки можно добраться только пешком из села Голубино или на вертолете. Низовья же этой реки в 10 км от Пинеги по прекрасной дороге. Что-то скажут нам еще в лесхозе?

Поздно вечером в нашу резиденцию явился немой сторож, который, издав несколько возмущенных, красноречивых звуков, удалился, как мы поняли, за милицией. И действительно, через полчаса пришел милиционер, проверил наши документы и грозно приказал не курить, но из дома не выгнал.

Знакомство с речкой Соткой

Великие в себе благословенья
Таят цветы, и травы, и каменья.
(Уильям Шекспир)

Похоже, что здесь все таки север. Ночью было ужасно холодно. Звенели комары. До утра мы стучали зубами, кутаясь в плащи. Рано утром сварили кашу, вскипятили чай и воспрянули духом и телом. Правда, перловая каша не доварилась, и нам пришлось уподобиться зерноядным. Тем не менее желудки были набиты и поскольку был выходной день и лесхоз не работал, мы отправились на Сотку, оставив свои монатки на попечение соседей.

Дорога идет по чудным сосновым борам на песках. Однако недалеко от дороги начинается резкое понижение, где сосняк сменяется ельником. Сквозь деревья поблескивает вода озер, которые тянутся цепочкой. Некоторое время мы даже думали, что параллельно дороге течет река. Когда-то она здесь действительно текла, и это была никакая иная река, но Северная Двина. То было в давние времена, когда ледник переполз Белое море и занял низовья Северной Двины, которая нашла путь по теперешним долинам Пинеги и Кулоя и стала впадать в Баренцево море. От реки Пинеги тогда оставалась только верхняя часть. Когда ледник стаял, Северная Двина вернулась в древнее русло и потекла в Белое море, оставив на месте своего прежнего русла широченную долину. Произошло поднятие суши, в результате которого река Пинега отвернула от Кулоя на расстоянии всего несколько километров и,

сотворив огромное колено, потекла на юго-запад и стала притоком Двины. Можно сказать, что озера, поблескивающие в понижении близ дороги, это – остатки Северной Двины, хотя сама она находится далеко на юге.

Яркий летний день. Пахнет озоновой свежестью и бальзамом. Хрустят лишайники под ногами, когда мы сворачиваем в сосняк. Впечатление от прогулки уже испытывают даже ноги, когда появляется небольшой мост.

Речка Сотка – это, собственно, и есть начало реки Кулоя, но Кулоем река называется только от выхода Сотки в долину Прадвины. Здесь Кулой отделен от Пинеги расстоянием всего 4 км. Ранее на этом расстоянии существовал волок, но затем был выкопан канал, который и теперь соединяет Кулой с Пинегой.

Сотка поразила наше воображение. Это оказалась речка всего метров 8 шириной с невысокими берегами, густо заросшими лесом и высокой травой до самой воды. Над ней носятся кулики-перевозчики.

За мостом начинается типичная северная деревушка с обилием собак, которые гавкают на нас возле каждого угла. Мы разыскиваем дом лесника, но хозяин подтверждает все слышанное ранее, добавляя лишь, что в верховья Сотки можно попасть еще и на лодке с мотором. Но у нас нет мотора и лодки, а также и денег на аренду. Все, на что мы можем рассчитывать, – это бескорыстная помощь. Пройдя деревню, мы располагаемся на открытом месте определять по специальной книге собранные на пути сюда растения. Место оказалось пастбищем, и скоро мы облеплены мошкой.

Затем продвигаемся немного вверх по Сотке. В прибрежных зарослях шмыгают дрозды: рябинники и белобровики. Слышны позывы зеленушек, зябликов, коньков. В одном месте натыкаемся на цветущий венерин башмачок. Это растение из семейства орхидных с крупными желтыми цветками, напоминающими калошу.

25. Цветки венериного башмачка.

Вдоль берега много лабазника и валерианы лекарственной, которую легко узнать по запаху корней; это в них содержится валерьянка. С деревьев свисают лианы княжика сибирского, который сейчас цветет крупными белыми цветками с четырьмя лепестками. В прибрежном высокотравье попадается дальний родственник княжика лютик многоцветковый, ближайший родственник которого – лютик едкий – это всем известная “куриная слепота”, растущая на лугах и по обочинам дорог. Тут же крупное растопыренное растение с массой небольших мягких листочков на каждом листе. Цветки у него невзрачные, мелкие, но метелки тычинок, свисающие из них, приводят в умиление. Перед нами василистник малый.

Пора в Пинегу, и мы возвращаемся на мост. Сотка уже почернела, так как солнце спустилось и брызжет, словно электросварка, в макушках сосен.

На Святом ручье. Вылазка в район среднего течения Сотки (13 июля)

Хотя бы не расцвела
смоковница, и не было плода на
виноградных лозах, и маслина
изменила, и нива не дала пищи;
хотя бы не стало овец в загоне

и рогатого скота в стойлах; но
и тогда я буду радоваться…
(Библия. Книга пророка
Аввакума)

У нас имеется красивая бумага с шапкой Ленгосуниверситета – обращение ко всем организациям оказывать нам всевозможную помощь. В понедельник мы сходили в леспромхоз, потом в лесхоз, который располагает пожарным вертолетом. Главный лесничий, В.Батыгин, недавно окончивший институт, оказался человеком доброй души. Он тут же проникся к нам ненавязчивой симпатией и обещал сделать все возможное. Мы обросли надеждами. Нужно было дождаться разрешения Архангельска на заброску нас на пожарном вертолете. В ожидании разрешения мы познакомились с Виктором Ивановичем Кашиным – лесоводом из Архангельска, который соблазнил нас посетить Красногорский монастырь и Святой ручей.

Мы видели монастырь с катера и уже тогда он поразил нас своей “уместностью”. Действительно, на десятки километров в разные стороны не сыскать более подходящего места для него.

До монастыря от пос.Пинеги около 15 км, и нас подбросила лесхозовская полуторка.

26. По дороге из Пинеги к Красногорскому монастырю, который виден вдали на возвышении.

Дорога идет вдоль р.Пинеги до деревни Малетино, мимо нескольких деревушек, местами словно нанизанных на реку. Из огромных луж по обочине дороги слетают утки и кулики. Последних много на песчаных отмелях реки. Подъезжая к Малетино видим на высоком берегу рядом с амбарами огромный староверческий крест. Существует легенда, что этот крест стоял на церкви Красногорского монастыря, но в сильную бурю его сорвало и бросило на берег Пинеги в 4-х км от монастыря. Подобные кресты люди ставили в некоторых местах как символы русской земли. Очень вероятно, что эти кресты служили, кроме того, знаком высадки при плавании по реке. В этом месте, безусловно, был причал для прибывающих в монастырь и на Святой ручей. Немного дальше креста видна ветряная мельница без крыльев. Она стоит на срубе-постаменте и на огромном штыре, на котором ее можно поворачивать вокруг своей оси и ставить крылья к ветру. Примечательно, что мельница еще не ветхая; кажется, достаточно поставить ей крылья и она готова выполнять свою функцию.

27. Ветряная мельница без крыльев в дер.Малетино. Около забора виден Валера, снимающий мельницу крупным планом.

По краю деревни тесно стоят закопченные баньки. В этой деревне долго жил епископ и многие монахи, после того как монастырь закрыли в 1926 г. После других деревень Малетино производит особое впечатление своим патриархальным обликом. Верхняя часть ее, очевидно, не изменена с прошлого столетия, как можно судить по архитектуре домов-дворов с затейливой резьбой наличников и карнизов, с огромным крыльцом.

Дорога поднимается на Красную горку. Последнее название происходит от прежнего обилия на этом месте папоротников, которые, увядая, становятся красноватыми, а если их много, то они “окрашивают” большие участки. Впрочем, существуют и другие толкования названия Красная горка.

На самом верху, где стоит монастырь, разбросаны домишки, окруженные огородами и лугами. Папоротников теперь здесь нет, так как нет лесов. Монастырь, издалека кажущийся стройным, вблизи оказывается тяжеловатым по своим формам. Церковь в нем только одна и теперь она полуразрушена. Когда с крыши сняли жесть, вскоре она рухнула. На стенах еще сохранилась поблекшая роспись, которая исчезнет через несколько лет. Жилые строения – в хорошем состоянии. Из них доносятся вопли малолетних инвалидов.

28. Церковь и колокольня в Красногорском монастыре.

Мы не задерживаемся в монастыре, заглянув еще на кладбище по соседству, где возвышаются богатые памятники из мрамора и гранита жившим в прошлом и начале нашего века. Многие уже не возвышаются, а повалены какими-то злыми силами.

За монастырем тянутся луга, которые в яркий день смотрятся как пестрый ситец.

29. Луга на Красной горе.
30. Вид с Красной горы на реку Пинегу.

До Святого ручья оказывается не так уж и близко. Нам говорят, что”идти нужно пока ноги несут”. Впрочем, туда ведет дорога, так что заблудиться мы не должны.

По пути довольно часто встречаются карстовые воронки, значит, где-то совсем неглубоко залегают гипсы, которыми славится Пинежье. Дорогой пользуются нечасто, и в низких местах, где земля влажная, она запечатлевает всех, кто по ней прошел. Не раз попадаются крупные следы, похожие на след широкой человеческой ноги, – здесь брел медведь.

31. Медвежьи следы.

Близ дороги держатся выводки рябчиков. Птенцы еще едва превосходят размерами воробья, но неплохо летают и даже поднимаются на ветки деревьев.

Добравшись до Святого ручья мы поражены величием картин, развернувшихся перед нами.Мы с Валерой впервые увидели скалы, образованные гипсом, и первое впечатление было именно восторженным, тот, кто видел это, нас поймет. Перед нами огромный провал. Серо-бело-красноватые скалы обрываются метров на 50 вниз, где виднеются хаотические нагромождения обломков гипса разной величины и формы.

32. Провал к Святому ручью. Гипсовые скалы.

33. Некоторые выступы гипса, покрытые растительностью, кажутся какими-то доисторическими окаменелыми чудищами.

Поразительно разнообразие самой горной породы. На небольшом участке можно встретить разные модификации гипса: тут и крупные отдельные кристаллы, и целые щетки их, чистые, с прожилками, всячески источенные водой аморфные куски, принявшие самые причудливые формы. Над скалами возносятся сосны. Спустившись, мы видим и ручей, выныривающий из-под скалы, в чем, вероятно, и заключается его святость.

34. Выныривающий из скалы Святой ручей.

35. Хаос в долине Святого ручья.

Вода, словно взбешенная пребыванием в подземелье, с грохотом выливается из дыры в гипсе. Она оказалась необыкновенно холодной и щелочной. В трещинах на губах, после того как мы “причастились”, началось жжение, словно мы были недостойны потребления святой воды. В небольших омутках вода словно хрустальная.

Скалы изобилуют огромными кривыми трещинами и фантастическими уступами. Местами вверх уходит ровная стена, на фоне которой ярко выделяются листья берез и рябин. Кое-где стены разделяет щелевидный проход, в котором двоим не разойтись Такое впечатление, что скалу пропилила какая-то чудовищная пила. Гипс – быстро разрушающаяся горная порода и, если его не “облизывает” постоянно вода, то его поверхность покрывается эрозионной корочкой, словно ржавчиной.

36. Гипсовая стена.

37. Эрозия гипса. Трещины и выемки.

Везде в гипсе встречаются мощные прослои серого известняка и доломита. В некоторых местах стена выглядит словно гигантский слоеный пирог. На дне долины попадаются даже гипсовые столбы, много различных выемок, углублений, полупещер с покрытыми мхом стенами.

38. Гипсовые столбы.
39. Дыра в гипсах.
40. Полупещера.
41. Промоина в верхней части гипсовых скал словно вход в иной мир. Лесовод В.И.Кашин.

В верхней части скал видны трещины, которые промыла стекающая по поверхности вода дождей и тающих снегов. Многие деревья упали, и проходы здесь и там перегорожены завалами стволов. На выступах скал многие деревья стоят вкривь и вкось. Иногда можно пройти над захламленным участком по стволу дерева, упавшего с одного выступа скалы на другой. Пока мы продвигаемся вниз по долине (называемой здесь оврагом, что неправильно, так как овраг – замкнутая котловина), ручей еще несколько раз исчезает под землю и появляется снова. В одном месте, выныривая, он образует водопад.

42. Иногда вода стекает по скале широкой полосой и обрушивается в нишу.

Повыше водопада несколько мощных обломков образовали дыру, по дну которой струится поток по совершенно белому, отшлифованному гипсу. Сбоку виднеется поверхность, напоминающая застывшую пену. Брошенный камень отломил кусок этой “пены” и под ним оказалась какая-то кость. Я спустился в эту дыру и выяснил, что кость эта представляет половину нижней челюсти лося и что она совершенно истлевшая.

Кроме чисто зрительных экстатических впечатлений мы с Валерой получаем и научную информацию. Виктор Иванович пригласил нас сюда не только с тем, чтобы мы полюбовались необыкновенными пейзажами. Оказывается, на гипсах долины Святого ручья обитают растения, живущие здесь уже многие тысячелетия после стаивания ледника. Они встречаются только на обрывах, откуда их не могли вытеснить растения, в том числе и древесные, заселившие эту территорию позднее и процветающие здесь до сих пор.

Сейчас мы находим этих ветеранов. Среди них пузырник ломкий – изящный папоротничек, толокнянка альпийская из вересковых, хвощ камышковый. А вот дремлик темнокрасный из семейства орхидных появился в этих краях позднее, и тем не менее он тоже теперь ютится лишь на скалах. Есть и другие растения, названия которых мы пока не знаем.

В 20-х годах на Святом ручье бывали известные советские ботаники братья Андрей и Александр Федоровы. В своей статье они отметили, что в окрестностях этого ручья встречается много сорных растений, семена которых занесли сюда страждущие богомольцы, разумеется, не специально. Однако мы не нашли здесь сорняков, что и не удивительно. Со времени массовго посещения этих мест нуждающимися в святой воде прошло не одно десятилетие, и сорняки были вытеснены более жизнеспособными лесными растениями. Ботаникам известно, что в местах заброшенных селений сорняки исчезают довольно быстро под натиском “диких” растений. Сорняки, по большей части, нуждаются в постоянной “поддержке” человека.

Обратно двинулись к дороге напрямик через лес, но каким-то образом проскочили ее, оказались снова среди выходов гипса и заблудились. Блудили недолго, но, понятное дело, с неприятными эмоциями. С деревьев монастырь хорошо виден, но стоит спуститься и пройти 100 метров, начинаются сомнения – правильно ли мы идем. Каждый из нас твердо отстаивает то направление, которое ему кажется более вероятным. Хотя нас четверо, указываемых напрвлений оказывается три, так как лаборантка Виктора Ивановича Нина разделяет точку зрения своего шефа на всякий случай. Они, таким образом, представляют большинство, и мы с Валерой следуем за ними, препираясь уже только между собой. Вскоре, однако, выходим на дорогу, поэтому мы вдвоем скромно умолкаем. На монастырскую гору поднимаемся уже с натугой от усталости. Машина укатила. Мы уже собираемся воспользоваться гостеприимством работников дома инвалидов, когда появляется машина со встревоженным В.Батыгиным.

В Пинегу прибыли уже под ночь и решили остановиться в доме приезжих, чтобы хорошо выспаться перед отправкой в верховья Сотки. Всего за 50 коп. здесь можно спать в тепле и без комаров.

На следующий день выяснилось, что Архангельск не разрешил везти нас бесплатно. Что ж, логично! Целый день мы расстраивались возмущались и изучали подробную карту. Ночевать остались в лесхозе. Утром нас повезли сколь можно по направлению к Сотке в район среднего течения. К

сожалению, выгружаться пришлось слишком вскоре, так как дорогу пересекала зыбкая болотина с обилием пушицы влагалищной.

Дальше мы двинулись пешком по лесным дорогам. Проходили смешанные леса, но большей частью еловые, прерываемые сырыми полянами. На опушке одной поляны удалось добыть кулика черныша, примечательного тем, что гнездится он на деревьях, занимая старые гнезда других птиц,в частности, дроздов, которые хорошо подходят этому кулику по размеру. Помню, в детстве я высмотрел высоко на елке гнездо какого-то дрозда и полез за выяснением. Каково же было мое удивление, когда, добравшись до гнезда, я увидел торчащую из него куличиную голову. Выпучив глаза, кулик смотрел на меня и не трогался с места. Я решил взять его в руку, но тут он спохватился и с громким воплем ринулся прочь. Тогда я так и остался в недоумении, почему кулик сидит на своих яйцах в гнезде дрозда.

На просветленном участке леса, приходящемся на небольшой уклон, наткнулись на целую заросль пионов, которые называют также марьин корень. Эту крупную многолистную траву с большими розово-фиолетовыми цветками и в нашей-то (Ленинградской) области можно увидеть лишь на клумбе, а тут!.. В архангельской тайге, с которой она совершенно не гармонирует. Когда-то пион прибыл сюда из Сибири и, хотя облик у него южный, изредка его отмечают даже на Кольском полуострове.

Во мхах встречаются местами целые плантации дерена шведского. У него на щитке из верхних листьев лежит сначала ярко-красная, а потом черная несъедобная “ягода”, представляющая не один плод, а целое соплодие, так как каждая долька этой “ягоды” образовалась из отдельного цветка. Настоящая же ягода формируется из одного цветка, например, у малины или, если хотите, у помидора, плод которого – тоже ягода.

На одной из просек уходитввысь пожарная вышка, на которую я влезаю. Внизу лежит море тайги, при виде которого поневоле испытываешь радость оттого, что тебе дано это увидеть. Кажется, что видишь сплошной зеленый фон, но на нем чередованием оттенков выделяется каждое дерево, и только вдали все сливается в ровную зелень. С одной стороны видны какие-то обрывы, и я кричу об этом вниз.

– Это Сотка! – доносится в ответ голос Виктора Ивановича.

Хотя местность в целом равнинная, то и дело встречаются углубления – карстовые воронки и провалы, имеющие местные названия шелопы, мурги, ворги.

Через несколько километров мы вдруг оказываемся на высоченном обрыве. Внизу струится Сотка. Здесь нас ожидают еще более грандиозные панорамы, чем на Святом ручье. В обе стороны вдоль речки тянутся скалы гипса, окрашенные белыми, серыми, красными и бурыми тонами с обилием оттенков. Едва мы спускаемся несколько метров по крутому склону, как перед нами предстает целый набор растений, не встречавшихся в других местах.

43. Гипсовые обнажения на речке Сотке.

Тут и тимьян или чабрец, и он же богородская трава, дриада с листочками как у миниатюрного дуба, ива сетчатая, поражающая ажурным рисунком жилок на листьях, уже

Рис. 11.

знакомая толокнянка альпийская, у которой листья похожи на листья сетчатой ивы, но

Рис. 12.

вытянуты и заострены,тогда как у названной ивы почти округлы, козелец австрийский с белым млечным соком, камнеломка жестколистная. Тофиельдия, хотя и называется болотной,

Рис. 13.

на болотах здесь не встречается, а растет исключительно на обнажениях гипса.

Многие из растений, обитающих на гипсовых обрывах, называются аркто-альпийскими. Они встречаются и в Арктике и высоко в горах Центральной Европы (в альпике). Такое странное их распространение объясняется весьма просто. Когда с севера и северо-запада припоз ледник, то вдоль его окраины была тундроподобная растительность, в составе которой арктические растения распространились далеко на юг. Там они обитали близ окраин ледников, спустившихся с гор. После стаивания ледника 12-14 тысячелетий назад и потепления климата арктические растения исчезли в южных районах на равнине, сохранившись только в высокогорьях, куда они поднялись вслед за отступавшими вверх ледниками. Таким путем некоторые арктоальпийцы появились в Карпатах и на Кавказе. В северной тайге некоторые из них дожили до нашего времени на больших скалах, вроде тех, на которых мы сидим сейчас на Сотке.

Арктоальпийцы – это мелкие растения. Многие из них, если растут одиночно, то среди камней в глаза не бросаются. Другие образуют много побегов и имеют облик куртин и шпалер.

43а. Ива сетчатая на гипсовом склоне – растение неброское.

43б. Уступ на гипсовых скалах, на котором разрослась дриада восьмилепестная.

Наверху берег сильно закарстован. Здесь вновь мы видим обилие странных выступов, щелей и дырок между глыбами гипса. Ровного места практически нет. Спуститься к реке можно далеко не везде, но скалы не тянутся подряд более нескольких сотен метров и заканчиваются довольно пологим спуском, чтобы еще через несколько сотен метров начаться снова. Нередко речка отворачивает от скал и они продолжаются в лес, где часто имеют облик неприступной стены. Под стеной навалены глыбы гипса, пробираться по которым весьма безрадостно.

44. Гипсовая стена в долину Сотки.

45. Под стеной часто лежат ее обломки, зарастающие деревьями и кустарниками.

Довольно нередко гипсы обрываются прямо в речку, которая подмывает их. Берега попросту нет. Получается, что над долиной продвигаться весьма

затруднительно из-за карста с его нередко замаскированными дырами и щелями, в которые проваливаются ноги.

46. Карст над речной долиной.

Внизу посуху также не пройти, разве что уподобившись скалолазам, находящим зудящее удовольствие в движении по обрывам. Мы себя скалолазами совсем не ощущаем, а лезть в воду не хочется.

47. Скалы нередко свисают прямо в реку, которая вымывает под ними ниши.

48. Кое-где под скалами заметны выходы пещер, из которых струится вода.

Над рекой с криками носятся кулики перевозчики, и одного я добываю. Приходится идти за ним на противоположный берег. Речка здесь мелкая, но вода оказывается чудовищно холодная. Ощущение испытываю, вероятно, родственное таковому при топтании на горячих углях. На середине речки, стиснв зубы, поднимаю над водой то одну, то другую ногу, чтобы хоть чуть-чуть погреть их на воздухе.

Ночевать расположились над скалами, где, по закону известного климатолога Воейкова, должно быть теплее. Вместо чая пришлось пить какую-то бурду, так как нормального заваривания в сильно минерализованной соткинской воде не происходит. Она, как и в Святом ручье, перенасыщена солями кальция. Ночью весьма прохладно и мы жмемся к костру. Мне снится странный сон, будто в зубах я держу пылающую головню и никак не могу разжать зубы, чтобы избавиться от пламени, обжигающего лицо. Сон продолжался до тех пор, пока я не почувствовал, что меня раздевают. “Горишь!” – слышу я отчаянный вопль Нины. Выяснилось, что я слишком подкатился к костру и воротник моего брезентового плаща начал гореть. Инстинктивно я отворачивал голову, но воротник двигался вместе с головой, подогревая нос. Виктор Иванович и Валера спят как застреленные.

Утром идем дальше, вверх по Сотке, решив посмотреть еще несколько обрывов и затем поворачивать обратно. Снова чертыхаемся, так как ходьба вдоль рек в этих краях – занятие утомительное. Она означает постоянные спуски и подъемы по карсту, где то и дело нужно еще перелезать через поваленные деревья. Идти по склону к реке неудобно из-за постоянного риска скатиться в воду. К тому же нужно то спускаться на берег, если он есть, то лезть наверх, если на пути оказалась вертикальная стена. Поверхностный слой склона обычно рыхлый и ненадежный. Ступаешь по нему – он ползет. Камни легко вываливаются из своих “насиженных” мест. Падаешь, отбивая руки об острые углы выветрелого гипса. Для моих кед не нашлось войлока на стельки и в ступнях ног вскоре было такое ощущение, как будто пришлось долго бегать босиком по сосновым шишкам. Но все это сущий пустяк по сравнению с тем страданием, которое вызывает обилие кровопийц. Комары и мошка – бич всякого удовольствия, источник подавленных мыслей и страстей. Трудно представить, что было бы с нами без диметилфталата. У меня на ногах, обутых в кеды, да еще и с короткими брюками, образовались от постоянного чесания коросты. Все ясно! Нужны гетры. А пока приходится терпеть и

смотреть на вещи оптимистически. Это нетрудно, потому что никакие неприятности не затмевают великолепия окружающей нас местности. Мы смотрим с Валерой друг на друга и хохочем. Вид у обоих такой, словно мы только что побывали в потасовке и нам так натрескали, что глаза совсем заплыли. Такое происходит от укусов мошки в слизистую оболочку века глаза.

Мы продвинулись вверх 7-8 километров, встретив только один маленький приток Сотки. Но иногда никакого притока нет, а от скал тянется ручей или мочажина, который берется словно ниоткуда. Эта вода просачивается из подземных полостей.

49. Ручеек от подземного источника под бортом долины.

Скалы тянутся вдоль реки почти непрерывно. Но в одних местах они подходят к реке и обрываются, в других – отступают от нее и словно отгораживаются густым ельником с обилием кустов. Подобная же картина прослеживается и на другом берегу. Таким образом, речка Сотка течет в каньонообразной долине. Она извивается от одного берега долины к другому, поочереди их подмывая. Те обрывы, которые выходят непосредственно к реке, лишены крупных деревьев, так как подмывающая деятельность реки способствует весьма быстрому движению поверхностного слоя грунта. Впрочем, “весьма быстрому” нельзя понимать буквально. Движение это происходит десятилетиями и столетиями. Бывают, правда, катастрофические ситуации, когда какая-нибудь зависшая глыба долго держится на жалком сантиметре опоры. Наконец, эта опора рассыпается, и глыба катится вниз по обрыву, круша все на своем пути и вызывая лавину. Сама глыба обычно вылетает в реку. Вода начинает ее обрабатывать, и в конце концов нередко получается сюрреалистическая скульптура.

48а. Река ваяет из гипса странные фигуры.

После катастрофического происшествия наступает длительный период покоя, когда только мелкие ручейки после дождя или при таянии снегов текут по склонам, вымывая из-под камней песчинку за песчинкой.

На скалах, удаленных от реки, на ровных площадках вырастают большие деревья. Если площадь горизонтальной площадки достаточно велика, то на ней может вырасти целый лесок, который иногда расположен на уровне высоты пойменного леса, как на балконе. А на уровне верхушек деревьев такого “балконного” леска стоит лес над всем обрывом.

Под обрывами кое-где можно видеть пещеры. Несколько лет назад по Сотке спускалась на плотах группа спелеологов, которых приспособил к своим целям геоботаник Д.Сабуров. Они нашли довольно много больших пещер, но мы убедились, что пещеры действительно нужно упорно искать, и не всегда понятно, пещера это или просто глубокая промоина, не залезая в нее. А кому охота ползти на брюхе по холодной, как лед, грязи только для того, чтобы убедиться, что это действительно пещера? Только спелеологу, у которого еще сохранились древние инстинкты наших славных предков каменных веков.

В середине дня мы решаем остановиться передохнуть и чуть порыбачить,так как то и дело слышатся всплески и плывущие насекомые исчезают в пастях хариусов. Валера всю эту дорогу несет спиннинг и теперь принялся кидать

блесну. Виктор Иванович вырезал удилище и начал лов на поплавочную. Я закинул свои донки и поручил Валере слушать звон колокольчиков. Затем мы с Ниной прошли вверх еще километра два, встретив там маленькую, очень старую избушку, в которой можно только лежать. За избушкой начинался пологий склон с сосняком-беломошником. Название "беломошник" вовсе не означает обилия мхов; так называются места с обилием лишайников. Пинежье – край богатый лишайниками. Иногда на стволе упавшего дерева можно насчитать десятка два разных видов лишайников, которые густо покрыли этот ствол. Но особенно их много в борах-беломошниках. Издали кажется, что земля в бору покрыта снегом. Лишайники весьма затрудняют произрастание здесь других растений и не дают развиваться семенам сосны, поэтому в старых беломошниках очень мало юных сосенок.

Над долиной на относительно ровных местах более обычны еловые леса с березой. Эти леса очень старые и производят впечатление дремучих. Многие деревья в них отжили свой век и упали; другие выворотил вместе с корнями ветер.

48б. Дремучий еловый лес с обилием валежника и бурелома.

48в. Кислица (заячья капуста) – обычное растение влажных ельников.

Вернувшись к нашим рыболовам, мы застаем их за вылавливанием поплавочной удочки, которую Виктор Иванович закинул вместе с удилищем. Наконец, блесна цепляет удочку. По крайней мере, все обходится без материального ущерба. О прибыли в виде рыбы говорить не приходится, хотя хариусы, словно в насмешку, хватают плывущих насекомых тут же. Еще урок – ловить нужно на мушку, но заводские мушки безнадежно тонут, поэтому мушки нужно
делать самим. На моих донках даже черви целые.

Мы двигаемся в обратный путь, протяженность которого представляем весьма слоабо. Выбравшись наверх, выгоняем вальдшнепа, который попадает нам на ужин. Здесь же добываю неизвестную мне птичку с ярко-рыжими плечами и грудью, с криком "вжя-вжя". Она оказывается вьюрком самчиком. Вечером добираемся до места предыдущего ночлега и вновь тут останавливаемся. Комары и мошки исчезли. Небо стало пунцовым и на его фоне чернеют макушки елей. Вытянутые ноги приятно ноют. Пахнет легким дымком от пересохших сосновых дров.

Утром отправляемся дальше вниз по реке. Вскоре мои охотничьи инстинкты закипают, так как по реке плывут утки с окраской сороки; это – гоголи. Они, разумеется, заметили как я крадусь и, снявшись, полетели над водой мимо меня. Выстрел вспарывает тишину, и утки благополучно свистят крыльями дальше. Но вскоре впереди показываются другие гоголи. Дробь пенит воду среди них и все они ныряют. На поверхности воды они показываются метрах в 10 от прежнего места и, встав поочереди торчком, махают крылышками. Я снова стреляю, и утки снова исчезают. Внезапно, совсем без всплеска в двух метрах от меня из воды вылезла утка и приткнулась к берегу. Решив, что это подранок, я шагнул к ней и хотел прижать ее ружьем к земле. Но едва я коснулсяя ее спины, утка метнулась в воду, и я увидел, как она, быстро работая лапами по- лягушачьи, поплыла под водой и исчезла. Еще раз мы видим ее на противоположном берегу, но остается последний патрон.

Прилетела еще одна утка и грузно села метрах в 70, тревожно “гагакая”. Гоголи интересны тем, что гнездятся в дуплах деревьев.

Близ берега вдоль кромки кустов нам встречается редкое растение – ветренница лесная, которая состоит в родстве с ветренницей дубравной, называемой обычно подснежником. Ветренница лесная значительно крупнее дубравной, а семена у них вовсе не похожи. Это растение – не аркто-альпиец, как и кизильник черноплодный, а также спирея средняя, которых мы тоже обнаруживаем как редкостных представителей местной флоры. Эти растения пришли сюда с юга несколько тысяч лет назад, но в современной обстановке они, как и аркто-альпийцы, чувствуют себя “не в своей тарелке”, поскольку с тех пор похолодало.

Добравшись до 28-го километра речки, означенного крохотной избушкой из досок, мы возвращаемся в Пинегу уже по дороге, которая, хотя и идет прекрасными сосновыми борами, местами сырая и непроходимая для машин. Однако здесь постоянно бывают люди, которые рыбачат, косят траву и просто ходят, так как любят тайгу.

Прогулка на плоту. На поиски часовни (16 июля).

Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да буреломом торчал и сох.
(Федор Сологуб)

Два дня сидели из-за дождя в лесхозе, занимаясь всяк своими делами. Правда, посетили местный краеведческий музей, найдя, что уголок природы в нем освещен слабо, но предметов, связанных с жизнью людей в прошлом, довольно много. Это и прялки, и различная посуда, и иконы. Можно было бы высказать немало критических замечаний в адрес музея, но когда выясняем, что его создание –дело рук одного человека, то отношение меняется на противоположное. Собрать столь богатый материал и оформить экспозицию одному можно лишь обладая огромным энтузиазмом.

Вчера нас повезли по знакомой уже дороге на Сотку в телеге, прицепленной к колесному трактору. Добрались почти до конца, но все же в одном месте дорога оказалась непроходимой и для этого трактора. Мы с удовольствием покинули сей транспорт ощупывая бока. Я отбил копчик так, словно скакал рысью на невероятно костлявой кляче.

У избушки на 28-ом километре было причалено три плотика, на один из которых я взгромоздился, прокричав Валере, что поплыл вниз, до лесовозной магистрали. В этом районе кончаются высокие скалы, тянущиеся выше по реке, и теперь тихое течение плавно несло меня мимо низких берегов. Иногда лес подступал к самой воде. Проплывали мимо песчаные обрывчики или небольшие пойменные луга. Временами течение усиливалось; следовал перекат. Кое-где встречались каменистые отмели, торчащие камни, по которым разгуливали перевозчики и трясогузки. Речка очень петляла; порой повороты были слишком резкие. Дно, большей частью, просматривалось, хотя здесь было в общем глубже, чем в районе скал; но временами вода чернела и шест доставал дно на глубин 2 м или вовсе не доставал.

Кулики перевозчики часто пролетали рядом со мной; нередко я видел их сидящими в пределах выстрела и семь штук добыл на суп. Обилие их было

поразительно. Некоторые кричали, сидя на берегу у самой воды. Иные горланили, сидя на горизонтальных ветвях, причем иногда в некоторой глубине леса. С криком перевозчик может передвигаться вдоль сука и, наконец, сорвавшись, летит не в глубь леса, а к реке, даже если именно с этой стороны угрожает опасность. Мне показалось, что на плоту кулики подпускали меня ближе, чем на берегу, хотя особенно доверчивыми не были. Сидящие на берегу кулики настолько сливаются с окружением, что пока не начнут двигаться, можно сколько угодно безнадежно высматривать их по крику. Иногда кулики с громким криком носились друг за другом с непонятными намерениями.

Начался дождь, затем разразилась гроза. Дождь перешел в ливень. Вода покрылась шелестящими пузырями. Мрачно стало вокруг. Завернувшись в плащ, я покорно отдался течению, отталкиваясь иногда от берега, к которому прибивало плот. Как-то впереди непонятная птица несколько раз перелетела речку, стараясь держаться от меня подальше. Я заметил довльно пеструю окраску и желтый конец хвоста. Уж не свиристель ли? Несколько раз она слетала с дерева и порхала за мухой на месте, словно мухоловка или пеночка. Улучив момент, я выстрелил. Это оказалась действительно свиристель – красавица северных лесов. Замеченные элементы ее поведения были весьма неожиданными. Я знал свиристель по Ленинградской области, где она появляется зимой. Стайки этих необыкновенно раскрашенных птиц кормятся ягодами рябины, калины, жимолости. Аппетит у них весьма неплохой и кормятся они так, словно торопятся на работу.

Появившееся солнце согрело и обсушило меня. Пейзажи сменяли один другой, как в кино. Местами лиственницы вздымались к небу, словно потрепанные пугала над огородом. Кусты ив нависали над водой нежной зеленой опушкой. Хариусы выскакивали из воды и кружились в рыбьей пляске. Несколько раз поденки, плывущие по соседству, с всплеском исчезали. Затрещали дрозды рябинники. Снова пошел дождь, засверкали молнии, и снова я завернулся в плащ. Часы текли вместе с течением реки. Снова омуты сменялись мелкими местами. Часто встречались причаленные плотики. Выглянуло солнце, оживились птицы, радостно засверкала мокрая зелень. В лесу стоял шелест от падающих с листьев капель.

Гоголи, которых я надеялся увидеть, так и не встретились.

Наконец, мне надоело плыть. Я причалил, продрался сквозь прибрежную растительность и попал в болото. По краю шла тропа, по которой я и направился, вымокнув до нитки в высокой густой траве. Тропа привела к озеру, где мне послышалось осторожное, как бы сдавленное кряканье. На всякий случай я взвел курки и, сделав несколько шагов, поднял крякву. Она пролетела над осокой и хотела сесть, когда я выстрелил. Утка перевернулась вверх брюхом. Пришлось раздеться до пояса и лезть в воду, которая оказалась совсем теплой. Дно было вязкое, илистое. Комары быстро воспользовались моим бесштанием.

Обойдя озеро, вышел на какую-то разработку, от которой вела дорога через сосняк-беломошник. Вскоре подошел к Пинеге, где на поле приметил лугового чекана и очень удивился, думая, что это птичка южных районов. Чекан подпустил меня совсем близко и, сидя на вертикальном прутике, “чекал”, как ему и полагается. В лучах уже низкого солнца розовела его грудка. Совсем недавно я наблюдал чеканов в Белгородской области и никакого сомнения, что это такой же луговой чекан, быть не могло. В таком

случае убивать птицу, даже для научной документации, совсем не обязательно, хотя случается, что профессионалы орнитологи отказываются верить на слово, без шкурки, считая, что могла произойти ошибка.

При поедании утки Валера извлек из ее горла две дробины разного размера, и я вспомнил, что что утка не улетела далеко, а собиралась сесть. Следовательно, это был подранок и заслуга моя в сей добыче не столь уж велика.

Сегодня полдня ждали машину, совершив паломничество к троим старейшим жителям Пинеги. Одного из них, девяноста трех лет, мы застали с топором в руках. Он колол чурбаки в обхват и, поскольку перед ним уже лежала гора дров, то решил побеседовать с нами. Выяснилось, что этот старикан помнил А.Серафимовича, отбывавшего здесь ссылку. Про Александра Грина, который тоже был сюда сослан, он не упомянул.

Облик этого деда вызвал в моей памяти образы Павла Корина. "Русь уходящая"! Вот она, перед нами. Другой старец, относительно молодой – 75 лет, взялся проводить нас на Святой ручей, так как Виктор Иванович сомневался, что мы были именно на нем, поскольку видели место бывшей часовни, где какие-либо остатки должны схраниться.

Мы выехали в дождь, который скоро иссяк. Сначала несколько поплутали, так как выяснилось, что старик был здесь последний раз полвека назад. Совершенно мокрые, мы вышли, наконец, на уже знакомую нам дорогу и бодро зашагали, меся грязь. Как и прошлый раз, плдняли выводок рябчиков. Цыплята с писком полетели прямо на нас, не поняв, откуда опасность, но около нас разлетелись и расселись по нижним ветвям деревьев; некоторые попрятались в траву. Одного я без труда выловил и рассмотрел. Спинка и грудка у него были окрашены совершенно как у взрослого рябчика, но головка была светло-рыжая с большой темной бровью. Освобожденный, он с писком побежал и затаился в траве.

Мы пришли к тому же ручью, у которого уже были, но пришли метров 100 выше того места, где спустились прошлый раз. Когда-то здесь была пещера, из которой появлялся ручей. Около пещеры стояли часовня и целительные ванны. Теперь пещера была обрушена, а от сооружений остались лишь куски гнилых досок. Огромный кусок скалы еще во времена оные съехал по склону, но не достиг часовни. Пожар, бушевавший вокруг, также ее миновал Поистине, святость неприкосновенна, но тленна.

Мы не стали повторять осмотр этих мест, так как при всей их красе нам было очень неуютно в мокрой одежде; комары тучами вились вокруг и ждала машина. Дед чувствовал себя довольно бодро.

Пинега по-прежнему невозмутимо несла свои свинцовые воды. Мрачные облака окутали весь край, где люди бессознательно дышат суровой красотой и природа им близка по духу. Они понимают и любят ее и становятся благожелательными друг к другу. Вероятно, это помогает многим из них жить долго и гордо, чуждо лицемерию и лжи.

Таежный день (17 июля).

"Куда Вас, к черту, сударь,
занесло?.."

(Из кинофильма "Три мушкетера")

В присоткинских лесах меня начал "водить леший", поскольку я забыл компас. В течение дня я шесть раз выходил на дорогу, каждый раз уходя от нее. Здесь довольно много озер и сфагновых болот с карликовой березкой на месте бывших озер. В одной лощине в озерке цветет калужница, хотя по времени ей уже пора плодоносить, что и происходит в других местах. А тут она цветет и, к тому же, многие цветки открыты в воде, где ни одно насекомое их не станет опылять. Купальница также изредка встречается цветущая. В замшелом еловом лесу попадаются целые заросли раковых шеек из семейства гречишных. Называется это растение так потому, что имеет мощное изогнутое корневище. Его розовые мелкие цветки собраны султаном, на котором любят висеть шмели. В корневищах раковых шеек содержатся вещества, свертывающие кровь.

В сосняке слеток дрозда белобровика, уже достигший размера взрослой птицы, "кикал" как взрослый, хотя родитель присутствовал тут же и выражал небезосновательную тревогу. Появилась кукша ,и я долго наблюдал за ней, поражаясь сходству ее поведения с сойкой. При испуге обе начинают "орать", перепархивая по вершинам деревьев. При этом кукша мелькает рыжим цветом. В глубине леса встретилась встревоженная горихвостка, по-видимому, при выводке, которого я не видел. Как-то вдалеке раздался пронзительный крик черного дятла –желны.

Цветет клюква, и кочки окрашены приятным розовым цветом.

День показался скучноватым, темным и тяжелым. Бывает так, что ходить совсем не хочется – просто ноги не несут.

Поездка в Голубино. Опять Сотка (21 июля).

В каждой мимолетности вижу я миры, Полные изменчивой радужной игры.

(Константин Бальмонт)

18-го приехали начальник отряда Павел Михайлович Добряков и аспирант Иваныч. На следующий день отправились в пос. Сотку, с тем чтобы посмотреть у лесника план бассейна Полты и попытаться представить, как я буду двигаться там. Скоро должна подъехать моя спутница.

По дороге мы с Валерой использовали Павла Михайловича в качестве определителя растений, особенно тех, которые для всех начинающих являются камнем преткновения, – злаков и осок.

В Сотке нас поджидал Виктор Иванович "под мухой" и, после того, как наше любопытство у лесника было удовлетворено, мы отправились за ним смотреть лиственничники и сосняки за поселком. На обочину дороги выбегали волны цветущих плетей линнеи, названной так по

Рис. 14.

имени основоположника современной систематики шведа Карла Линнея. Ближайшим родственником этой ползучей травки является жимолость – кустарник.

Начальство проявило заботу о трудящихся, и из под рабочего стола Батыгина в лесхозе мы перебрались в бывшее общежитие леспромхоза. Теперь в нашем ведении целый двухэтажный особняк с мезонином.

Наш начальник также заразился "вертолетным зудом", и на следующий день мы поплыли в Голубино, где Павел Михайлович с Иванычем пошли на переговоры относительно вертолета, а мы с Валерой остались изучать приречные склоны и скалы, поскольку было решено, что вид у нас непредставительный и, может быть, поэтому нас не хотят взять на вертолет.

Склоны к Пинеге близ Голубино не столь грандиозны как на Сотке, но несколько походят на них. Здесь также выходят гипсы и на берегу много любопытных форм, обработанных водой. Мы увлеклись сбором обточенных водой кусков гипса и вскоре набрали килограммов по 15, полагая, что далеко их тащить не придется, как, например, с Сотки.

Над скалами высятся все те же сосны, которые местами, где склон необрывист, сбегают до берега. Здесь мы видим многие уже знакомые по Сотке растения, давно привлекающие внимание ботаников. В молодости в этих местах бывал и наш заведующий кафедрой А.И.Толмачев, сейчас являющийся "тайным советником" нашей экспедиции.

Находим нечто новое, невиданное на Сотке. Это астра альпийская, также относящаяся к компании астроальпийцев. Дриада уже отцвела, и из побуревших лепестков торчат сивые хвосты летучек – парашютов семян, хотя парашютировать им особенно не приходится, так как семена вызревают на высоте 10-15 см. Летучки семенами дриады унаследованы от ее далекого предка, бывшего небольшим деревом.

Мы успеваем осмотреть разные части склонов и бор наверху, половить рыбу, вытащив одного лишь окушка, когда уже под вечер появляются наши спутники. Они уныло сообщают, что в верховья Сотки придется идти пешком. По дороге они нашли редкое растение язвенник из семейства бобовых.

Наломав веток, устраиваемся на ночлег под куполом Вселенной.

Утром обнаруживаем, что совсем недалеко от нашей стоянки в Пинегу впадает Святой ручей. В этом месте стоит живописная скала, в нижней части которой разверзнут широкий зев пещеры. Перед входом в пещеру нагромождены огромные, колючие глыбы гипса. Вглубь пещера становится все ниже и скоро заканчивается расширением, залитым водой. Откуда появляется ручей, мы так и не поняли, хотя сожгли коробок спичек. Уходит же он не во вход в пещеру, а в боковую дыру. В пещере темно, сыро, мрачно и даже жутко. Видимо, в крови у нас не осталось никаких следов от наших далеких предков, живших в пещерах.

Наткнулся на выводок кулика перевозчика. Самка летала вокруг с громкими криками, но не приблизилась на расстояние, позволяющее ее хорошо сфотографировать, даже когда я взял одного птенца в руки и он начал отчаянно пищать. Птенцов было двое, но, может быть, остальных я просто не видел. Они еще совсем беспомощные, в белом пуху снизу и в буроватом – сверху, с черной полосой вдоль спины и на голове. При громких криках мамаши птенцы затаиваются. При этом они не принимают какой-либо особой позы, а просто замирают и становятся незаметными. Если поблизости

оказалось бревно или камень, они забираются под него. Один птенец, сидя под камнем, что-то неуверенно поклевывал.

50. Птенец кулика перевозчика.

Теплоход причалил прямо к нашей стоянке, и по шаткому трапу мы перебрались на него. Сидя на палубе, мы, как обычно, осматриваем берега, стараясь заметить еще незамеченное. Наше внимание привлекает сцена борьбы за жизнь. Над берегом летит вороненок, которого яростно преследует чайка, норовя долбануть его. Понятное дело! Ворон ненавидят все птицы за их повадку таскать из гнезд яйца и птенцов.

Вороненок увертывается, сердито кричит и наконец садится. Чайка плюхается рядом, но тут же подскакивает и летит вдоль берега, где мы видим еще одного вороненка и еще двух чаек, пикирующих на своего заклятого врага. Тот храбро обороняется, подскакивает навстречу чайкам и тоже старается долбануть обидчиц. Потом вороненок не выдерживает и летит над самой землей. Три чайки немедленно устремляются за ним. Он не может еще хорошо лавировать в полете. Чайки быстро вынуждают его неловко приземлиться и бросаются на него. Секунду там происходит свалка, но чайки разлетаются, и мы видим что вороненок еще жив-здоров и полон решимости стоять за свою жизнь. Вскоре эта драматическая ситуация исчезает из поля зрения.

Показалась Пинега на высоком берегу, против которого берег низкий, покрытый лугами и зарослями ивняка. Там в Пинегу впадает Вонга, которую видно с противоположного высокого берега до самого горизонта. На реке постоянно трещат лодочные моторы.

Вчера ездили на машине к “Железным воротам” за Соткой, о которых слышали от местных жителей, но никто не мог четко сказать, что это за ворота. Никаких ворот мы не нашли и остались в недоумении. Прошел дождь. Трава вымочила нас до пояса.

На сосне видел белоспинного дятла, крик, облик и поведение которого ничем не отличают его от большого пестрого дятла. Пока я размышлял, добыть его или оставить в покое, он улетел. Позднене стало ясно, что его нужно было добыть, так как это как раз тот случай, когда может произойти ошибка, а белоспинный дятел не показан для этих мест в книге “Птицы СССР”. Он хорошо отличается от большого пестрого как раз белой спиной, а спину у дятлов видно прежде всего.

Много лет спустя я встретил белоспинного дятла на р.Майн – притоке Анадыря и опять не добыл его. Специалист по птицам северо-востока Азии А.А.Кищинский заметил, что находка белоспинного дятла в бассейне Анадыря – событие невозможное. И, действительно, до сих пор считается, что севернее Камчатки этот дятел не обитает. При таких обстоятельствах начинаешь сомневаться в своих наблюдениях… А вдруг что-то недосмотрел, что-то показалось?

Мы все больше убеждаемся, что водоемы в этом краю заболачиваются. Вдоль берегов озер образуется сплавина, которая постепенно затягивает все озеро, превращая его в болото.

На берегу Сотки встречаем мальчишек рыболовов. Они ловят нахлыстом с плотика, пуская мушку за перекат. Улов у них, однако, скудный. Пожилой пинежанин идет по противоположному берегу. Мы спрашиваем у него через

речку, как пройти к Железным воротам. Он говорит степенно: “Сейчас я объясню”, – и идет вдоль берега метров 200 до переката. Перейдя по торчащим камням речку, он закручивает цигарку. Голова у него повязана женским платком, а на лбу сидит с десяток надутых, словно вишни, комаров. Он закуривает, не спеша проводит тыльной стороной ладони по лбу, словно клюкву давит, и начинает объяснять. В его объяснениях фигурирует слово “гак”, и мы понимаем, что эти объяснения нам ничего не дадут. Когда в этих местах говорят “3 километра с гаком”, то этого самого “гака” может оказаться еще 3 км. Однако удивительная нечувствительность к комарам! Старые пинежане мазью не пользуются и, тем не менее, особенно от комаров не страдают.

Мы идем вверх по Сотке до появления высоких скал на 28-ом километре. В одном месте описываем каменистый, заливаемый лишь в половодье участок берега. На нем много крупных растений с красивыми желтыми цветками со звучным названием – мытник Карлов скипетр. Название это дал Линней, по-видимому, в честь современного ему (18-й век) короля Швеции Карла. Растение, действительно, выглядит по-королевски, правда, другое название мытника уже не столь романтично – вшивица, из-за обилия в цветах мелких насекомых.

51. Мытник Карлов скипетр.

Много здесь и белозора, который, хотя и называется болотным, в Пинежье растет и на скалах, и на галечниках. В цветке этого растения видны пять крохотных “рук”, так называемых стаминодиев, служащих для привлечения насекомых-опылителей. По-латыни белозор называется “парнассия”, по названию горы Парнас в Средней Греции, где, согласно мифологии, обитали музы и их попечитель Аполлон.

52. Цветок белозора болотного.

По соседству растет жирянка – растение хищник, высасывающее соки из мелких насекомых.Рядом ятрышник широколистный из семейства орхидных. Возвышается бузульник сибирский, но его превосходит по высоте осот огородный с листьями, похожими на салатные. На небольшом участке такого берега насчитывается до 35-40 видов.

Речные галечники и каменистые россыпи вообще примечательны богатством разных растений. В этом отношении они напоминают скалы. Многие растения обитают и на галечниках, и на скалах, в чем мы скоро убеждаемся, придя на скалы близ 28-го километра.

В нижней части склон в долину облесен, со сплошным моховым покровом. Здесь сидят типичные лесные растения: грушанки, майник, седмичник и др. Верхняя часть скалиста, с обнаженным гипсом. Бело-серый фон скал здесь разнообразят фиолетовые куртины тимьяна и мрачно-зеленые пятна дриады. У толокнянки альпийской уже образовались ягоды, но дриада еще попадается цветущая, особенно среди мохового покрова.

Мы осматриваем склон, обращенный на юго-запад, т.е. он довольно хорошо прогревается солнцем. Павел Михайлович замечает, что, видимо, поэтому здесь не растут ива сетчатая и камнеломка жестколистная, которым требуется обстановка попрохладнее.

По дороге обратно встретился на мотоцикле наш злополучный летчик-наблюдатель пожарного вертолета. В коляске мотоцикла сидел хромой и кривой охотник с одностволкой. Они ездили сторожить медведя, но безуспешно. Заодно сообщили, что в окрестностях бродит пара росомах. Нередко приходится слышать, что росомахи опасны для человека. Эти слухи ни в коей мере действительности не соответствуют.

На таежных озерах (26 июля).

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам
(Владимир Соловьев)

Вчера выступили на озеро Шихало за р.Соткой, где имеется изба, в которой можно переночевать. Еще раз почувствовали ледяную воду в Сотке. Затем повернули не по той дороге, по какой было нужно, и пришли к другой избе. По пути осмотрели довольно крупные выходы гипса в лесу. Они образовались в результате карста. На них обнаружился целый ряд арктоальпийцев, но дриады не было. В глубине карстовых воронок было заметно прохладнее, чем наверху. Мы не раз уже убеждались, что в таких воронках жарким днем можно немного остудиться. Холодный воздух плотнее, чем теплый, поэтому он сохраняется в воронках, куда не проникают лучи солнца, чтобы подогреть его. В некоторых воронках холодный воздух поступает из подземных щелей, в которые уходит вода.

В присоткинских лесах часто встречаются старые пожарища и вырубки. Обычно эти участки так захламлены, что пересекать их довольно неприятно из-за обилия валежника. На лесосеках у нас, как известно, остается после выработки участка хаос, в котором сам черт поломает себе ноги, если забредет сюда.Около озера Шихало, куда мы, наконец, попадаем, мы видим подобный участок. Со всех других сторон озеро окружают мрачные ельники. По берегу озера извивается тропа.

Дойдя до конца озера и никого не встретив, я поднялся выше и пошел лесом. Вскоре выпугнул выводок рябчиков. Они расселись где- неподалеку, но снова выгнать их мне не удалось. Эти рябчики были уже довольно крупные и очень подошли бы для нашей кастрюли. Постепенно я отошел от озера, примкнул к другому, а когда обошел его, то понял, что это не то озеро. Пришлось сесть и основательно подумать как я шел до сих пор.

Когда я пришел к избе, Валера уже наловил рыбы и сварил уху. В 3 часа ночи мы вышли порыбачить, так как уснуть не удалось из-за шумных соседей, приехавших на мотоцикле.

На траве лежал иней. Небо было ярко-розовым. За лесом вставало солнце. Клевало отлично, но только на поплавочную. Даже я поймал 4 окушка, хотя на поплавок почти не смотрел.

Такое утро запоминается надолго. По воде бежали, словно живые, клочья тумана. Солнце осветило красные стволы сосен на противоположном берегу и на острове. Вчера же, когда солнце светило с другой стороны, сосны были совсем неприметны. Проснулись птицы и все неизменно приветствовали чудесное утро. Были слышны зяблики, разныедрозды, вьюрки, зеленушки. Дятлы, которых оказалось здесь великое множество, кричали и отпускали дробь как весной. Для своих музыкальных упражнений дятел разыскивает сухой сук и апробирует его, молотя клювом, как из пулемета. Если получается

недостаточно громко, он подыскивает себе другой “инструмент”. Но особый музыкальный колорит в сияющее утро тайги вносят кукши. Они издают какие-то демонические звуки или мяукают, и их голоса разносятся как символ дикой красоты утренней тайги.

В шесть часов птицы стали менее активны и перестало клевать. Я окончательно замерз и решил пройти вдоль озера. Валера еще ранее ушел искать соседнее озеро, так как нашел, что окуни, которые кишат здесь, – словно игрушечные.

На другой стороне озера обнаружился роскошный бор-беломошник.. В лучах раннего солнца разноцветные лишайники с кустиками вереска контрастировали с обилием красноватых тонов стволов соснового редколесья. Дальше шла старая гарь, а за ней – болото. Несколько раз встречались следы медведя, в одном месте бродяга разворотил трухлявый пень, видимо, в поисках личинок.

Уже не раз мое внимание привлекали норы под деревьями, в самом начале мощной корневой развилки. Однако кому принадлежат эти норы, осталось непонятным, так как никаких следов вблизи обнаружить не удалось.

На местных озерах можно увидеть гагар, что довольно любопытно. Настоящей родиной гагар, которых насчитывается несколько видов, являются тундровая и лесотундровая зоны, где имеется огромное количество озер. Бóльшую часть своей жизни гагары проводят на воде, поэтому великолепно к ней приспособились. Эта приспособленность, отразившаяся и на их внешнем облике (или, говоря научным языком, далеко зашедшая специализация), затормозила развитие других способностей гагар, в частности, летательных, а особенно – передвижение по земле. По земле гагара не ходит, а ползает на брюхе, лишь отталкиваясь ногами, которые находятся у нее в задней части туловища, так что центр тяжести тела находится не над ногами, а впереди них. Из-за того, что гагара такой никудышный ходок, никакая сила не может выгнать ее на берег, кроме инстинкта продолжения рода. Гнездо гагара делает на берегу, но обязательно у самой воды. Правда, поганки даже превзошли гагар, так как они сооружают плавучие гнезда.

На обратном пути застрелили с Валерой по молодому рябчику величиной с рябинника. Я досадно промахнулся в крупного дрозда, по всей вероятности, дерябу.

На речке Келде (27 июля).

Чем эта ясность безбурная,
Чем этот вечер заслужен?
Небо – такое лазурное,
Облак – так нежно
жемчужен.

(Сергей Соловьев)

Мы расширяем осмотренную территорию. Вчера отправились в пос.Кривые Озера, чтобы оттуда выехать с утра на речку Келду. Этот поселок расположен на берегу вполне нормального, совсем не кривого озера и окружен замечательными борами с сон-травой, у которой сейчас торчат, как и у дриады, хвосты летучек. Семена созрели и готовы пуститься в странствие, гонимые ветром.

Экскурсия была короткая, так как большую часть дня занял переезд. Возвращаемся в поселок, в котором всего несколько обычных домов, а в основном его составляют бараки, в которых обитают ссыльные, осужденные за тунеядство. Они отрабатывают свои “долги” перед родиной на лесоповале.

Нас приглашают на чай к местной знахарке. И вот… мы сидим за сияющим самоваром и слушаем рассказы о целительных травах. Особенно интересны сведения, которые отсутствуют в литературе. Так, мне нигде не приходилось читать об изгоне (местное название), т.е. об уже упоминавшейся одноцветке из семейства грушанковых. Растение это очень изящное, поэтому в Северной Америке его тоже называют дриадой, т.е. лесной девой; еще одно его название в переводе на русский язык – одинокий восторг. Оказывается, сушеные цветки одноцветки настаивают в водке сутки или двое. Полученная настойка помогает при простуде, при грыжах у детей, а также многих других заболеваниях и, кроме того, обладает тонизирующим действием. Думается, что тонизирующее действие оказывает в данном случае “растворитель”, особенно если хватить стакан.

Утром едем на машине с лесоповальщиками на Келду в 9 км от Кривых Озер. Сразу у моста через Келду начинается прекрасный сосновый бор-брусничник на песках. Береговые выходы гипса в этом районе Келды невысоки, но весь бор по соседству просто изрезан неглубокими карстовыми логами, похожими на канавы, и усеян воронками.

Сон-трава встречается здесь на каждом шагу. Попадаются и новые редкости: астрагал

Рис. 15.

уральский, копеечник арктический, остролодочник грязноватый, хризантема сибирская, арника горная и др.

Находки редких растений для ботаников означают то же самое, что для геологов находки редких минералов или самородков металлов. По таким находкам восстанавливается история растительности данного района. Уже говорилось, что в Пинежье растет большое число сибирских растений, во главе с елью и лиственницей. Несколько тысячелетий назад из Сибири на европейский север произошло нашествие растений. Несколько тысячелетий – срок в истории Земли совсем небольшой, поэтому многие сибиряки кое-где сохраняются, а отдельные из них расселились столь широко, что называть их теперь сибиряками просто не имеет смысла. Это равносильно утверждению, что американцы являются европейцами, а американские индейцы – азиатами.

В бору удалось увидеть желну. Этот черный с красной шапочкой дятел величиной почти с ворону. Как и кукша., он издает резкие протяжные звуки. Кроме того, он еще способен свистеть, как милиционер. Следы работы черного дятла сразу отличаются от таковых других дятлов: под деревом, которое он долбил, лежат щепки.

Выйдя обратно на дорогу, увидели лесовоз, идущий на Полту. Водитель взял нас, и через час мы увидели речку, которая через несколько дней должна была занять меня целиком. Сотка, Келда и Полта оказались удивительно сходными в нижнем течении. Позднее выяснилось, что в верхних своих частях эти речки довольно различны.

Последняя вылазка на Сотку (30 июля).

Запахло прелью с близкой топи, протяжно и жалобно пискнуло в лесу
и потом долго стояло в ушах острое, как булавка.
(С.Сергеев-Ценский, “Лесная топь).

Позавчера мы вышли из Пинеги с намерением добраться до 45-го километра Сотки. Не найдя нужную просеку, мы шли напролом на запад и торопились. Мрачные ельники то поднимались по пологим склонам, то сбегали в лощины, по днищу которых журчали ручьи. Иногда крапал дождь, вызывая беспокойство, как бы он не разошелся. Снизу мы, как обычно, были мокрые по пояс. Если намокнуть еще и сверху, то нужно останавливаться и сушиться.

Через несколько часов мы вышли на тропу и зашагали по ней. Хотя многие таежные тропы едва различимы, идти по ним значительно легче. Тропа привела нас почти на 38-ой километр Сотки. В долине Сотки стлался рваный туман. Мы увидели знакомую пещеру и были вполне удовлетворены тем, что вышли на речку довольно далеко. Дальше продвигались по пойме, иногда проходя по осыпям под скалами или форсируя речку, не разуваясь, так как все равно по пояс были мокрые. Через несколько километров расположились на ночлег и высушились. Сон был плохой. Комары неистовствовали, предвещая ненастье.

Утром пошел дождь, который то ненадолго прекращался, то моросил с новой силой. Серое небо не давало ни малейшей надежды на улучшение погоды. В полдень было решено поворачивать назад. Тем же путем вдоль реки пошли назад.

Ничего нового в этот заход мы не нашли, зато видели в других местах те растения, с которыми уже познакомились. Начали цвести камнеломки. У обоих здешних видов цветки желтые с оранжевым крапом, но выглядят они совсем по-разному. Камнеломка болотная оправдывает свое название тем, что встречается на болотах, а здесь она сверкает своими

Рис. 16.

цветками-звездочками на гипсовых склонах, там где сыро. Обычным это растение никак не назовешь, но все же оно известно во многих местах северной тайги и относится даже к субарктическим. Камнеломка жестколистная – настоящее горное растение, относящееся к арктоальпийцам, да еще и амфиатлантическим, т.е. этот вид известен на севере по обе стороны Атлантического океана и на востоке достигает Урала. В северной тайге это очень редкое растение и встречается лишь в условиях, напоминающих горные.

Теперь мы знали, что на скалах набор растений повторяется, а растительность левого берега не отличается от растительности правого берега. По замшелым склонам до самого низа спускаются представители таежной флоры, к которым внизу примешиваются элементы пойменной растительности, в том числе кустарники: ольха серая, жимолость голубая, ива грушанколистная и другие ивы. До сих пор встречается цветущая дриада. Соссюрея альпийская растет как на камнях, так и во мху.

Над противоположным берегом появляется пара кричащих канюков. Вскоре они садятся на елку, и оттуда доносится тонкий, но громкий писк птенцов.

Наконец, выходим на вчерашнюю тропу. Дождь льет и льет. Сгущаются сумерки. Вокруг сыро и неуютно. Лес сверху подернут холодным туманом, снизу разливается чернотой. Мы идем молча, гуськом. Каждый думает о своем, но в сыром молчании все приходят к одной мысли – скорее бы дойти. Одежда постепенно пропитывается влагой полностью. В полночь мы вышли к Пинеге, и вскоре я убедился, что никогда еще так не уставал. От тяжести рюкзака руки поднимались с болью в плечах, слегка пошатывало.

Однако перед глазами то и дело возникали видения величественных красноватых скал над Соткой, давших приют целой серии видов растений, в норме обитающих на несколько сотен километров севернее, в тундровой зоне. Символом этой серии, безусловно, является дриада, и не случайно в палеогеографии существует понятие “дриасовая флора” (от латинского названия дриады – Dryas), объединяющая с дриадой наиболее обычных ее спутников.

Через несколько лет дриада плотно займет мое воображение в связи со специальной обработкой этого рода. Результаты этой обработки будут изложены в специальной монографии. Но здесь не вредно будет представить общую картину истории дриады, так как она тесно связана с историей ландшафтов всей Земли.

Сказание о дриадах

Природа – дивный храм, где ряд живых колонн
О чем-то шепчет нам невнятными словами.

(Шарль Бодлер)

Все дриады относятся к простратным, т.е. стелющимся кустарничкам, в лесах, как правило, не обитающим. Только близ полярных пределов лесной растительности дриаду можно встретить под деревьями, но и то лишь в том случае, если это редколесье или малый по площади лес. Однако в греческой мифологии дриады – это лесные нимфы или даже лесные божества женского рода.

53. Гербарий дриады восьмилепестной.

Привлекательность растений, окрещенных Линнеем дриадой, обусловила и множество их местных названий, особенно в Западной Европе, где их называют и “бородой Петера”, и “молочной розой”, и “диким мужиком”, а также “чай кайзера”, “оленья трава”, “серебристая трава”. На Кавказе дриаду именуют “устеликамень”. В Восточной Европе и в Сибири широко используется название “куропаточья трава”.

В настоящее время род дриада распространен во всей тундровой зоне и во многих южных горах. Лучший пример арктоальпийца трудно придумать. В таксономическом отношении род дриада представляет хороший тест для

оценки ботаников-систематиков, так как в его пределах отдельные виды выделяются с трудом. Поэтому одни систематики полагают, что существует 4 вида дриад, а другие высматривают до 20 видов и более. Нет согласия также о родственных отношениях дриад, о месте и времени происхождения этого рода и т.д.

Чтобы разобраться во всех подробностях происхождения какой-либо группы родственных видов растений, нужно изрядно потрудиться. Прежде всего необходимо разобраться в таксономии группы, т.е. выяснить – сколько в ней хорошо различающихся видов и какие территории каждый из них заселяет. Потом выясняется – насколько эта группа, именуемая родом, обособлена от сходных внешне групп. При этом сходство оценивается преимущественно по признакам цветков и плодов, а само тело растений может быть совсем несходным. По сходству устанавливаются родственные отношения родов, дополняемые данными по числу и строению хромосом, по пыльце, по анатомическому строению, химическому составу и т.д. В установлении родственных связей большую подсказку дает изучение разного рода отклонений от нормы или попросту уродств. Для их выявления нужно просмотреть очень много материала, так как уродства, означающие возврат к признакам далеких предков, встречаются очень редко. Но зато, когда они обнаруживаются, то картина сразу проясняется.Точно так и у других организмов, в том числе человека. Хвостатых людей известны лишь единицы, тем не менее, их наличие говорит о том, что предки человека имели хвост, хотя его нет у человекообразных обезьян.

Для суждения о времени тех или иных событий в жизни рода выявляются все данные об ископаемых находках интересующих нас растений. А отсюда исследование развивается в палеосфере, т.е. на основе различных данных о климатах прошлого, о соотношениях суши и моря в разные эпохи и т.п., делаются заключения о среде обитания и ее изменениях с течением времени.

Все собранные данные организуют в сценарий, т.е. общую картину возникновения и эволюции рода до нашего времени. Однако путь исследования противоположен тому, что происходило в природе. Исследователь восстанавливает ход эволюции по современному состоянию таксонов, и ископаемые остатки растений (а также животных) служат ему своего рода вешками, мимо которых не следует проходить. При таком погружении в прошлое многое приходится додумывать, воображать. Поэтому результат исследования представляет сценарий, а не натуралистический очерк. Понятно, что в сценарии могут быть существенные ошибки, так как критерием его правдоподобия считается только непротиворечивость отдельных положений и возможность их увязки с представлениями в других областях знания. При авторитарном режиме в науке правдоподобие нередко “доказывается” путем многократного повторения каких-либо утверждений в печати и насильственного убеждения окружающих. Такое “правдоподобие” может иметь общественное значение вплоть до смерти его автора, ловкими маневрами подавляющего высказывания против. Но, как бы то ни было, наука в целом выше любой личности и скоплений единомышленников. С течением времени в ней остается лишь то, что приближает ее к истине.

Развитие органического мира обычно представляют в виде древа. Каждый сук на этом древе символизирует ответвление какой-то группы организмов, которая начинает развиваться по специфическим для нее путям. Ответвление означает, что представители группы “сочетаются браком” только между собой

и оставляют качественное потомство. Если кто-то из них и нарушит это правило, хорошего потомства не получится.

На суку с течением времени вырастают сучки, а на последних сучочки и т.д. В незапамятные времена на древе растительного мира сучьев было значительно меньше, чем теперь. И суша выглядела иначе. Около 20 миллионов лет назад человек мог бы сходить на Аляску с Чукотки посуху пешком, если бы он существовал. На этом пути ему даже мерзнуть не пришлось бы, так как в отличие от нынешней ситуации в Берингии, о которой мы говорим, было тепло. Леса поднимались по невысоким горам вплоть до вершин. Их составляли породы, родственники которых теперь живут далеко на юге. Тсуга, например, в настоящее время неизвестна даже в Приморье. Лишь восточные китайцы могут отдыхать под ее сенью. А в то время она росла даже на том месте, где в 1934 г. героически пошел под лед ледокол «Челюскин» и О.Ю.Шмидт, отдирая сосульки с бороды, лязгая зубами, читал челюскинцам лекции по научному коммунизму, что их, вероятно, согревало.

Кроме тсуги в миоцене (так называется интервал времени 26-5,5 миллионов лет назад) в Берингии обитали многие экзоты, а среди них встречалась некая фаллугия. В настоящее время существует лишь один вид этого рода, который населяет Мексику и прилегающие штаты США. Он имеет облик куста, а иногда и деревца, торчащего на стенках живописных каньонов. На древе растительного мира нынешняя фаллугия завершает сук, на котором в позднем миоцене из сучочка, представлявшего берингийскую фаллугию, начали расти два новых сука.

15-12 миллионов лет назад изрядно похолодало и вершины гор на северо-востоке Азии облысели, так как лес на них исчез. Полагают, что горы в это время к тому же подросли. Да еще и мост, связывавший Азию и Америку (Берингия) , дал трещину; образовался более узкий, чем теперь, Берингов пролив. Но безлесные пространства равнинной Арктики возникли позднее. Берингийская популяция фаллугии оказалась разобщенной: одна ее часть стала азиатской, другая американской. Между этими частями прекратился обмен генетическим материалом, осуществляющийся у растений при перекрестном опылении. Последнее поддерживает в состоянии целостности даже такие популяции, которые занимают целые материки. Обмен генетическим материалом у оченб удаленных одно от другого растений происходит в таких случаях медленно, в течение многих тысячелетий. Но все же он происходит. Кроме того, существуют виды, которые стабильны в своих признаках (они словно не спешат изменяться) и, наоборот, такие, которые при первой возможности приобретают какие-то новые качества. Возможностью для этого прежде всего является изоляция, которую усугубляет изменение условий обитания.

Азиатская и американская части популяции фаллугии оказались не только изолированными, но и в новых условиях из-за похолодания климата. При этом, судя по данным геологии, похолодание в северо-восточной Азии было сильнее, и безлесные вершины гор появились только здесь, тогда как на северо-западе Америки их еще не было, так как горы были намного ниже, чем теперь. Лысые вершины гор на северо-востоке Азии в совокупности образовали гольцовый пояс. Это была совершенно новая в истории Земли экологическая арена. На Аляске такой арены, возможно, еще не было, но климат все же изменился в сторону похолодания.

Обе части берингийской популяции фаллугии, таким образом, оказались в новых условиях, и обе они преобразовались. Такое преобразование означает, что большая часть растений вымирает, но какие-то экземпляры, бывшие ненормальными, оказываются более живучими. Они дают потомство, среди которого находятся еще более ненормальные по отношению к прежнему виду растения. И так далее. Через некоторое время (скажем, десяток тысяч лет, а может быть десяток десятков) получаются растения совсем не похожие на своих предков. Возник новый таксон (вид или даже род).

Мы не знаем и никогда не узнаем наверняка – обитала ли азиатская фаллугия в лесах на вершинах гор, а с облысением их она оказалась открытой холодным ветрам. Скорее всег, так, потому что мало вероятно ее обитание в лесах на склонах гор и последующее ее переселение на безлесные вершины. Кому хочется покидать теплый дом и жить на улице?!

Совершенно ясно, однако, что азиатская фаллугия так или иначе оказалась на гольцах, и тут ей пришлось туго. Она, наверное, вымерла бы без остатка, но нашлись экземпляры, которые вышли из критического положения, плотно прижавшись к земле. Эти экземпляры сохранились и дали потомство, которое еще более приспособилось к суровой жизни и даже нашло в ней определенную прелесть. Так возник род дриада.

Аляскинская часть популяции берингийской фаллугии тоже трансформировалась. Но тем растениям не пришлось прижиматься к земле, и они остались кустом. Преобразование затронуло более всего цветки, по строению которых кования отличается и от дриады, и от фаллугии, занимая положение между ними. Имея общего предка, дриада и кования представляют хороший пример гомологического ряда на уровне родов. Хотя они превосходно различаются между собой, виды в пределах каждого рода имеют однотипные железки и их комбинации, по которым и выделены систематиками. Этот пример, несомненно, очень воодушевил бы Н.И.Вавилова, если бы его не сгноили в саратовской тюрьме. Ведь это он открыл закон гомологических рядов. Железки сохранились у дриады и ковании от предковой фаллугии, поскольку их наличие или отсутствие не сказывалось на приспособительных изменениях общего облика растений.

В отличие от дриады, получившей закалку на гольцах, кования не обладала достаточной жизненной силой. Последующие похолодания и оледенения выжили ее с Аляски. Она мигрировала к югу, и в настоящее время три ее вида встречаются на той же территории, что и нынешняя фаллугия, – в юго-западном углу Северной Америки.

Дриаду же судьба наградила с самого начала могучей энергией, обеспечившей ее приспособленность. Защищаясь от избытка ультрафиолетового излучения, дриада приобрела мощный эпидермис, т.е. верхняя сторона ее листьев стала толстокожей. На нижней же поверхности листьев, где находятся устьица, через которые растение дышит и вбирает углекислоту для фотосинтеза, образовалось густое опушение, напоминающее слой ваты.

Испытывая азотную недостаточность, дриада вошла в сожительство с грибами и бактериями, позволив им жить в специальных клубеньках у нее на корнях. Расплата за жилье производилась азотом, который микроорганизмы усваивали прямо из воздуха, что не могла осуществлять сама дриада.

В случае неудавшегося перекрестного опыления, дриада самоопылялась. Каждое ее растение производило огромное количество семян, причем весьма

неоднокачественных. Семена, снабженные пером-летучкой, в безлесных ландшафтах мчались по ветру во все концы. Единственное, что дриаде было не по вкусу, – это существование вплотную с другими растениями. Она предпочитала холод, но без соседей, хотя иногда ей приходилось мириться с тем, что волею судьбы семечко занесло на очень плотно заселенный участок и пришлось расти в весьма чуждой обстановке.

Однако жизнь на Земле складывалась для дриады благоприятно. Становилось все прохладнее. Около двух миллионов лет назад леса отступили от побережий Северного Ледовитого океана. Возникла Арктика, охватившая поясом весь север планеты. Азия снова была соединена с Америкой. Появившись в Арктике с гор, расположенных южнее, дриада могла свободно мигрировать и на запад, и на восток, в Америку. Из гольцового пояса ее семена распространялись также вдоль рек в лесной пояс, где дриада селилась на галечниках и песках. Поскольку в лесном поясе было значительно теплее, то и растения здесь формировались крупные. Они образовали особый вид – дриаду большую.

Берингия простиралась с юга на север на огромное расстояние, и условия на ней были неоднородными. Арктика занимала довольно узкую приморскую полосу на осушенном тогда шельфе, приблизительно в 500 км севернее острова Врангеля. Южнее тянулась полоса тайги, а еще южнее (видимо, на широте современного Берингова пролива) были даже саванноидные ландшафты, в которых обитал даже ковыль.

Миграции в Америку через Берингию совершали как исходный вид дриады (потерявший, правда, железки на листьях), так и производный от него – дриада большая. Но первый продвигался в арктической полосе, а второй – в таежной. В это время на севере уже бродили мамонты.

Около миллиона лет назад похолодание усилилось.Землю начал сковывать ледовый панцирь. Начиналась новая эпоха жизни на Земле, оставившая множество следов и последствий до нашего времени. 700 тысяч лет назад ледники надвинулись с севера на юг в Европе, Азии и Северной Америке, достигнув сороковых параллелей. Кроме того, все горные системы одели мощные ледовые шапки. Лесная растительность на огромных пространствах исчезла, сохраняясь лишь в долинах рек. Горные растения, возникшие в горах низких широт, получили возможность мигрировать на север, а северные, арктические, – на юг.

Миграции происходили также по осушенным шельфам морей, которые соединяли с материками все близлежащие острова, в том числе Японию.

Позднее материковые льды исчезали и снова наступали еще, по крайней мере, дважды. В плейстоцене, охватывающем последние 700 000 лет (за исключением последних 10 000 лет), действовал гигантский геофизический механизм. С наступанием холода и льдов осушались шельфы, которые соединяли материки (выступал из воды также порог Уиля Томсона, соединявший Европу, Исландию, Гренландию и Северную Америку). С наступанием потепления льды стаивали, шельфы затоплялись, материки разъединялись.

Соответствующая пульсация происходила в растительном покрове. То сокращались леса, и по промерзающим в зимнее время равнинам расселялись арктоальпийцы. То леса снова надвигались, и арктоальпийцы срочно поднимались на ближайшие горы. В Арктику прибыли таким образом многие виды, сформировавшиеся в Гималаях

Каждый этап оледенения для дриады, родина которой – северо-восток Азии, был благодатным. Она достигла вместе с мамонтами Японии, где в изоляции обособилась в особый вид, а также северной Кореи. Западнее дриада добралась на юг до северной Монголии и поныне встречается в северных отрогах Тянь-Шаня. В Европе дриада оказалась на Кавказе и в Карпатах, в Альпах, Пиренеях и даже Апеннинах.

Этапы расселения чередовались с изоляцией отдельных популяций на многие тысячелетия. Во время изоляции возникали новые формы, иногда столь существенно отличающиеся от исходных, что их по праву стали обозначать как особые виды. В Северной Америке, например, из одной формы дриады восьмилепестной возникла дриада цельнолистная, а из дриады большой – дриада Друммонда, названная так в честь известного американского ботаника.

В Евразии, однако, многие изолированные популяции не успевали приобрести четкие отличия. Когда наступало очередное похолодание, и с севера прибывала новая волна дриад, то изоляты, оставшиеся от прежней волны где-либо на южных горах, свободно скрещивались со свежими пришельцами. Приобретенные ими в изоляции новые признаки растворялись в общей массе или выделяли прежних изолятов недостаточно четко. По соседству с растениями, наделенными какой-либо особенностью, росли такие, у которых этой особенности не было, и которые ничем не отличались от арктических родственников.

Довольно надежно установлено, что предпоследняя изоляция популяций дриады на южных горах длилась 20-25 тысяч лет (между 50-45 – 25 тысячами лет). Последнее оледенение, начавшееся 25 тысяч лет назад, завершилось в южных районах 14 тысяч лет назад, в северных – 7 тысяч лет назад. Оно было, видимо, самым коротким в плейстоцене, хотя не менее, чем другие, холодным. Изолированные популяции последний раз имели шанс вступить в контакт.

Вслед за отступавшими на север краями тающих материковых ледников отступала и перигляциальная зона, т.е. территория, режим среды которой определяется близостью льдов. С юга на эту зону быстро наступала древесная растительность. Вместе с перигляциальной зоной смещались на север и арктоальпийские растения. В некоторых местах, например, на высоких крутых склонах, отдельные из них зацепились и прижились, найдя подходящие условия. Для лесной растительности эти условия неблагоприятны, в чем мы легко убеждаемся на скалах в долинах речек северной тайги. В северной тайге перигляциальная зона существовала около 10 тысяч лет назад. И с тех пор дриада не покидала эти долины.

Начало полтинской эпопеи (4 августа).

Куда хочу, протаптываю след,
В пути мой светоч – внутренний мой свет.
Им все озарено передо мной,
А то, что позади, объято тьмой.
(Гете, “Фауст”)

Три дня назад прибыла моя помощница сокурсница Анка и начались новые заботы, приготовления к отправке на Полту. Все тот же старший лесничий

В.Батыгин – благословенно его имя – отдал нам лодку-осиновку и распорядился доставить нас вместе с лодкой на Полту. Лодка представляет собой выдолбленный из цельного ствола огромной осины челн, нарощенный по краям досками. Моему восхищению оттого, что мы будем путешествовать на такой исторической посудине, нет предела. В Анке преобладает рациональное начало; она считает, что эта лодка больше подходит для самоубийц, имитирующих несчастный случай. Приходится утешить ее тем, что Полта это – не Волга и даже не Нева, доплыть до берега в случае аварии ничего не стоит, лишь несколько раз махнуть руками.

Я заказал на пекарне 20 кг сухарей, подразумевая высушить 20 кг хлеба. Однако заказ был выполнен пунктуально, и я получил картофельный мешок сухарей, приведя в восторг своих товарищей. К сухарям мы добавили еще три солидных буханки хлеба, обязуясь не появляться раньше, чем все это съедим.

Карта бассейна р. Полты.

Вчера утром мы погрузились, крепко прикрутив лодку, которая не помещалась в кузов. Всю дорогу – 60 км – я страдал, наблюдая на ухабах как лодка наша стучит о борт кузова и того и гляди развалится, так как вид у нее отнюдь не блестящий. Однако ничего не случилось. На Полте мы стащили лодку и вот… она уже качается в заводи и хорошо видно, что протекает она как решето. Все же мы решительно грузимся и немедленно отчаливаем против течения, чтобы уйти подальше от лесовозной магистрали. Перед отъездом я получил солидную информацию о пользовании этой лодкой. Но теория часто не согласуется с практикой.Выясняется, что толкание шестом с кормы требует сноровки которую приобретать некогда, – течение тащит. Лодку разворачивает, и я начинаю толкаться с носа, делая все возможное, чтобы лодка двигалась. Павел Михайлович смотрит с моста и, не дай бог, подумает, что у нас ничего не получается. Наконец, он последний раз махнул рукой и пошел в бор за Полту. Там он найдет еще один замечательный сибирский вид – гвоздику ползучую.

Половину лодки занимает груз: мешок с сухарями, два солидных рюкзака, три гербарных сетки с годовой подшивкой газет каждая, мешок с крупами и сахаром, скрипка в футляре, которую привезла Анка, чтобы я не забыл уроки музыки.

Поначалу мы проплыли километров 5 и остановились перекусить,, но пошел дождь, и мы остались здесь на ночлег. Ночью бесновались комары, но дождя утром не было. Осмотрев довольно низкие выходы гипса, тронулись дальше соскоростью 2-2,5 км в час. Плыли у самого берега и могли судить о растительном покрове берегов прямо из лодки. Через перекаты тащили лодку бечевой, т.е. я вел лодку за веревку, а Анка, стоя в лодке, отталкивалась от берега. Выходы гипса встречались то и дело, но разве могли они сравниться с соткинскими. Их высота не превышала 10 м. Виктор Иванович Кашин обескуражил нас, сообщив, что на Полте арктоальпийцев нет. Что ж, будем искать то, что есть!

Пока только копеечник альпийский напоминает о гипсах Сотки и Келды, но он растет не только на гипсах, но и на обычных приречных склонах. Вся остальная компания тоже не относится к обязательным обитателям гипсов, хотя и обычна на них. Это и земляника, и полевица обычная, ясколка

дернистая, желтушник ястребинколистный, мышиный горошек и его дальние родственники чина полевая и болотная и еще видов десять.

Выходить из лодки на берег можно не везде. Берег весьма крут и покрыт высокой травой. Речка кажется врезанной в толстый слой зеленой ваты. За несколько часов хода мы встречаем всего восемь низких обнажений разной протяженности. Перекаты попадались чаще, но беспокойства они нам пока не причиняли, мы легко проходили их бечевой.

Гипсы не перестают изумлять меня своим разнообразием. Местами они красноватые, кое-где голубоватые, есть также прозрачные и снежно-белые, крупно- и мелкокристаллические. Скальные участки чередуются с пологими участками склона, заросшими лесом до воды.

Кулики встречаются реже, чем на Сотке. В одном месте на зависшее над водой бревно выскакивает незнакомая птица. Я стреляю. Только через много лет выясняется по тушке, что добыта оляпка (в книге “Птицы СССР” она не показана для этих мест).

Вдоль реки ельники чередуются с сосняками, причем последние заметно преодладают. Стоит подняться на высокий берег и глазам открывается очень симпатичный вид. Довольно редкие сосны позволяют видеть далеко вглубь леса, поскольку подлеска практически нет. Такой лес напоминал бы парк, если бы не обилие серых трупов упавших деревьев. Местность большей частью всхолмленная. Близ реки много карстовых воронок и подобий канав без выходов гипса. Однако ясно, что гипсы залегают совсем неглубоко и именно благодаря их размыву и образовались подобия канав. Травяный покров кое-где составляют лишь брусника и мхи, а иногда растений вовсе не видно и почва покрыта толстым слоем опавшей хвои.

В некоторых местах при удалении от реки на 200-300 м наблюдается постепенная смена сосняка березняком. Сначала береза просто примешивается, но вскоре ее становится больше и больше, а сосна исчезает, и вокруг, прямо- таки по Есенину, “как кладбище белеет лес в берез изглоданные кости”. Одновременно оказывается, что стоишь в болоте. Это и является причиной смены одного леса другим. Сосняк стоит на песке, а березняк на суглинке, не пропускающем воду.

Левы берег Полты в целом ниже, чем правый, и в некотором удалении от реки можно попасть на сильно закарстованные участки с выходами гипса. Такие местечки не только очень живописны, но и интересны в ботаническом отношении, так как на них особый режим среды обитания, можно сказать противоположный режиму на гипсовых обрывах Здесь царит полусумрак, а на обрывах, напротив, очень светло. Каждое растение не сидит где попало, но только там, где оно способно расти. Есть растения светолюбы, а есть и тенелюбы. Одним нужна сухая почва, а другие не могут жить без воды. Некоторые растения обитают только в хорошо прогреваемых местах, а другие избегают этих мест, т.е. не смогут в них выжить, если уж попали сюда их семена.

54. 55. Карстовый ландшафт с выходами гипса на левобережье речки Полты.
56. Выветрелая форма выпуклого блока гипса.

Низменные закарстованные участки покрыты обычно ельником, причем весьма древним. В таких местах лес не заготовляют, так как вывозить его

отсюда невозможно. Гипсовые “головы” покрыты густыми париками мхов. Арктоальпийцев здесь нет, значит подобная обстановка им не подходит.Вид такого участка напоминает гигантскую губку. Хочется осмотреть каждый выступ, но нужно спешить.

Делая уходы от реки, мы каждый раз вынуждены по возвращении на Полту искать свой челн. Речка сильно петляет и, если при возвращении не попасть сразу на излучину, то есть риск искать лодку целый день.

К вечеру начались потери. Сначала зацепили кормой за торчащее дерево и порядок укладки вещей нарушился. Мы не поправили укладку и через некоторое время папка для сбора растений исчезла. Вскоре “выскочили” на порог и решили пройти его на шестах, но нос лодки занесло. Я не справился с течением и лодку ударило боком о валун. Все содрогнулось. Футляр со скрипкой вывалился и поплыл. Лодку прижало к валуну и выдавило на него. Мы отчаянно работали шестами и кое-как слезли с камня, который сухо проскрежетал о борт. Струя подхватила нас и, выправив лодку, мы погнались за скрипкой. Едва мы настигли ее, Анка перегнулась через борт и лодка сильно качнулась. Из нее вылетил набитый патронами патронташ и утонул. Скрипку выловили и долго тщетно искали патронташ, расхаживая по пояс в воде. Хорошо, что есть запасные патроны и снаряжение для них.

На ночлег остановились опять в сосняке, но с более выраженным травяным покровом. Небо затянулось тучами и скоро стало темно, как в дымоходе. Костер освещал лишь самые близкие к нему предметы.

Медленное продвижение вверх по реке (7 августа).

Пусть чередуются весь век
Счастливый рок и рок
несчастный.
В неутомимости всечасной
Себя находит человек.
(Гете, “Фауст”)

Весь следующий день лил дождь, то ослабевая, то усиливаясь.Мы набросили на наклонно зависшее дерево кусок брезента и долго сидели в этой импровизированной палатке, вылезая к костру греться. Во время приступов сильного дождя комары где-то отсиживались, но едва он ослабевал, как они с остервенением набрасывались на нас. Мы обильно мазались и это спасало более чем наполовину. К вечеру, в один из интервалов между приступами дождя я пошел от реки посмотреть лес. Спугнул какую-то крупную птицу, которую не успел рассмотреть. Потом услышал протяжный крик канюка и пошел на него. Вскоре канюк мелькнул за деревьями и сел неподалеку вполдерева. Я выстрелил, и он превратился в мясо для ужина. Это оказался молодой канюк, с желтым клювом и еще не исчезнувшими валиками в основании клюва. Неподалеку раздался крик еще одного канюка, по-видимому, родителя.

Как это со мной случается, обратно я пошел не в нужную сторону, но быстро спохватился. Определив по мхам у оснований стволов страны света и вспомнив карту-кварталку, развернулся на 180° и, время от времени покрикивая, направился по другому курсу. Вспугнул глухаря, но далеко.

Опять лил дождь. Даже в сосняке-беломошнике стало неуютно. Скоро услышал ответный крик.

Ночью дождя не было, а утром погода была сносная. Наш челн лежал на дне. Приведя его в плавучее положение мы с радостью отчалили, так как потеря каждого дня означала недоработку. Времени у нас осталось не так уж много, а впереди была неизвестность.

В этот день мы не рисковали идти через пороги на шестах. Так было значительно труднее, чем, выбравшись из лодки, вести ее как упрямую козу на веревке, не вылезая на берег. Однажды наше внимание привлек лес, казавшийся кустарникоподобным. Это была огромная старая гарь, густо поросшая березовой порослью. По ее краям стояли могучие сосны, какие обычно вырастают на просторе, когда им не мешают соседи. Над соснами кружили с воплями канюки. На гари было тепло и сухо – день разведрился. Местами густо разросся иван-чай, сейчас массово цветущий.

На речке несколько раз вспугивали гоголей. Однажды, приметив место посадки одного из них, я вылез на берег и прокрался к этому месту. Сверху увидел его у противоположного берега, но было далековато и я решил спуститься. Когда я оказался внизу, гоголь исчез, нырнул. Теперь стало ясно, что гоголи – весьма осторожные утки. Они прекрасно знают дистанцию ружейного выстрела. Характерно, что если утка летит нам навстречу, то и неудачный выстрел на заставит ее свернуть и улететь над лесом или повернуть вспять. Однако это их нередко и спасает, так как реакция человека часто замедлена, а судорожная спешка к положительному результату не приводит. Одним словом, охотничьи успехи у нас оставляют желать лучшего, и мясо в нашем рационе отсутствует. Зато на одном участке поймы мы обнаруживаем целую плантацию дикого лука и убеждаемся, что это великолепная приправа к каше.

Порогов стало меньше. Встречаются обширные плесы, в которых "акварельным обликом" стоит вниз верхушками отраженный лес. Гигантские одиночные лиственницы, вдвое возвышающиеся над лесом, нередко наклоняются в сторону реки. Большинство этих гигантов мертвы, но корневые системы держат их, не позволяя упасть.

К вечеру проплыли последние выходы гипса в этой части реки. В одном из забродов через порог нас догнала моторная лодка. "Сейчас в сапоги зачерпнешь!" – прокричал сидевший у мотора мужик, не рассмотрев, что сапог на мне нет. Он приглушил мотор, пройдя порог и поджидая, пока пройдем и мы. "Хо, в тапочках шлепаешь?!" – удивился второй (я был в кедах). "Вы как… в супружестве-то состоите?" – спросил первый. Оба напряженно ждали ответа. Я разозлился бестактностью вопроса, вместо предложения взять на буксир, и произнес казенным голосом: "Мы фурьеристы и сенсимонисты, придерживающиеся критического отношения к институту брака, признавая его социальным браком, в то же время провозглашающие превосходство разума над инстинктами и дальнейшее совершенствование Homo sapiens в духе эклектицизма, пуританизма, коммунизма, ведуизма, соцреализма, интеллектуализма и мазохизма".

Больше мужики ничего не спрашивали, а, дав газ, помчались по водной глади. Мы же выбрались на каменистый кусок берега и решили здесь остаться до утра. Нашлось несколько новых растений. Гербарные сетки у нас заметно надулись. Перед отходом ко сну я попилил на скрипке, поражаясь, как слабо

она звучит, хотя совсем безветренно. Звук словно растворяется в таежном просторе, едва возникнув.

Постепенно противоположный берег исчез во мраке. Небо было темно-серым.

На следующий день перекатов было совсем мало, но местами нам доставалось на стремнине. Стоило немного проворонить и лодку разворачивало и тащило вниз по течению. Требовались усилия, чтобы держать ее строго носом вперед и понемногу двигаться. Корма нашего судна является весьма инертной частью, и даже на спокойных местах мы иногда плывем зигзагами, от берега к берегу. Однако техника толкания с носа постепенно выработалась, и теперь мы движемся быстрее черепахи.

Сосновые леса по берегам постепенно сменяются еловыми. В подмывах берега иногда видны снежно-белые пятна гипсовой щебенки и даже отдельные гипсовые “головы”, похожие на головы сахара, производимые несколько десятилетий назад. Но скал, даже низких, больше не встречается. Под водой от берега уходят ступени. Местами река на протяжении 150-200 м совершенно прямая и очень походит на заброшенный канал. Снова встретилась огромная старая гарь. Она простирается до горизонта. Лишь кое-где гарь заросла мелкой березой, и чудом сохранившиеся сосны и высоченные сушины лиственницы придавали ей необыкновенный вид. Поскольку здесь очень сухо, лес восстанавливается медленно. Разнообразие мелких растений совсем ничтожное; больше всего здесь лишайников.

Долго мы гнали перед собой гоголей, отлетающих каждый раз метров на 100-200. Перед взлетом гоголи разгоняются, хлопая крыльями по воде. Чувствуется, что летуны они неважные, зато ныряльщики превосходные. Нередко, нырнув, гоголь пропадает из вида – вотуж действительно “в воду канул“. Любопытно то, что встречаются летающие гоголи и линные. Последние держатся по несколько штук и удирают бок о бок, отчаянно молотя крыльями по воде. За ними остается пенящийся след и расходящиеся волны, как за моторной лодкой. Мы назвали их “торпедирующими” гоголями.

Как-то под берегом закружились два канюка и, хотя было далеко, я спешно выстрелил дуплетом, когда лодка входила уже во встречную струю. Канюки только раскричались еще пуще прежнего. Лодка повернула за поворот, и тут совсем рядом из-под нависших кустов выскочил гоголь и начал свой разгон. Казалось странным, что он не сделал этого немного раньше, когда рядом с ним бухнули два выстрела. Стрелять в него было недосуг, так как мы как раз боролись со струей, которая неудержимо тащила нас назад. Все же мы пробились вперед и снова обратили внимание на тех же канюков. Они так и канючили, кружась над прибрежным лесом. Иногда они сближались в воздухе и стремительно неслись друг за другом, издавая при этом ворчливые, трещащие звуки явно любовного содержания. Через минуту они словно спохватывались и снова начинали жалобно кричать.

Днем остановились на песчаной косе пить чай близ песчаного же откоса. Сразу за откосом начинался смешанный лес с обилием елей. Дальше шло сфагновое болото с разреженным погибающим сосняком. Многие деревья уже совсем засохли и стояли вкривь и вкось.

Значение многих фактов для нас пока скрыто, но есть интуитивная убежденность, что наблюдения нужно копить, т.е. записывать. Это тем более важно, что фактов слишком много. Куда ни глянь, везде видишь какое-то своеобразие, которое и нужно отметить. Потом это складывается в понимание

того, что происходит во времени, каковы причины наблюдаемых явлений. Иногда это понимание приходит через десятилетия, и тем ценнее становятся факты, занесенные в записную книжку когда-то давным-давно или запечатленные на фотографиях, поднимающих из прошлого казалось бы навсегда забытое.

После чая мы двигались бодро, но до избы, которая значится на 32-ом километре от моста, не дотянули. Когда выбрались на берег, найдя довольно пологий спуск, то выяснилось, что кто-то заготовил здесь лет 15 назад большую поленницу дров. После урока музыки я ощущал себя словно грузчик после трудового дня.

Посреди ночи мы сразу проснулись в недобром предчувствии. Яркий огонь ярко полыхал на месте гербарных сеток, которые мы поставили слишком близко к концам длинных поленьев, и огонь добрался до них. Сетки разгорелись уже хорошо и потушить их стоило труда и ожогов. Вскоре рядом послышались странные мяукающие звуки, доносившиеся из одного места. Я взял ружье и топор и осторожно пошел в их направлении, но звуки стихли и я никого не увидел. Когда вернулся к костру, звуки возобновились, теперь в них слышались какие-то “фальшивые” нотки. Анка вопросительно взглянула на меня. Я пожал плечами. Было два часа ночи, практически темно, поэтому едва ли это была кукша. Может быть, кто-либо из совиных?

Гербарий пострадал мало, так как плотно уложенные газеты не дали огню проникнуть глубоко. Но сетки превратились в рухлядь, хотя еще могли служить за неимением лучших.

На месте бывшего лагеря (10 августа).

Слышишь воющий набат,
Точно стонет медный ад!
Эти звуки в дикой муке сказку ужасов твердят
(Эдгар Аллан По, “Колокольчики и колокола”).

На следующий день мы проплыли всего километра три. Показалась избушка, и стало ясно, что мы проплыли 32 км. Решили остановиться и обследовать окрестности. Изба оказалась благоустроенной, даже с тюфяком на нарах. Сюда ездят на моторных лодках пинежане , нередко просто ради развлечения, а также рыбачить и заготавливать сено.

От избы идет вверх по косогору тропа, которая приводит нас на место бывшего лагеря. От него остались лишь рухнувшие бараки, окаймленные густой зарослью иван-чая, полыни и крапивы.

Из одних развалин торчит гора обожженного кирпича – остатки плиты. Рядом валяются проржавевшие баки. Здесь, видимо, была кухня и в баках когда-то булькала баланда. Неподалеку в траве струится ржавая колючая проволока. Э-э… да тут надо быть осторожным. Не хватало еще проткнуть подошву на этом памятнике наших грандиозных успехов. Тогда мне не пришло в голову, что и следующие три десятилетия я буду регулярно спотыкаться о ржавую колючую проволоку, опутывающую северные земли от Фенноскандии до Берингова пролива.

Щемящее ощущение вызывает вид серых руин под небесной лазурью. Каждая пядь земли здесь была истоптана людьми, несшими в себе мучительную боль. Кажется, земля пропиталась этой болью, и до сих пор из нее исходят незримые волны страдания.

Вокруг раскинулись луга с куртинами ольхи, черемухи, разных видов ивы. Здесь гуляет ветерок и несколько мешает комарам. Мы находим в окрестностях развалин несколько интересных видов и среди них молочай лозный и чину гороховидную. Оба они являются пришельцами с юга.

Пройдя за территорию бывшего лагеря, мы ступаем на зарастающую дорогу, ведущую через густые заросли мелкой березки, стоящие, как две стены, по краям дороги.

57. Зарастающая дорога
58. Место довоенного лесоповала.

Дорога приводит к болоту и исчезает. Нам открывается траурный вид вырубленной тайги. Лишь на горизонте видны большие деревья. Да… большие дела делались за счет энергии, содержащейся в баланде, когда высвобождению этой энергии способствовали черный зрачок автомата и неодобрительные взгляды специально натасканных “друзей человека” ростом с теленка.

Помесив болото, возвращаемся к развалинам и идем вдоль реки. Здесь еще долго тянутся луга, чередующиеся с зарослями кустарников. Громко кричат трясогузки. Во второй половине дня слабый ветерок замирает. Стоит густой запах трав.

Следующий день проходит как и предыдущий, но вечером мы долго перекладываем гербарий. Нужно сменить и подсушить газеты, иначе собранные растения почернеют и начнут преть и гнить. На перекладку и закладку уходит много времени, но тут уж ничего не поделаешь.

Постоянно клубятся в сознании картины виденного и возникают вопросы. Например, существовало ли раньше то огромное болото на месте вырубленной тайги? Или оно образовалось именно как результат сведения леса? Похоже, что так, поскольку болото травяное, т.е. большинство растений на нем те же самые, что сидят в лесу, а специфически болотных мало. Известно, что лес испаряет огромное количество воды и , если его вырубить, вода с течением времени накапливается. В условиях отсутствия стока формируется болото. Если сток имеется, как близ реки, то образуются луга.

В этом месте довольно оживленный мир пернатых, поскольку пространство довольно открытое, опушечное, что предпочитают многие птицы. Особенно много белых трясогузок, вспарывающих тишину громкими радостными вскриками. Молодые по размерам уже не отличаются от взрослых, но черный цвет на груди и голове у них заменен серым. Есть здесь также и пеночки веснички, лесные коньки и разные неопознанные пичуги, которых не удается хорошо рассмотреть.

Среди жуков часто попадаются восковики полосатые, ползающие обычно по соцветиям тысячелистника и поповника. Этот жук похож на маленький утюг, на спине у него желтой краской написана какая-то буква из греческого алфавита.

59. Жук восковик полосатый.

Другой нередко встречающийся жук – мускусный усач. Он продолговатый и зеленый, с дурацки вытаращенными глазами. Эти жуки тоже сидят на соцветиях крупных растений. По-видимому, и те и другие кормятся цветочной пыльцой или нектаром, до которого охочи и многие мухи.

60. Муха, ищущая нектар в цветках сивца лугового.

Бабочек очень мало, но шмели гудят нередко. На латинском языке шмели называются “бомбус”. На берегу реки можно увидеть серого ручейника, у которого личинки сооружают трубочки из подручного материала и сидят в них, а если нужно переползти, то ползут вместе со своим футляром.

На Горшке (11 августа).

Есть в русской природе усталая нежность…

(Константин Бальмонт)

От избы на 32-ом километре реки мы отправились чудесным утром, с неприязнью вспоминая прошедшие дни, когда нас то и дело кропило дождем и было довольно холодно, так что приходилось привыкать к стоянию в холодной воде, которая через каждые полчаса набирается в лодку. Анкина задача – постоянно вычерпывать воду. Каждое утро нам приходится поднимать лодку со дна. Дожди, к счастью, скоропроходящие. Брызжет только то время, что проходит над нами тучка. Затем выглядывает солнце. Но вскоре набегает другая тучка и опять брызжет.

Впрочем и теперь природа благоухала под солнцем лишь пока мы плыли первые полчаса. Потом солнце исчезло за тяжелыми тучами, и начало накрапывать. Речка все так же извивалась, как змея, и берега были высокие. В береговых обрывчиках виднелись глинистые пласты, над которыми выступала грунтовая вода.

60а. Берега Полты ниже Горшка.

Проехали речку Пышегу, решив сходить по ней вверх на обратном пути. За одним из поворотов услышали покрякивание. Я сошел на берег, прошел к заводи и вспугнул утку. Выстрел был удачный. Это оказался чирок свистунок, из которого получилась отличная тушка и приличный суп.

Тянулись смешанные леса, прерываемые гарями. Местами ивы склонялись над самой водой, грозя стащить что-нибудь с кормы. Все чаще встречались пожни с поставленными жердями для стогов. Шест нередко погружался в глину и лишь с усилием его можно было вытащить. Однажды пролетели три кряквы, в которых я позорно промахнулся, расшатав от волнения лодку и едва не вывалившись из нее во время выстрела.

Дождь все усиливался. Уже ныли плечи, но появилось предчувствие близкой избы. И вскоре она действительно показалась на высоком берегу. Дождь перешел в ливень, словно стараясь напоследок насолить побольше.

По скользкой тропе поднялись к избе и убедились, что она обитаема. Над нарами висел полог; на тумбочке и других нарах были разложены продукты,

инструменты, косы и прочие вещи, оставленные совсем недавно. Эта изба была лучше предыдущей. В ней стояла кирпичная печка, было два больших окна, сени. Самое поразительное то, что за домом стоял уютный скворечник – туалет.

– Там, наверное, комаров нет, – размечталась Анка.

Пока мы осматривались, за печку из-под нар кто-то проскочил, и если уж это была крыса, то весьма солидная. Заглянув за печь, я увидел там зайца, который с настороженностью смотрел на меня.

Мы затопили печь, обсохли, вскипятили чай и решив, что хозяева уехали на выходной в Пинегу, поужинали оставленной ухой. Только мы закрыли кастрюлю, как послышались голоса. Вошли мужчина с мальчиком, совершенно мокрые. Они не возражали против нашего присутствия и не обиделись за съеденную уху.

Отец с сыном проводят здесь свой отпуск.

– Кормимся,. – говорит Федор Иванович. Утром я поприсутствовал приловле рыбы на кораблик, имея возможность оценить эффективность этого способа. За 15 минут Федор Иванович вытащил двух приличных хариусов, объявив однако, что рыба не ловится.

Хозяева избы дали нам гвозди, гудрон и жесть для починки нашего "судна", сообщив, что выше идут сплошные пороги. Провозившись часа три с лодкой, мы имели еще время посмотреть немного окрестности. Особенно любопытным был лог, мимо которого мы ходили к избе от места причала. Лог выходил к Полте и зависал над нею. Такие долины так и называются висячими. Когда-то по этому логу тек ручей, но затем перестал существовать, оставив от себя лишь вытянутые водоемы, которые ни озерком, ни лужей назвать нельзя. Для озерка они маловаты, для лужи – великоваты и не высыхают совсем.

Лог окаймляет с одной стороны длинный вал, похожий на железнодорожную насыпь, по верху которого идет тропа, вытоптанная лосями. Вал этот – не что иное, как отложения речки, текшей некогда по покрывавшему этот район леднику. Когда ледник растаял, то отложения осели на землю и образовали этот вал, который называется оз. С оза видна низина с черными зрачками озер. Берега озер густо заросли осокой, но в некоторых местах они совершенно голы. Ступаешь на такой берег, который кажется плотным, и проваливаешься по колено в серо-голубоватую грязь, так называемый сапропель. Над озерами склоняются заросли высоких кустов. Если в здешних местах живет леший, то его местонахождение должно быть в этой низине, уж очень у нее дикий и мрачный вид. С другой стороны лога, напротив, берег повышается, видны песчаные отложения. Сосняк-брусничник переходит в сосняк-беломошник, т.е. становится все суше.

Район этот называется Горшок и, возможно, что сие название происходит оттого, что здесь находится оконечность большой излучины Полты.

От избы открывается вид на обширную вырубку внизу, где чернеет пунктир пней. Осмотр этой вырубки оставляем на обратный путь. За вырубкой таинственно чернеет ельник. В этих местах растет сибирская, а не европейская ель. У нее довольно вытянутая крона, напоминающая кипарис. Уже упоминалось, что лиственница здесь также сибирская и есть еще среди деревьев сибирская рябина, которая встречается наряду с рябиной обыкновенной.

С возвышения, где стоит изба, открывается прекрасный вид на Полту и вверх и вниз по течению. Погода, хотя и не идеальная, благоприятствует тому, чтобы человек, озирая окрестности, испытывал блаженное ощущение при сочетании переливающихся красок и облике нетронутой губительной цивилизацией тайги. У нас есть акварель, но до сих пор она была без употребления. Теперь же мы влезаем на крышу тамбура избы и принимаемся запечатлевать видимое.

60б. Вид на Полту от избы на Горшке.

“Со времени глубокой древности торжественное величие природы подчиняло себе внимание человека”, – писал крупный русский путешественник, исследователь Центральной Азии П.К.Козлов.

Нам не нужно доказывать эту мысль, мы постоянно живем ею. Даже в дождь величие природы дышит и проникает в наши отсыревшие души. Но сегодня дождя не предвидится –желна не кричала поутру, а у звездчатки средней (называемой в народе мокрицей) цветки открыты. Это признаки ветреной погоды.

На Мерзлихе (13 августа).

Лес рубят… Но земля укроет семена;
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется берез зеленая стена –
И снова зашумит над братскою могилой!
(Г.А.Галина)

Следующая изба расположена выше по Полте всего в 6 км от Горшка. На этот промежуток приходится 10 крупных перекатов и порогов или, по местной терминологии, сливов. Последнее название весьма точное. Стоя в воде под сливом, можно видеть, что над сливом уровень воды выше, т.е. в данном месте вода как бы падает на нижеследующую ступень – сливается.

Сливы доставили нам тяжелую работу. Некоторые из них были протяженные (100-200 м) и с очень быстрым течением.

Где-то на середине пути, как раз под сливом, когда мы приблизились к берегу, рассматривая обрыв, увидели невдалеке стайку резвящихся уток. Сразу же послышался чей-то выстрел. Мы начали следить за утками, не двигаясь с места. Вскоре сверху донеслись еще выстрелы и мимо нас пронеслась стая крохалей. Я выстрелил раз за разом, отметив, что один крохаль перевернулся, а результат второго выстрела неясен. По течению мчался к нам сверху убитый крохаль. Вслед за ним показалась партия туристов в брезентовых лодках, плывущих от Полтозера. Мы отдали им выловленного крохаля и позавидовали удобству их перемещения и оснащения. Через минуту они уже хлынули дальше, а я полез в воду тащить лодку через слив. Тут я с неприязнью заметил, что крохаль, добытый мною, исчез. Когда его втащили в лодку, он был еще живой. Однако я приметил его в заводи под сливом, плавающим уже вверх брюхом.

Крохали – довольно крупные и красивые утки с длинным шиловидным клювом, как у гагары. Точно так же и корпус у них заострен вперед.

Близость избы почувствовалась с увеличением пожен на берегах. Местами были видны так называемые иво-луга. Вообще луга в северной тайге

возникают в результате деятельности человека, вырубающего лес и ежегодно скашивающего траву. Но есть и такие луга, которые возникают без “помощи” человека. К таковым относятся и иво-луга. Ивовые заросли со временем становятся настолько плотными, что кусты не в состоянии вынести конкуренцию друг друга и отмирают большими участками, на которых формируется луговая растительность.

Показалось обширное безлесное пространство, на краю которого притулилась маленькая черная изба. Значит, мы добрались до Мерзлихи. На лугах лежали, словно вымершие

61. Изба на Мерзлихе.

циклопы, рухнувшие бараки. Здесь тоже был лагерь.

При разгрузке выяснилось, что крохаль не исчезал из лодки., а нырнул под рюкзаки. Выловил же я второго крохаля, и чья это добыча – наша или туристов – было совсем неясно, но теперь и неважно.

Изба оказалась не столь уютной, как на Горшке, но в ней стоит буржуйка, имеются нары и печь каменка, т.е. горка камней с углублением для дров, но без дымохода. Когда каменка топится, нужно ждать на улице, пока она протопится и камни прогреются.

Мы варим щи из щавеля, так как ждать суп из уток не можем, оставив добычу на завтра, поскольку нужно еще описать облик крохаля. После заплыва с Горшка на Мерзлиху мы чувствуем себя словно бурлаки, каковыми в сущности и являемся. Ветер тревожно шелестит по стенам лачуги. Стоит чернильная тьма. Поблизости журчит вода в Полте. Звенят вечно бодрствующие комары. Морфей неудержимо тянет в свои объятия.

Морфей возвращает людям бодрость и дает им возможность снова вкушать радость бытия. Утром светит солнце и, сделав “домашние” дела, мы изучаем окрестности, т.е. ходим и смотрим, где что растет. В отличие от предыдущей избы эта изба стоит в низине, правда, сухой. Немного дальше вдоль реки, против поворота реки темнеет ельник, который продолжают приречные ивняки. От избы идет дорога, которая проходит сквозь кусты и,

61а. Долинный ельник за Мерзлихой (с акварели автора).

постепенно повышаясь, выходит на старую вырубку. Здесь трудились те, кто жил в обрушившихся теперь бараках.

Странно, однако, что они не вырубили приречный ельник. Вспоминаю, что и в прежних местах лес вырубали в основном на возвышенных местах. Видимо предпочитали сосну. Вот и здесь когда-то стоял сосновый бор. Теперь от него остались лишь трухлявые пни крупных деревьев, но местами молодые сосенки уже высокие. Возможно, что пройдет еще 50-8- лет и бор зашумит снова. А сейчас здесь весьма своеобразный вид. Это беломошная пустошь с куртинками вереска. Лишайники очень густо покрывают землю и на них остается след, словно на снегу. Местами вереска так много, что эти участки можно назвать верещатниками, о которых говорилось выше.

62. Беломошная пустошь на месте вырубки.

За время нашего отсутствия у избы появляется шумная компания косарей-рыбаков, прибывших на лодках из района избы, расположенной выше.Они дружелюбно встречают нас и консультируют по интересующим нас вопросам здешней природы. Они снабжают нас керосином для лампы в следующей избе и даже сапогами, считая, что ходить по воде в кедах – сущее безумие, которое потом скажется. Надо сказать, что они были правы, и через несколько лет подобных походов меня начали беспокоить серьезные радикулитные боли.

Мы узнаем, что все лагеря на Полте существовали вплоть до войны и сидели здесь в основном политические (58-ая статья). Самый крупный лагерь ожидает нас впереди, в местечке называемом Полевой избой. Фактически это не изба, а полуразрушенный барак, на половине которого сохранилась крыша. В нем есть горница, которая и называется Полевой избой.

Леса вокруг вырублены заключенными и, следовательно, с тех пор прошло 30 лет или 40, поскольку никакой техники не было и для оголения столь обширных пространств требовалось немало времени.

На Полевой избе (17 августа).

О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.
(Зинаида Гиппиус)

Обилие впечатлений создает илллюзию, что наше путешествие началось очень давно. Время уносит нас безудержным стремительным вихрем. По ночам начались заморозки и это ощущаем не только мы, но и растения. Некоторые сразу почернели, например, мытник Карлов скипетр. Но многие растения на первые заморозки никак не отреагировали, по крайней мере, внешне. Для нас заморозки – грозное предупреждение: нужно спншить. Иначе ряд редких растений исчезнет, и мы их не увидим.

Покидая Мерзлиху, мы тревожно поглядываем на небо, грозящее черными тучами. Но порывистый ветер снова поставил нам солнце. Вскоре после отплытия появляются гипсовые скалы, которые исчезли было около 40 км сзади. Все это время к реке выходила толща суглинков. Поэтому не было и карста.

Скалы воодушевили нас, так как вновь появилась надежда найти арктоальпийские растения, как на Сотке и Келде. Правда, эти скалы все же низкие, не выше 15 м . Верхний пласт гипса лежит обычно на прослое доломита – хрупкой породы пепельного цвета – мощностью с метр, а далее вниз до самой воды осыпь из крупных обломков гипса. Однако арктоальпийцев и здесь не оказалось. Другие растения составляют в этом районе компанию, которая повторяется на разных скалах. В эту компанию входят истод горьковатый с кисточкой мелких синих цветков, белозор болотный с единственным белым цветком, широко раскрытым вверх (откуда и русское название его), ястребинка зонтичная со щитком желтых корзинок – “ромашек”, конечно иван-чай, ясколка дернистая с невзрачными белыми цветками на сплетенных в комок слабых стеблях, крестовник вытянутый с хохолками, торчащими из зубчатого стаканчика (зреющие плоды), и другие.

Гипсовые скалы чередуются с равновысотными суглинистыми откосами, по которым съезжают вниз крупные куски дернины вместе с растительностью, включающей мелкие деревца. Река подмывает нижнюю часть откоса. Сверху сползают рыхлые слои грунта, а дернина наверху, скрепленная переплетением корней, зависает, словно козырек. Но повисев так некоторое время, она отламывается и ползет по склону.

В одном месте проехали место свежего обвала. Огромные глыбы гипса сорвались и прокатились по склону, превратив стволы деревьев в щепу. Глыбы вылетели на середину реки, и мы их с почтением обогнули. На месте этой катастрофы еще не завяли листья на изуродованных ветвях, т.е. обвал произошел не раньше, чем вчера; слава богу, что не сейчас.

Высокие берега со скалами или откосами сменяются низкими, оторочивающими плесы, с которых непременно поднимаются утки, большей частью чирки, которые могут улетать и над лесом, а также разворачиваться и лететь в обратную сторону, чего не делают другие утки.

Несколько раз нас окропило дождичком и один раз ливнем.

При занятии одним и тем же делом человек совершенствуется в этом деле и нередко утрачивает бдительность. Пройдя несколько бурных перекатов и приблизившись к доаольно слабому, я решаю преодолеть его, не вылезая из лодки. Однако струя спокойно разворачивает лодку, несмотря на мои усилия. Шест попадает под лодку и его вырывает у меня из рук. Я хватаю анкин шест, но его постигает та же участь. Выскакиваю из лодки и успеваю выловить анкин шест, но мой попадает в струю и был таков. Больше я не пытаюсь проверять свое мастерство прохждения сливов с помощью шеста. Не успев пройти один перекат, слышим рев воды на следующем пороге, который тянется метров 300, и уже на последнем издыхании я протаскиваю лодку последние 50 метров.

До избы, называемой Полевой, от Мерзлихи по реке 15 км, но можно не огибать “нос” – излучину, а причалить на ближней его стороне и пройти к избе пешком. Я начал уже впадать в уныние, чувствуя, что сил не остается и до избы сегодня не добраться, когда показались серые развалины бараков, окруженные лугами. Мы причалили, осмотрели эти бараки и, заметив невдалеке другие строения, прошли туда. Там возвышался еще не рухнувший двухэтажный дом, рядом стоял барак с уцелевшей крышей. В нем-то и обнаружилась “горница” с нарами, печкой и застекленным окошком. Стало быть, это и есть Полевая изба. Рядом с бараком текла Полта. От места, где мы высадились, до избы метров 300-400, но река куролесит еще где-то пару километров, пока соединит эти два места.

Хотя я чудовищно устал, все же чувствую некоторый подъем оттого, что мы добралсись сюда. Здесь наш конечный пункт, дальше мы не поплывем, а, изучив окрестности (в том числе и сходим пешком вверх по реке), начнем обратный сплав.

Около избы стоит стол, вкопанный в землю, и две скмьи. Рядом перекладина для вешания лодочных моторов. Быстро смеркается и, едва мы перетаскиваем вещи, становится совсем темно. Из сметанной копны сена мы заимствуем, как нам было указано прибывшими на Мерзлиху косарями, охапку сена на постель. Во время ужина появился Федор Иванович с сыном. Рыбача, они продвигались вслед за нами.

Утром они опять покормили нас ухой. Федор Иванович поглядывал на анкину голову и вздыхал: “Какие у вас волосы прекрасные!” Анка с

гордостью молчала. "Может, отрежете маленький кусочек на мушку?" – выдал, наконец, заветное желание Федор Иванович. Какой может быть разговор?!. Анке пришлось выделить свой рыжий локон для производства мушек, по крайней мере, в течение трех лет.

Окрестности Полевой избы при виде в солнечный день напоминают дачные места. Здесь припойменное понижение рельефа, покрытое обширными лугами с группами кустов и одиночными деревьями. У реки кусты сгущаются. На противоположном берегу Полты также луг, за которым видны кусты. Стоят невысокие стога сена. В общем, местность совсем не похожа на северную тайгу. Это, конечно, связано с тем, что настоящая тайга здесь была уничтожена как раз перед войной и до сих пор не восстановилась.

Рядом с избой начинается довольно резкое повышение рельефа, покрытое столь густыми зарослями березки, что сквозь них пробиваешься с трудом. На горизонте чернеют силуэты огромных лиственниц. О необычайности обстановки говорит изобилие деревенских ласточек-касаток. В двухэтажном особняке с зияющими оконными дырами, а также в бараке – Полевой избе, много их гнезд. Одно находится прямо перед входом в жилую комнату. Птенцы из него уже вылетели, но ночевать все семейство собирается в гнезде, и тогда из него торчат во все стороны косицы хвостов. Днем касатки носятся с верещанием над лугами и над рекой.

Постоянно видны и слышны стрижи. Далеко разносится их пронзительный крик. Возможно, что они тоже гнездятся в старых, нерухнувших еще постройках. С замли стриж подняться еще не может, так как у него слабые ноги и длинные крылья. Его гнездо должно быть устроено в таком месте, с которого стриж мог бы бросаться вниз, а уж затем он расправит крылья и… попробуй, догони! Мы видим, таким образом, что гагары и стрижи сходны в том отношении, что беспомощны на земле. Но у гагары стихия – вода, а у стрижа – воздух. Правда, стриж совсем не умеет плавать, а гагара все же летает, хотя ей и трудно при поворотах.

Нередко в окрестностях заметны воро́ны, которых в глухом лесу в это время не увидишь. Много различных мелких птиц. Из них особенно приметны белые трясогузки, которые бегают по широким листьям нардосмии гладкой, растущей вдоль берега в воде. В этих же листьях любят скрываться утки. Оттуда они зорко следят за всем, что происходит вокруг.

Недалеко от избы виднеется суглинистый откос, описанию которого мы посвящаем часа два. Посередине откоса выходят на дневную поверхность гипсы. Над откосом раскинулся луг на месте вырубки. Мы изучаем, как меняется состав видов этого луга при удалении от берегового откоса. Близ откоса травы в основном сочные, мягкие, а на противоположной стороне луга они более сухие и жесткие. Луг уже изрядно зарос кустами ольхи и ив. В одном месте обнаруживаем целую заросль зверобоя четырехгранного, который приходится родственником знаменитому по своим целебным свойствам зверобою пронзенному. Может быть, и этот зверобой обладает лекарственными свойствами, однако только из того, что он близок зверобою пронзенному, это вовсе не следует.

На лугу оказалось огромное количество грибов, и поскольку дичь каждый день к столу не поступала, то это было весьма кстати. Заодно мы убеждаемся, что не слишком червивые грибы значительно вкуснее нечервивых. Только психологическая установка мешает людям понять это.

Наши экскурсии в окрестностях Полевой, разумеется, носят научный характер, но в то же время это – праздник для нас. Не нужно особенно переламываться, поэтому тело не испытывает физических перегрузок и сознание постоянно находится в состоянии радостного возбуждения. Мы рассматриваем малые и большие чудеса природы из ее собственных рук; строим всякие догадки по поводу разных наблюдений и по возможности проверяем их. Кругом кипит жизнь в разнообразнейших формах, цветах, запахах, движениях. Чувства

63. Шмель неуклюже пробирается по соцветию архангелики.
64. Слабо фиолетовая бабочка на соцветии пижмы.
65. Увеличенные цветки очанки.

переливаются от бурного восторга до тихого умиления. Нам никто не мешает, никто нас не критикует, не осуждает, не завидует нам, не смотрит на нас со снисхождением, с вежливой терпимостью или с неприязнью. В общем, мы дышим так свободно, как только может дышать человек. Мы принимаем Природу как некое всевышнее начало, своего рода божество, и мы поклоняемся ему без унижения, но с величайшим признанием. Мы ощущаем, как шелест трав, и пение птиц, и кланяющиеся ромашки и колокольчики счищают с наших душ тот неприятный нагар, который образовался в обществе себе подобных. Но это происходит не столько из-за того, что природа способна излечивать сама по себе, сколько в силу нашей любви к ней. Для равнодушного человека природа в лучшем случае является красивой картинкой.

И хочется сказать во всеуслышание: Люди! Берегите природу! Без нее вы погибнете! Она наша колыбель, и в трудную минуту жизни Природа способна, как чуткая мать, вернуть нам веру в лучшее, только любите ее!

Мы нашли уже очень много интересных растений, но арктоальпийцы пока встречены только единичные, а наиболее любопытные так и не попадаются.

Федор Иванович сообщил мне, что на противоположном берегу Полты есть тетеревиный ток, где тетерева токуют и сейчас. Это довольно странное явление, и как-то рано утром я отправляюсь в указанном направлении. Мои попытки найти ток оказались тщетными.

Однажды утром пролетала пара журавлей, которых мы до сих пор не видели.

Пустую лодку я перегнал, обогнув “нос”, к избе. Выяснилось, что толкать с кормы теперь я могу и что для хода лодки это легче, чем с носа. Все же на сливе у самой избы я так основательно застрял, что, работая изо всех сил, наконец вывалился из лодки и принял ванну.

Из воды часто выпрыгивают хариусы, и нет-нет да и вывернется здоровенная семга, подлетит на полметра и громко бултыхнет опять в воду, расплескав всю речку. Во время заплывов такие упражнения семги нередко заставляли нас вздрагивать и оглядываться.

В данном районе превосходные галечники, на которых встречается масса растений. Тут и огромные деревцеподобные ангелики или дудник, и похожая на дудник архангелика, также из

66. Берег Полты с галечником, зарастающим травами.

зонтичных, и вероника длиннолистная с султаном синих цветков, и подмаренники: мягкий и северный с мелкими, но обильными звездочками белых цветков, валериана, погремок большой, названный так оттого, что когда у него вызревают семена, они гремят в плодовой коробочке, как погремушка. Здесь и смолевка-хлопушка, и гвоздика пышная, белозор и мать-и-мачеха и много других.

Рис. 17.

Через три дня мы решаем выступить пешим ходом на речку Точилиху в 25 км отсюда.Долго изучаем карту-кварталку – как туда пройти. Судя по карте, наиболее удобный путь туда – по просекам и дорогам, а обратно по берегу. Это дало бы нам возможность посмотреть и водораздел и пойму Полты.

Поиски лесной дороги (18 августа).

Леший крал дороги в лесу да посвистывал, –
тешил мохнатый свои совьи глаза.
(А.Ремизов, “Купальские огни”).

Закончив сборы и выпив традиционный “напутственный чай”, мы тронулись на Точилиху. Погода благоприятствовала нам, т.е. дождя не было, но было облачно и солнце щадило нас,хотя и недолго. Масштаб мы рассчитали плохо. Поэтому проскочили дорогу, на которую следовало свернуть, и ударились по старой дороге с гнилой лежневкой на юг вместо запада. Однако скоро спохватились и остановились посреди болотца на остатках лежневки обсуждать ситуацию. Затем я прошел еще с километр вперед, но ничего обнадеживающего не увидел, зато вспомнил, что как будто мы проходили какую-то неясную тропу. Решили вернуться. Дорога все время шла в березовом мелколесье, которое местные очень метко называют вичник. Пробираться сквозь этот вичник – дело очень хлопотное. Он простирается, сколь видит глаз с дерева. Среди вичника немыми великанами поднимаются черные и безобразные остатки лиственничных стволов и целые лиственницы,, погибшие или погибающие. Несколько раз я влезал на старые деревья, которые жалобно скрипели при этом.

67. Заросли березового вичника с трупами и полутрупами лиственниц за Полевой избой.
68. За несколько десятилетий лес не восстановился и не похоже, что восстанавливается.

В середине дня стало жарко. Появились тучи мошки, которые лезли в глаза и постоянно тыкались в намазанное лицо. Стоит сделать вдох открытым ртом, как мошка оказывается в гортани, вызывая тем неприятное першение. Попадая под веки глаз, мошка шевелится там препротивнейшим образом. Последнее время мошка появляется не только в солнечную погоду. Для нее главное, чтобы было тепло, а сейчас как раз потеплело, на ночь мы не топим

печку. В избе день и ночь стоит комариный гул. Спим, закутавшись с головой в брезент.

Возле большого болота, которое мы пересекали, краснел старый сосняк. Само болото заросло карликовой березкой и низкими ивами. Неожиданно посередине болота обнаружился муравейник.

69. Сфагновое болото на водоразделе.

Когда вернулись к нужной дороге, то выяснилось, что всего лишь в 400 м находится Полевая изба и что уже 6 часов вечера. Посему решили завтра начать все сначала, а пока еще раз походить по понравившемуся лугу с грибами. На лугу собрали множество насекомых, обратив внимание на особенное обилие мускусных усачей.

В избе все так же стоял звон тысяч комаров. Вечером похолодало и на улице у костра не было ни одного комара. Над рекой и лугами повис густой, молочный туман. Солнце село, раскаленное докрасна, и стареющая луна медленно выдвинулась из-за берез позади какого-то ветхого сарая. Позднее вокруг месяца расплылась белая “рубаха”. Слышно, как в речке, словно падающие камни, барахтается рыба прогнозируя погоду не в нашу пользу; но туман на нашей стороне. Посмотрим, что более оправдается.

Выход к высоким скалам (19 августа).

На заре охотник, опьянен лугами,
Дышит изумленно вечером багряным,
Восхищенный, вскрикнет вместе с журавлями
И опять упьется травным океаном.

(Борис Садовской)

Туман оказался более верной приметой. С утра светило солнце. Мы отправились по уже знакомой дороге, свернули, куда полагается, и скоро разочаровались. Дорога вышла на пожню и словно растворилась в ней. Но, наконец, мы нашли ее на другой стороне пожни. Эти тропообразные дороги местами настолько невыразительны, что стоит сделать два шага в сторону и дорогу вновь нужно искать, в основном, по дальним ее просветам. Дорога привела нас к другой, едва заметной тропе, которую оконтуривали две однобревенчатые линии по краям. “Наша” дорога кончилась. Во всяком случае мы потеряли ее из виду, а для того, чтобы убедиться, что ограниченная бревнами тропа – все же тропа, а не что-нибудь иное, мне пришлось пройти вперед, оставив Анку, чтобы не потерять место исчезновения тропы. Скоро я подошел к разрушенному мостику через болотину и покричал Анку. Вскоре дорога стала совершенно четкой. Лишь кое-где в густом вичнике приходилось быть внимательным. Но местами и здесь тянется своеобразный коридор. Через болотистые места дорога ведет по остаткам лежневки. Бревна лежневок настолько сгнили, что без риска сломать ногу ходить по ним невозможно. Это – все довоенные лесовозные дороги. Три километра дорога вела на юг, затем повернула на восток, что нас совсем не устраивало. По-видимому, это была лесовозная дорога на Пинегу, но в наш расчет не входило возвращаться туда пешком. Пришлось вернуться тем же путем, так как продираться сквозь

вичник с рюкзаком почти невозможно. У Анки совершенно изможденный вид, хотя она мужественно продирается сквозь заросли, тяжело дыша открытым ртом.

К превеликому огорчению, вчера в погоне за насекомыми я потерял компас, и теперь мы ориентируемся по часам. Выйдя к берегу Полты и не встретив больше никакой дороги, решили идти вдоль реки. Казалось странным, что двигаясь так долго на юг, мы не пересекли дорогу на Точилиху, показанную на карте, хотя до нее было не более 1 км. Следовательно, эта дорога заросла нацело.

Неожиданно мы вышли на берег Полты, незнакомый нам. В нескольких сотнях метров на противоположной стороне реки виднелось огромное обнажение гипса, явно такого же характера, как на Сотке, т.е. то, что мы так хотели увидеть за весь путь по Полте. Величественная панорама вызвала приятный зуд прежних соткинских впечатлений и предвкушение нахождения арктоальпийцев. В бинокль хорошо видно, что такая возможность налицо. Мы решили, однако, не бросаться туда сейчас, поскольку найти обнажение снова на обратном пути не представляло трудности.

70. Высокие гипсовые обнажения на Полте, не подмываемые рекой.

Через 300-400 м такие же скалы виднелись на нашей стороне. Поные воодушевления, мы двинулись туда бодрой рысцой. Скоро мы ступили на закрепленную осыпь и при первых же

71. Обнажения, подмываемые рекой, в районе 85-го км Полты.

шагах по ней увидали все, что мечтали найти: иву сетчатую, дриаду, дремлик, тофиельдию.

72. Дриада восьмилепестная на гипсовых скалах на Полте.

Скалы тянулись вдоль реки огромной грядой. Сверху вниз они были изрезаны расщелинами и в верхней части походили на колоссальную гармошку. Среди них выросло довольно много

Рис. 18.

больших деревьев, в основном сосен. От соткинских скал с красноватыми оттенками эти с первого взгляда отличались однообразным серым цветом.

Жара, томившая нас с самого начала, мошка, приводившая нас в исступление – все отступило на задний план при том душевном подъеме, который мы испытали. Это то самое сладостное ощущение первооткрывателей, из-за которого случаются грандиозные скандалы по поводу приоритета – кто открыл первый? Одна из таких историй касается открытия Северного полюса, когда было исписано много бумаги и использовано много косвенных доводов, а заодно и крепких выражений, как в адрес Фредерика Кука, так и Роберта Пири. Но мы не претендовали на такую значимость. С нас было довольно интересных видов, до нас здесь не найденных, и то лишь потому, что сюда не добирались ботаники.

Решено, что я возвращаюсь и пригоняю лодку, чтобы подниматься выше, где, вероятно, встретятся и другие высокие скалы. Обратный путь при наличии лодки будет облегчен, а со временем мы теперь должны очень считаться. Нужно сочетать быстроту и эффективность поисков.

Пойма заросла травой по грудь высотой. От обнажений на противоположной стороне когда-то отвалился огромный кусок скалы и вылетел на середину Полты, где теперь сияет белизной. По галечнику идти – сплошное удовольствие. От берега впереди по ходу то и дело срываются утки и отлетают метров на 200-300.

Через час с небольшим быстрого шага показалась изба. К этому времени я уже раскис от жары и мошкары, но, подкрепившись “дегтярным” чаем из фляги и покурив на скамеечке на берегу Полты, пришел в норму. Солнце тем временем скрылось за серые сплошные облака, и пахнуло прохладой.

Вычерпав из лодки воду, яоттолкнулся от берега и начал гнать лодку, толкаясь теперь с кормы. Четыре раза тащил лодку через перекаты и с упоением плыл на плесах, придя к убеждению, что подобная прогулка в вечернее время, при нежарком боковом солнце сквозь облака, на фоне изумительных пейзажй таит в себе прикосновение к поэзии Природы.

Ночевать устроились в уютной нише среди обломков гипса величиной с легковой автомобиль. Утром перед нами показался на камне бурундук и несколько секунд изучал – кто мы такие. Надо сказать, что по происхождению бурундук является сибиряком, поэтому он как бы дополняет сибирский оттенок пинежской флоры.

Наше внимание привлекли также крупные насекомые облика шершня с торчащим сзади, словно вставленная соломинка, яйцекладом. Эта их особенность отражена в их названии – рогохвост, в данном случае большой еловый. В отличие от других здешних перепончатокрылых, рогохвосты совсем не пугливы. Они словно сознают, что бояться им некого, так как прочие существа боятся их. Видок у них, действительно устрашающий, особенно когда они двигают жвалами, которыми они способны прогрызть свинцовую пластинку. Яйцеклад рогохвоста – это не трубка, а сложенные створки с пильчатыми краями. Двигая ими, самка пропиливает в древесине, в том числе мертвой, а может быть и чаще в ней, чем в живой, дырочку до 2 см глубиной, в которую откладывает яйцо. Имеются сведения о том, что самка имеет специальный карман, в котором она носит споры грибов. Устраивая свое яйцо, самка запускает в дырочку и споры, вызывающие красную гниль древесины, распространяющуюся по ходу, прогрызаемому личинкой. Эта гниль, по всей видимости, способствует питанию личинки. Примечательно, что на всю процедуру самка большого елового рогохвоста затрачивает 10 минут, а личинка живет в сухой, мертвой древесине, прогрызая ходы, до нескольких лет. Обилие стоячих трупов деревьев в данном районе обеспечивает этим рогохвостам вольготную жизнь.

Внимательный осмотр гряды показал, что некоторых соткинских видов, например тимьяна или камнеломок, здесь нет. Стало очевидно, что гипотеза, объясняющая наличие арктоальпийцев на скалах Пинежья холодным воздухом, происходящим от холодной воды, несостоятельна. К тому же, для тимьяна холод как раз противопоказан. Для него главное, чтобы было сухо и тепло. Значит, тимьян сюда просто еще не добрался, несмотря на прошедшие тысячелетия.

Если в Сотке вода действительно чудовищно холодная, то в Полте она вполне обычная, иначе мы не могли бы сюда добраться нашим способом. Однако между высотой скал и набором растений на них существует некая связь. Иначе почему бы арктоальпийцам не обитать на тех скалах, что встречались нам ранее. Только через несколько лет, когда я работал на Чукотке, эта связь вдруг приобрела совершенно четкий экологический смысл. Стало ясно, что набор растений связан с площадью однородных по условиям среды участков. Чем больше эта площадь, тем среда обитания устойчивее и, таким образом, она способствует выживанию редких видов, давая им возможность производить семена. Площадь скал связана с их высотой, т.е. чем больше высота, тем больше и площадь. На ней больше различных микроучастков, т.е. среда обитания разнообразнее. Все это отчетливо прослеживалось на Полте.

Сами гипсы приводят в изумление своими формами и их сочетанием. Иногда встречаются выступы с дырой, непонятно каким образом образовавшейся. Много таких мест, в которые не добраться без альпинистского снаряжения, а там, на небольших уступах, словно на балкончиках, видны скопления растений. Вдруг среди них есть что-то, еще не найденное?..

72а. Уступ со скоплением арктоальпийцев.
73. Отслаивание гипсов от стенки.
74. Верхняя часть обнажений.
75. Вид со скал вверх по реке.

Среди гипсовых скал (21 августа).

Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе.
(Дж.- Г. Байрон)

Полдня мы изучали этот скальный массив, стараясь осмотреть каждый выступ, заглянуть в каждую расщелину. Затем отчалили в путь вверх по реке. Пролетела желна, села на сухую лиственницу и закричала протяжно, к дождю. Но дождь был маленький и непродолжительный.

За пять часов плавания прошли много сливов. Некоторые из них были столь сильны, что требовались все возможные усилия, чтобы устоять на ногах. Это были уже не шуточные пороги, какими казалтс теперь пороги ниже Полевой избы. Вода ревела в камнях, и в каскадах брызг казалось временами, что сейчас все рухнет, т.е. рухну я и тогда лодку вместе с Анкой расшибет о камни. Было несколько щекотливых мгновений. Как будем спускаться, мы старались пока не думать. Нам не пришло в голову сделать хотя бы один снимок ревущих порогов.

Обнажения встречались часто, большие и малые, подступающие к самой воде и виднеющиеся за полосой леса, изрезанные сверху вниз или поперек, покрытые грандиозными глыбами гипса или известняковой и доломитовой

щебенкой. Некоторые обнажения были заросшие лесом, другие напоминали бастионы могучих крепостей, грандиозно вырисовываясь тусклыми красками в лучах заходящего солнца и превращая в ничтожество и речку, и двух жалких существ, ползущих, как тараканы, вверх по ней.

76. Виды гипсовых обнажений.
77. Отдаленные от реки обнажения. Между ними и рекой косимый пойменный луг.

Между выходами гипсов склоны к реке обычно крутые и покрыты лесом. Можно, однако, не сомневаться, что гипсы залегают здесь не глубоко и, если бы река начала подмывать склон, то вскоре и лес исчез бы, и гипсы появились бы во всей своей красе.

78. Крутой склон к реке без выходов на поверхность гипсов.

В этот день мы выходили на берег для осмотра растительности мало, оставляя это занятие на обратный путь. Теперь стало понятно, что мы прибыли в наиболее возвышенную часть Беломорско-Кулойского плато и поэтому можем восхищаться высоченными скалами.

На краю одних обнажений уже поздно вечером расположились на ночлег. Пахло свежестью бора. Мозоли на руках полопались и нещадно саднили, так что рубка дров стала равносильна пытке.

Утром тщательно осмотрели окрестности стоянки и собрали новые растения для гербария. Заодно выяснилась любопытная деталь: у арктоальпийских кустарничков с мощными шнуровидными корневищами, иногда стелющимся по поверхности земли, оказалось очень мало растущих корешков, которые мы специально искали для последующего определения числа хромосом.

До сих пор нам казалось, что дриада и толокнянка альпийская не растут на одних и тех же обнажениях или, по крайней мере, близко друг от друга. Здесь мы видим, что ошибались, точнее, имели дело со случайным явлением, которое чуть было не приняли как закономерность.

К полудню гипсы разогреваются солнцем и от них струятся запахи сухого дерева и каких-то смесей камня, почв и растений. Но пора браться за шест. Плыли до самого вечера в надежде добраться до Точилихи, но шли часы, а мы еще не могли доплыть до речки Черной, впадающей в Полту. Целый день встречались утки разных видов, но стрелять по ним часто было некогда. Особенно обычны гоголи, которые “уныривают” и пропадают. Вероятно, где-то под нависшим берегом они появляются на поверхность воды или, по крайней мере, выставляют из нее нос.

В одном месте, 90-92 км, обнажения виднелись лишь в некотором удалении от реки, а к реке подступали невысокие песчаные террасы – с одной стороны с бором, с другой – с березовым мелколесьем на беломошнике.

Проплыли столб с отметкой 100. Значит, мы прошли за все время 80 км, а на 99-ом км обнажения кончились.

В последние минуты сегодняшнего заплыва совершенно незаметно появилась речка Черная, которую мы приняли было за заводь. Немного проплыли по ней, но путь преградил завал из валунов. Эта речуга имеет всего

3 м ширины и медленное течение черной воды. Вероятно, она течет из болот, а здесь пересекает сумрачный ельник.

Мы вышли обратно в Полту и на противоположном берегу увидели старую замшелую крышу. Это оказалось типичное охотничье жилье. Очень низкая изба была срублена из бревен в обхват, с низким чердаком и слабо двухскатной крышей. Дверца в избу двухстворчатая, как у шкафа, на деревянных штырях. Проникать в избу нужно, сложившись, как перочинный нож. В избе одно окно с куском стекла и с заткнутой моховой подушкой бесстекольной его частью. Лавка. Печь-каменка. Вокруг избы высится темный ельник с мягким ковром мхов. Такой лес называют дремучим и он действительно неспокойный. Где-то рядом кричит сыч, недалеко визжит неясыть. На противоположном берегу кто-то трещит уже в темноте сучьями. Потом что-то страшно плюхается в воду и бултыхается в ней.

79. У таежной избы против устья речки Черной.

Возвращение на Полевую избу (25 августа).

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер, день погас.
Покинем рощу, где для нас
Часы летели, как мгновенья!
(Шарль Мильвуа).

Рано утром я поплыл один дальше, чтобы убедиться в отсутствии скал выше по реке. Она была все время спокойной, и к берегу постоянно выходили еловые леса – произнак того, что гипсы здесь залегают довольно глубоко. И действительно, даже на речных галечниках не было кусочков гипса, но лишь окатанные куски гранитов, гнейсов, кремня и разных незнакомых минералов, а также халцедоны.

Вернувшись через 2,5 часа, высадился на противоположном берегу и пошел пешком по р. Черной, собрав кое-какие растения, и в том числе молокан сибирский с синими "ромашками". Затем осмотрел лес близ избушки. Анка тем временем набрала черники, которой тут было огромное количество, и, положив в нее мешочек из-под сахара, впитавший в себя немало бывшего содержимого, сварила отличный кисель. С продуктами мы явно просчитались, и на завтра остаются лишь крошки от сухарей, в то время как огромное количество их лежит в Полевой избе.

В пять вечера в обратный путь. Вскоре приметили плывущего гоголя и после выстрела заключили, что мы с утятиной. Но не тут-то было. Гоголь нырнул и, как ни в чем ни бывало, появился немного дальше. После второго выстрела он, наконец, попал на ужин.

Опять пошли скалы. Теперь я вылезал и проходил их зигзагами, чтобы побольше увидеть. На одних скалах нашлось маленькое растение из семейства орхидных – пололепестник, также принадлежащий к компании арктоальпийцев. Пока я ползал по скалам , заглядывая во всякие

Рис. 19.

дырки и расщелины, Анка делала карандашные рисунки. В дырки же заглядывать совершенно необходимо, так как только в них могут сидеть некоторые растения, которые любят влажный воздух, например папоротничек – пузырник ломкий. Из дырок тянет леденящим холодом,но пещер нигде не заметно.

Проходить пороги оказалось не только не страшно, но даже приятно; нужно было лишь следить, чтобы не удариться о камень, за прямым положением лодки.Выяснилловсь, что даже когда лодка мчится, как олень, на камень – ничего страшного, если она стоит точно по течению: оно обогнет этот камень вместе с лодкой. Теперь река работала на нас, а не против нас. Местами можно было праздно сидеть и смотреть по сторонам, как из окна поезда. Однако стоит только замечтаться, как слышится жуткий скрежет и мы сидим на мели. Приходиться вылезать и тужиться, что есть сил, да еще и молить провидение, чтобы у лодки не оторвалось днище или не образовалась дыра, через которую можно рассмотреть дно реки.

Когда мы уже закончили трудовой день и вкушали блаженство покоя у костра, внезапно задул шквальный ветер и покоя как не бывало. По небу помчались густо-лиловые тучи, и через несколько минут разразилась гроза. Хлынул ливеньи залил костер, как из ведра. Мы нашли елку погуще и, натянув брезент, стали ждать конца разгула стихии. На противоположном берегу старые ели, казалось, пустились в фантастический пляс. Где-то рядом с нами послышался долгий жуткий треск и повалилось дерево. В соседних скалах посыпались камни, и лавина докатилась до реки. Мы оязгали зубами от холода, но были довольны тем, что вода прибудет, река поднимется и многие мели не вызовут беспокойства. Через 20 минут громыхнуло последний раз и дождь вылился весь.

Утром светило солнце. В гости пожаловали синички гаички, с любопытством и циканием рассматривавшие нас. В этом районе, выше Полевой, птиц довольно мало и они совсем неприметны, поэтому так приятно видеть бродяг гаичек. Правда, нельзя сказать, что в этом районе мало уток. Они то и дело взлетают впереди нас, словно давно нас поджидали. Многие утки летят через лес, что и не удивительно. С высоких скал часто можно видеть другие скалы, но совсем не в той стороне, куда течет Полта. Где-то река сделает крутой поворот и приблизится к ним. На своем пути мы выписываем много “кренделей” вместе с рекой.

На наиболее возвышенных участках, где гипсы залегают поверхностно, встречаются мощные лиственничники. Вблизи кажется, что они служат коллонадой небесного свода, столь грандиозное впечатление они производят. Однако набор видов в них бедный и неинтересный.

80. Колонный лиственничник на гипсах на наиболее возвышенных участках.

Поодаль от реки можно придти к болту на месте полностью затанутого озера. Деревья на таком болоте не растут, но много карликовой березки и морошки. Ягоды морошки сейчас переспелые и сами тают во рту. Правда, их мало, так как на них все же хватает охотников из лесных обитателей. На некоторых подобных болотах почва уже настолько крепкая, что и следы лося заметны нечетко. Лоси здесь обычнейшие животные, хотя на глаза они стараются не показываться. Однако следы и их “орешки” видны всюду. Много встречается

и их погрызов, особенно зимних, на коре, где видны следы зубов. Лоси прокладывают отличные тропы, коими мы охотно пользуемся при экскурсиях.

К вечеру мы прибыли на Полевую избу. На этот раз дождь нас пощадил,, хоть то и дело приходили и уходили фиолетовые, сиреневые и лиловые тучи. Основательно налившись чаем и съев по килограмму сухарей, мы чувствовали себя дома.

Вчера я съездил на те обнажения, которые мы увидели первыми.Ничего нового на них не нашел, но тем не менее, был удовлетворен осмотром, а затем наслаждался прекрасным видом из лодки. Подо мной была хрустальная глубина омута, в которой медленно парили хариусы, таращившие глаза – что за штука висит над головой. Стоит, однако, слегка шевельнуться, как хариусы исчезают, как молнии. Наконец, бросив последний взгляд на скалы, я выхожу на стремнину, и она подхватывает лодку как щепочку. Но это до ближайшего плеса, где, если не толкаешься, то и не плывешь. Ветерком прибьет к берегу и загонит в заросли нардосмии или хвоща.

Камышиный стебель на стремнине кланяется и кланяется. Зачем он только вырос в такой обстановке, где нужно всю жизнь кланяться?! Бесчисленные зонтиковидные листья нардосмии под напором легкого ветерка слабо шевелятся – словно пробегает ярко-зеленая волна. Рядом с нардосмией стройными тростинками колышутся речной хвощ и осока.

Из-за поворота показывается приречная низина с серыми развалинами. Нужно прощаться, наверное, до будущего года.

Совместно со струями (27 августа).

Словно жалкий клич русалки
Звонко стонет глубина.
Это волны, скорбью полны,
Мирно плещут вкруг челна.
(Генрих Гейне, “Чайлд Гарольд”).

Вчера прибыли на Горшок. Река сильно обмелела, и теперь пороги стали более живописными и постоянно держащими в состоянии напряженности. Зато хорошо тянет и все бы прекрасно, но из-за спада воды мы довольно часто оказываемся на мели. Два дня стояла мрачная, холодная погода. При посадке на мель вылезать в воду не очень-то хочется и мы стараемся протолкаться шестами, уверовав, что днище лодки выдержит.

Уже налицо признаки осени. В кронах берез появились желтые пряди; не слышно птиц, за исключением трясогузок; стрижи исчезли; многие растения отцвели и уже рассеяли семена. Однако многие еще цветут; правда, они уже не успеют образовать семеная.

Обратный путь нам кажется старым знакомым – всплывают всякие мелкие воспоминания, вызванные то заросшим осокой островком, то странной формы деревом, то песчаной косой с какими-то размытыми следами.

Во многих местах мы выходим и смотрим растения. Выяснилось, что дриада и жирянка альпийская встречаются и ниже Полевой избы на совсем невысоких склонах к реке с

81. Жирянка альпийская – растение хищник.

выветрелыми серыми гипсами. Если бы мы сошли здесь на пути вверх, то наша радость по поводу дриады произошла бы на несколько дней раньше. Семена дриады и жирянки попали сюда каким-то образом сверху, вдоль реки. Может быть, они приехали на льдине во время ледохода, а здесь оказались на берегу, обсохли и ветерком их задуло повыше. Пути расселения растений неисповедимы.

Просмотрев 80-ый км Полты, мы имеем теперь некоторое представление и о рельефе, и о растениях, и о связи их с рельефом. Мы пытаемся представить историю формированиярельефа за последние десятки тысяч лет, нанизывая соображения на стержневую идею – движение ледника. Стало ясно, что в районе высоких скал местность резко поднята метров на 50-80. И там гипсы выходят на дневную поверхность наверху и в удалении от реки. Это на них стоят "колонные" лиственничники. Их не покрывают суглинки, как ниже Полевой избы. Поэтому можно думать, что в период последнего, самого маломощного оледенения там не было льдов. Они обтекали наиболее возвышенные места или покрывали их частично, языками. А вот в районе Горшка льды лежали довольно мощным слоем, на поверхности которого были речки и озера, а в них за тысячелетия отложились осадки, как это происходит и в современных озерах на на льдах, а на земле. Когда льды стаяли, осадки речек образовали длинные узкие гряды – озы, а осадки озер холмы – камы. Один кам расположен вблизи избы на Горшке и, подплывая, мы внимательно осмотрели его. Характерно, что суглинистая толща ледникового происхождения содержит много обломков гипса. Значит где-то ледник обдирал сплошные гипсы, отламывал их куски и тащил их в своем теле вместе с суглинком. Но протащил недалеко, так как обломки совсем не окатанные.

81а. Суглинистая толща, содержащая обломки гипса. Наверху заросли вичника.

Однако в этом районе много моренных отложений и с окатанными валунами не местных горных пород. Эти замшелые каменюги в лесу были свидетелями драматических событий в природе. Откуда они прибыли сюда, нельзя и догадаться. Их привез ледник, может быть, с Кольского полуострова, а может быть, и из Скандинавии. Река подмывает склоны и из них появляются скрытые ранее валуны. При еще большем подмыве они катятся в реку и создают неприятности для плавающих по ней.

На Горшке мы изучаем вырубку, намеченную ранее для описания. Выясняется, что на ней поселилось уже много луговых растений, но еще сохранились и растения ельника, который вырубили лет 20-30 назад. Рядом с грушанкой и черникой, вероятно, помнящих еловый полумрак, сидят гвоздичка-травянка и земляника – более поздние поселенцы. А вот что-то совсем новое – целый букет желтых звездочек. Это , оказывается, лапчатка Гольдбаха и к тому же самое северное ее местонахождение на Беломорско-Кулойском плато.

Выглядывает солнце и сразу становится шире, и сразу становится приятнее. Где-то чивкнула пичуга, обрадовавшись тоже. На нос села паутина. Это странствующие паучки – признак "бабьего лета". Теперь стало мало комаров, а мошка и вовсе исчезла. На земле валяются опавшие лепестки цветков и

нередко вводят в заблуждение – кажется, что это цветет какое-то низкое растение.

На противоположном берегу обширные выкошенные луга имеют удивительно ровный зеленый цвет, в котором вписаны серо-желтые продолговатые стога-зароды. Изба виднеется наверху, словно сказочный теремок. Вернувшись в него, мы зажигаем керосиновую лампу и слушаем грызню мышей.

Последние маршруты (31 августа).

Осень. Осыпается весь наш бедный сад.
Листья пожелтелые по ветру летят.
(А.К.Толстой)

С Горшка отправлялись, когда сыпал мелкий нудный дождь, явно зарядивший на весь день. Вскоре пришлось причалить, чтобы пройти немного вверх по речке Пышеге. Однако сразу стало ясно, что эта речка ничем не отличается от других мелких притоков Полты. В ельнике было довольно темно, так как и день был вообще серый, неуютный. Дальше плыли без остановки до следующей избы, в которой оказались рыбаки. Вечером ели уху из окуней и пили сладкий чай, от которого мы несколько дней уже отвыкали.

Следующие перекаты казались нам после сливов за Полевой избой сущим пустяком. В одной из вылазок попали на огромное озеро с топкими берегами. За озером местность повышалась и виднелись сосны. На нашей стороне был ельник, в котором вдруг впервые встретился воронец. Однако, это был не тот воронец, с которым мы познакомились в Онежском районе. Тот был европейский, с черными ягодами, а этот оказался сибирский, с красными ягодами. Найти еще не встречавшееся растение – большая радость, потому что теперь, когда мы уже выяснили основной состав флоры, попадаются только редкие растения.

В ельнике много уже старых знакомых по другим ельникам. Тут живет кортуза из родства примул, одноцветка, родственная грушанкам с круглыми жесткими листьями. Можно увидеть в ельнике и волчье лыко, иначе волчеягодник или волчник. "Лыком" это растение называется потому, что оно и в самом деле имеет очень прочный луб (лыко). От него очень трудно оторвать веточку. Ягоды у волчеягодника смертельно ядовитые, поэтому, как бы его не называли, обязательно добавляют "волчью частицу". Ядовиты не только плоды, но любые части растения. Между тем, латинское название волчеягодника – Daphne – более романтично. Оно дано растению по имени нимфы Дафны, которая убегала от шаловливого Аполлона, и богиня земли Гея, желая спасти ее честь, превратила Дафну в куст. Аполлону оставалось только нюхать весьма резко пахнущие цветки этого куста. Между прочим, среди северных растений волчеягодник единственный, у которого цветки, а затем плоды, сидят прямо на стебле. Это явление называется каулифлория и свойственно оно, в основном, тропическим деревьям. Каулифлория, например, свойственна шоколадному дереву, из плодов которого добывают какао.

По соседству с волчеягодником в пойменном ельнике можно встретить еще одно растение с мифологическим латинским названием. По-русски оно называется вороний глаз (ничего романтичного!) из-за единственной черной

ягоды, смотрящей вверх. По-латински вороний глаз называется Paris, по имени троянского принца Париса, которому Зевс громовержец поручил решить спор трех богинь: Геры (Юноны), Афины (Минервы) и Афродиты (Венеры) о том, кто из них красивейшая. Каждой из богинь хотелось быть названной так, и каждая что-то обещала Парису. Гера обещала ему богатство и власть, Афина – мудрость и военную славу, а Афродита – прекрасную женщину. Парис выбрал последнее. Афродита сдержала обещание. Она помогла Парису похитить у спартанского царя Менелая его жену – Елену Прекрасную, которую Парис увез в Трою. После этого и началась знаменитая Троянская война.

Вороний глаз имеет четыре листа, которые символизируют Париса и трех богинь. Над листьями возвышается на стебле черная ягода, символизирующая яблоко раздора, которое Парис подарил Афродите, назвав ее красивейшей.

Афродита в римской мифологии то же самое, что Венера в греческой мифологии. Забавно, что в ельниках рядом с вороньим глазом (парисом) растет и венерин башмачок. Другие обитатели ельника лишены божественных названий. Латинское название сныти, например, происходит всего лишь от козьего копытца. Соссюрея названа в честь швейцарского ботаника-физиолога Соссюра, родившегося более 200 лет назад. Звездчатка называется так по белым цветкам, напоминающим звездочки. Валериана произведена от латинского valeo ere – быть здоровым. Селезеночник называется по сходству формы листьев с селезенкой, из-за чего эти листья и использовались в период средневековья как лекарство от болезни селезенки.

В пойменных ельниках растут бок о бок растения с различным распространением. Некоторые из них, например, южные, и севернее их уже нет; другие, напротив – северные, а южнее они обитают только высоко в горах. Одни пришли из Сибири, а другие, наоборот, из центральной Европы. Ельники представляют противоположность тому, что происходит на обнажениях. Там микроклимат совершенно не зависит от полога деревьев, поскольку их нет или очень мало. А в ельниках микроклимат целиком обусловлен этим пологом и может быть назван фитоклиматом. Но что примечательно! На Сотке в ельниках весьма обычен дерен шведский, а на Полте его нигде нет, хотя ельники те же самые, вернее, их разнообразие такое же.

Сделав выход на берег и осмотрев новй участок, мы с удовлетворением забираемся в лодку и плывем дальше, почти не работая шестами. Постоянно заметны гоголи, которые не дозволяют нам потихоньку приблизиться, а ныряют и, если выныривают, то на долю секунды. Моя инертность превышает этот срок и, при всем желании добыть на ужин утку, гоголи остаются в живых.

Целый день нас периодически споласкивало дождичком. В один из таких моментов выглянуло солнце, и над нами прошелестела крыльями стая уток, которая круто развернулась и села впереди. Мы тихо дрейфовали и издали наблюдали, как, быстро плавая, утки набивают зобы среди водной растительности. Однако они сорвались за пределами дальнобойности моего ружья и полетели вдоль радуги.

Шли сплошные ельники, в одном из которых пришлось заночевать. На ночь заготовили штабель дров, который целиком и употребили. Вскоре после традиционного утреннего обхода окрестностей ночлега проплыли столб с отметкой 30. Оставалось 10 км. Начались мелкие выходы гипсов.Несколько из

них мы осмотрели и убедились, что предыдущий осмотр был основательным, так как ничего нового не обнаружилось.

Тихо дрейфуя близ берега, мы вдруг одновременно увидели идущих вдоль воды глухарей, которые настороженно вытягивали шеи. “Курица идет!” – с искренним удивлением выговорила Анка. Тут же я выстрелил, и одна “курица” упала. Остальные разлетелись. Одна перелетела реку и села где-то неподалеку. Мы четко слышали ее тихое квохтанье. Я отправился через речку. Здесь был перекат и вода шумно бурлила в ногах. Приняв ванну до основания ног, я выкарабкался, цепляясь за траву, на берег и вступил в лес, прислушиваясь. Квохтанье послышалось вновь и с нарастающей частотой, т.е. сейчас птица должна была взлететь, а я еще не понял, в какой стороне это произойдет.

Через несколько секунд раздался треск сучьев и хлопанье мощных крыльев. Я выстрелил совершенно машинально, не видя дичь. Однако раздался сильный всплеск и Анка прокричала: “Готова!” Как лось, я помчался через кусты вдоль берега и скоро выловил добычу, которой мне еще не приходилось держать в руках. Здесь было место, где мы утопили патроны и, видимо, лесные духи предоставили нам компенсацию. Патронташ мы, правда, снова поискали, но тщетно.

Погода разгулялась , пока Анка ощипывала добычу, я осмотрел участок соснового бора. Теперь разные варианты растительности были просмотрены во многих местах по несколько раз, сделаны их описания. Последний раз кипятим в закопченной банке чай и двигаемся без остановок до моста, где тоже стоит изба. Близ этой избы, возле лесовозной магистрали растет довольно много сорняков. Сказывается постоянное посещение этих мест людьми. Семена сорняков навозили сюда из Пинеги.

Конец пути (2 сентября).

В моем незнаньи – так много веры
В расцвет весенний грядущих дней;
Мои надежды, мои химеры
Тем ярче светят, чем мрак темней.
(М.А.Лохвицкая, “Жибер”)

Увидев меня в нашей “резиденции” в Пинеге, Валера с Иванычем почкму-то несколько секунд молча смотрели на меня, словно уже получили “похоронную” и теперь не понимают, почему я пришел.

Анка осталась ждать у моста через Полту, когда я вернусь с лесхозовской машиной, но машины не было, а лодку В.Батыгин приказал оставить на Полте. Снова я сижу в лесовозном МАЗе и под гул мощного мотора смотрю на леса и деревни Пинежья. Проскрипел мост над Соткой, затем над Келдой; дорога длинная – 60 км, но наконец лесовоз останавливается.

Только на следующий день оказываемся в Пинеге – центре здешней цивилизации, устраиваем выходной день, т.е. выходим на прогулку до Малетино вдоль Пинеги, чтобы вдохнуть напоследок северную жизнь.

Деревни следуют одна за другой. Пинега переходит в Цыммалу, где стоит маленькая часовня. Белая трясогузка, сидя на бревне, подпускает нас вплотную, вопросительно

82. Часовня над р.Пинегой в деревне Цыммала.

поглядывая. Дальше идет безлесное пространство с одинокой линией электропередачи и воронами на столбах. Мы спускаемся на берег Пинеги и на песчаных отмелях видим крупных черно-белых куликов с яркокрасными ногами и клювами. Это кулики-сороки, которых не было на Полте.Их не было потому, что не было и огромных отмелей, на которых эти кулики обитают. Здесь же отмлеои тянутся местами до середины реки. Пинега обмелела.
В деревне Валдокурье, огороженной многочисленными изгородями, довольно неинтересно. Дома совсем современные; нет никакой старорусской внешности. Бывшая церковь со снятым куполом, превращенная в клуб, видимо, перестраивалась. Сейчас это – весьма несуразное здание. Но в Малетино превосходно. На краю деревни столпились баньки и амбары. Далее следуют огромные черные дома, нередко с монументальным крыльцом. По соседству с крыльцом наклонный настил из бревен, ведущий на второй этаж дворовой пристройки. Неторопливо двигающиеся люди рассматривают "чужаков". Все полно особого очарования суровой и спокойной жизни.
Теперь в Малетино тоже немало свежерубленных домов не по старинному образцу. От деревни дорога идет вверх и там, среди лугов, показываются щербатые белые стены Красногорского монастыря. Рядом старое кладбище с мраморными надгробьями. Монастырские церкви уже полуразрушены. После того как с крыш сняли жесть, они быстро обрушились. Стены обваливаются постепенно, но верно. Только две фрески еще можно кое-как рассмотреть, но им осталось существовать недолго. Красногорский монастырь будет еще долго стоять, разваливаясь по кирпичу. Вероятно, придет то время, когда его развалины станут укором нашему поколению, не проявившему заботы о его сохранности.
Возвращаемся в Малетино, где на крыльце старого барского дома покуривают два мужика. Спрашиваю, нет ли старых книг?..

– А пошли на чердак, посмотрим. Тут много чего есть, а вот про книги не помню…

Пока мы поднимаемся на второй этаж, хозяин поясняет, что они тут живут недавно, занимают только первый этаж. Наследница дома живет в Москве, сюда не приезжает по старости.

Мы проходим большие комнаты, целые залы, заставленные шкафами с красивой посудой и разной утварью. Чего тут только нет. Хозяин открывает резные шкафы и показывает всевозможную одежду. На обширном чердаке под гирляндами веников стоят, словно танки, сундуки, окованные полосами металла. Мы долго роемся в них, обнаруживаем все что угодно, только не книги. Один сундук наполовину набит новыми хрустящими сторублевками 1910г. с портретом Екатерины П. "Во, добра сколь пропало!" – вздыхает хозяин.

Находится всего несколько неразрезанных приложений к журналам уже советского времени. На предложение хозяина брать, что надо, я отбираю умывальник из красной меди с двумя носиками, латунную шкатулочку и такую же кадильницу, стакан из какого-то легкого сплава, на котором

выгравировано имя Kitty (явно времен интервенции). На большее нет места в рюкзаке и хозяин предлагает в следующий раз приезжать на машине.

В сумерках возвращаемся в Пинегу и в Цыммале тьма уже такая, что идти надо наощупь, так как уличного освещения нет. Окна в избах светятся яркими квадратами, словно кроме этих квадратов и тьмы ничего больше нет в мире. С трудом находим дом, указанный нам еще на пути утром, хозяйка которого обещала поискать евангелие. Она уже давно поджидает нас. На столе парит надраенный самовар. Мы пьем чай и слушаем историю жизни пожилой женщины.

– Да куда же вы пойдете на ночь глядя, оставайтесь ночевать! – предлагает она. Удивительно доброжелательный народ на севере! Однако товарищи будут волноваться.

Погода круто повернула на холод. Теперь, едва только вызвездит, пальцы сгибаются с трудом, впору надевать рукавицы.

Поутру на реке в застоявшемся холодном воздухе трещат лодочные моторы. Наш знакомый дядя Степан везет на лодке коз пастись на другом берегу. Козы смирно стоят посередине лодки и смотрят на приближающийся берег. Кругом величавый покой, а мы улетаем в шум и суету.

Под крылом низко лнтящего самолета зеленый ковер, на котором вытканы неровные черные пятна – озера, и тусклые желто-охристые со множеством оттенков и сложным рисунком – болота. Все это переплетается жилами жизни – реками. Вот появляется Сотка. Я расплющиваю нос о стекло и жадно смотрю на высокие красноватые береговые скалы. Мимо проносится дождик. Капли летят почти горизонтально, а повыше висит сияющий диск солнца. Нужно быть поэтом, чтобы выразить то, что видит глаз из окна маленького самолета над северной тайгой. Это – прежде всего краски, притом совсем не яркие; формы словно не существуют. Богатство цветов создается посредством бесконечных соотношений всего нескольких простых тонов. Красочная гармония проста и удивительна, она не утомляет, сколько бы ни смотреть на нее. Она похожа на калейдоскоп, где из одних и тех же немногих элементов возникает бесчисленное разнообразие красочных видений. В переводе на музыку эти краски должны звучать в духе Клода Дебюсси. И, наверное, неслучайно среди множества полотен Васнецова, посвященных сказочным сюжетам, есть картина “Русский север” и написана она в ракурсе сверху, словно из иллюминатора низко летящего самолета. Грустно расставаться, но мы еще вернемся. Дома у нас еще немало дел с определением нынче собранных растений.

Экскурс в систематику растений.

Но, скажите мне по чести,
Не стоим ли мы на месте.
Может все, что есть в природе
Закружилось в хороводе,
Мчится, пролетая мимо,
Мы же сами недвижимы?
(Гете, “Фауст”)

Многие поколения ботаников разглядывали, сравнивали, описывали растения и теперь обнаружить неизвестный науке вид чрезвычайно трудно. Правда, нужно сразу оговорить, что трудно найти хороший новый вид, т.е. четко отличающийся от всех известных ранее. Противопоставление “хороших” и “плохих” видов в ботанической систематике существует официально, т.е. названные эпитеты используют в специальной литературе и все понимают о чем идет речь. Разумеется, что когда ботаник описывает плохой вид, он уверен в том, что этот вид хороший, так как четко отличается от родственников по каким-либо признакам. Потом, однако, выясняется, что в природе имеются экземпляры, плохо соответствующие описанию и эталонным образцам этого “вида”, хотя по всей видимости к нему относятся.

Как бы то ни было, любое из встреченных растений, будь это самая ничтожная травка, принадлежит определенному природному виду. Для того, чтобы выяснить, к какому именно – нужно взять специальную книгу – определитель растений. Сейчас существует много определителей для самых разных территорий. Принцип определения вильчатый или, как говорят ботаники, дихотомический. По специальной таблице вы сопоставляете указываемые признаки с таковыми определяемого растения и шаг за шагом приходите к его названию.

Принцип дихотомии для создания определительных таблиц (ключей) растений впервые использовал шевалье де Ламарк более 150 лет назад. Это было выдающееся открытие и без того великого натуралиста, предшественника Ч.Дарвина, автора “Флоры Франции”. Ламарк искренне радовался, что любой прохожий, пользуясь его определительными таблицами, мог установить название каждого сорванного им растения.

В то время виды понимались не столь узко, как теперь, и трудностей при определении было меньше. В наше время ботаник даже с солидным стажем далеко не всегда может определить растение по существующим ключам. Довольно обычна также ситуация, при которой ботаник хорошо знает растение, но, когда он пытается добраться до его названия по ключу какого-либо “определителя растений”, то из этого ничего не получается. Ключ оказывается никудышным и это не случайно. При все более дробном понимании вида его составить не так-то просто.

Что же такое дробное понимание вида?

Для ответа на этот вопрос нужно, конечно, сначала выяснить, что такое вид. Как это ни странно, но безукоризненной формулировки понятия “вид” до сих пор не существует, хотя предлагалось таких формулировок немало. Наиболее существенный момент в толковании “вида” – генетический. Под видом понимается совокупность особей способных свободно скрещиваться между собой и давать плодовитое потомство, но не скрещивающихся с особями других видов или, если это возможно по каким-либо причинам, оставляющих в результате бесплодное потомство.

Подходить к растениям с генетической меркой довольно неудобно, особенно впопыхах. Поэтому ботаники привыкли судить о виде по степени внешнего сходства растений. Однако по мере накопления материалов выяснялось, что считавшиеся прежде сходными растения все же различаются. Это и породило дробность в отношении видов и путаницу в науке. Виды природные стали отличаться от видов систематиков. Обычно первые включают несколько вторых.

Дело в том, что свободно скрещиваются растения с довольно несходным обликом. Такие же растения вырастают из семян, образовавшихся на одном растении. Это полностью исключает их отнесение к разным видам. Но ботаники не сидят и не ждут, что вырастет из семян одного растения. Если в одном месте находятся рядом одинаковые во всем растения, но у одних цветки желтые, а у других – синие, то редко у кого возникнет подозрение – а не один ли это вид, только в разных формах! Ведь из того, что эти растения находятся в одной общине вовсе не следует, будто желто– и синецветковые экземпляры могли развиться из семян одного растения. Проще считать, что желтые появились от желтых, а синие – от синих.

Еще один пример касается характера края листа у одного вида уже упоминавшихся дриад. Среди одинаковых растений, произрастающих рядом, в одних и тех же условиях иногда имеются экземпляры с зубчатым краем листа и с цельным (не зубчатым). Те и другие издавна приняты за разные виды, потому что в других районах встречаются либо только зубчатые, дибо только цельнокрайние.

Природа сама изредка ставит эксперимент и помогает исследователю понять, что скрывается в области недоступной глазу и проявляется во времени. Случается, что сидело растение с зубчатыми листьями на сухом склоне и спокойно подрастало. Но вешние воды вдруг его подмыли и перенесли на другое место, где не столь сухо. Растение снова укоренилось и продолжало расти. Однако теперь на нем формировались листья с цельным краем (незубчатые). Получается, что вид переродился, причем на том же корне. С точки зрения Т.Д.Лысенко и представителей его “школы”, такая ситуация возможна, но образованный биолог скажет: граждане, так не может быть, потому что для каждого вида присуща своя и только своя генетическая основа; у честной женщины не может родиться русалка или сатир, таков закон природы.

Многие современные систематики, в том числе рьяно критикующие Лысенко и иже с ним, фактически придерживаются его взглядов. Для них главное – найти какие-либо различия среди сходных растений и тогда из одного растения можно сделать два, а то и три, как получится. Такая ситуация складывалась десятилетиями. Ее особенно поддерживали люди, работающие, в основном, с коллекционным материалом в удобных помещениях, а не в природе, на сырости, ветрах и комарах. За последние десятилетия, в соответствии с духом времени, в нашей стране ботаника развивалась по линии липовых описаний растений. Скажете, зачем это нужно? Да за тем же, что и приписки на производстве в недавнем прошлом или телеболтовня всевозможных “демократов” новейшего времени, – для престижа, звания и вытекающей отсюда зарплаты. Выделение новых видов стало самоцелью, и появилось немало публикаций, в том числе определителей растений, пользоваться которыми невозможно. Положение усугубляется авторитарностью, если и не подавлением инакомыслия в последнее время, то полным игнорированием новых веяний в систематике, которые ее естественно усложняют и требуют значительных полевых наблюдений, а не только изучения гербария.

Не много лучше и в зарубежной ботанике. Известный американский ботаник Эдгар Андерсон еще в 60-х годах сказал, что “систематики – это крысы, которые прячутся за гербарные шкафы и ненавидят друг друга”. Сказано очень точно. Когда у людей не хватает аргументов для отстаивания

своих убеждений, они нередко ступают на скользкую стезю эмоциональных отношений по принципу голого короля: не видишь, значит, дурак. В этом ярко проявляется стереотип мышления, согласно которому систематика существует сама по себе и ее задача, как выразился Эрнст Майр, заключается в простом распределении коллекционных экземпляров по коробкам. Многие книги Э.Майра, переведенные на русский язык, послужили могучим стимулом для нового понимания систематики, являющейся в сущности синтетической наукой. Однако такое понимание появилось, в основном, у зоологов, а в ботанике продолжает существовать “гербарная” систематика, т.е. оторванная от природы.

Между тем, современная систематика немыслима без генетики и экологии, связывающими ее с эволюционным процессом, происходящим непрерывно на Земле. В ходе этого процесса увеличивалось разнообразие таксонов, т.е. видов становилось все больше. За счет чего?

Возникновение генетического механизма на Земле, очевидно, связано с уравновешиванием старого и нового, консерватизма и изменчивости. Этот механизм основан на слиянии мужских и женских половых продуктов, имеющих каждый порознь половинный набор хромосом. Как правило, сливаются половые продукты организмов одного и того же вида. При слиянии восстанавливается полный набор хромосом, содержащий генетическую программу развития организма. Каждая хромосома представляет собой густой свиток нитей ДНК, которые и являются программой. В рабочем состоянии хромосома исчезает, распускаясь на отдельные нити ДНК, которые выполняют свою основную функцию – “штампуют” матрицы для производства структурных и функциональных белков, за счет чего и осуществляется жизнь организма. Части нити ДНК, производящие матрицы для конкретных белков, называют генами.

Основа генетической программы, заложенной в ДНК, нерушима, но в деталях могут быть различные нюансы, привносимые как материнским, так и отцовским началами. Поэтому формируется разнообразие организмов одного вида по каждому признаку. По хорошо заметным из них выделяются формы. Например, при полном сходстве всех частей растений среди них могут быть формы с голыми и опушенными листьями. Зачем же нужно разнообразие форм?

Среда обитания очень непостоянна, т.е. в каждом месте в каждый промежуток времени имеется какая-то особая комбинация экологических факторов. Любому же растению требуется для оптимального развития определенная среда. Следовательно, чем больше разных форм содержит вид, тем большее число участков с разными комбинациями факторов может он заселить. При изменении климата богатый формами вид окажется более устойчивым, чем бедный ими. Какие-то формы его сохранятся, тогда как другие исчезнут.

Разнообразие внутри вида является предпосылкой дифференциации этого вида, т.е. из него может выделиться со временем особый вид, а то и несколько. Увеличится видовое разнообразие. Принято думать, что формирование вида у растений происходит за очень длительные промежутки времени (порядка многих десятков или сотен тысяч лет). Это убеждение основано на находках остатков современных растений в слоях пород, отлагавшихся в далеком прошлом. Такие находки – хорошее свидетельство возраста конкретных

видов, но они не дают возможность судить о возрасте всех существующих видов.

Обособление нового вида – процедура неоднозначная. В ней много разных особенностей. Однако основной путь заключается в изоляции части популяции и накоплении в ней мелких отличительных признаков, обусловленных мутациями в генах, что сразу сказывается на соответствующем белке. Когда отличий накапливается достаточно много, изолированная популяция уже не скрещивается с исходной популяцией, если они вновь соприкасаются. Это и означает, что возник новый вид.

Бывает, однако, и так, что популяция была изолирована, в ней образовались новые формы, а способность к скрещиванию с исходной популяцией не была утрачена. Или другой вариант. В пределах обширного непрерывного ареала, например, во всей Евразии, у растений имеется потенциальная возможность скрещиваться. Фактически же скрещиваются лишь соседствующие растения, и пока гены с запада Евразии доберутся на восток, пройдет немало времени. Тамошняя популяция может приобрести отличия, которые не позволят ей вступать в половую связь с экземплярами, имеющими западное влияние. Обнаружить в природе границу, на которой происходит подобная непреемственность, очень сложно, если вообще возможно.

Среди птиц, согласно Э.Майру, установлены виды-двойники, т.е. внешне ничем не различающиеся. Он упоминает, в частности, о таких видах среди дроздов. Самка не может отличить самца своего вида от самца другого вида, пока тот не свистнет. О реальном существовании двух видов, различающихся только голосом, судить, по-видимому, рано. Может быть в данной ситуации наблюдается только предпочтение одного пола другим, основанное на вторичном признаке.

В растительном мире видов-двойников не известно, как не установлена и активная их предпочтительность по каким-либо неприспособительным признакам. Мы знаем, что растения молчаливы, но ведь обмен сигнальной информацией осуществляется множеством способов. Если когда-то будет обнаружено информационное взаимодействие растений, то это не должно вызвать крайнее удивление.

Пока мы, однако, принимаем, что все процессы среди растений имеют абсолютно вероятностный, а не сколь-либо направленный характер. Но из разного рода вероятностей, случайностей складывается удивительно гармоничная картина растительного мира, потрясшая еще древних.

Случайность лежит в основе существования каждого организма. Ведь спермий, обусловивший его существование, мог махнуть хвостиком и внедриться в другую яйцеклетку. И тогда появился бы другой организм. Случайность определяет развитие зародыша (находящегося у растений в семени). Попадет семя в необходимые условия обитания, зародыш разовьется, а не попадет, зародыш погибнет до начала развития. Чтобы снизить фатальность такого исхода, природа выработала особый механизм, гарантирующий сохранность зародыша в постоянной среде – внутриутробное его развитие. Но это у высших животных. Судьба растительных зародышей, как и сотни миллионов лет назад, – в руках провидения.

При благоприятном стечении обстоятельств зародыш в семени развивается; скушав предназначенные для него запасы, и запустив корешок в почву, а листочек в воздух, начинает самостоятельно питаться, черпая из земли, из воздуха и из солнца. Но и тут он не застрахован от случайностей. Ему может

быть холодно или сыро, его может съесть мышка или птичка. Некоторые растения, попав волею случая в не слишком подходящие условия, весь свой век живут сгорбившись, скрючившись, словно японские бонсай. Однако, привыкнув к жалкому прозябанию, они все же стремятся оставить потомство. Судьба последнего опять связана со случайностями. Но совсем не обязательно, что, попав в особо благоприятную обстановку, кто-то из потомков будет так же скрючен, как его родитель. Он может расправиться до положенных виду пределов и произвести много больше семян, которых разнесут стихии. Если же семена от скрюченного родителя остались поблизости от него, то потомки вырастают тоже скрюченные. Чем дольше повторяется эта история, тем больше вероятность того, что накопление мелких мутаций (или одна крупная) закрепит образовавшуюся под давлением среды форму наследственно; как бы узаконитее среди живых существ. В таком случае из семян, попавших даже в исключительно благоприятные (по прежним меркам) условия, разовьются скрюченные растения, которым здесь теперь будет не по нутру. Если даже они не скрещиваются со своими родственниками, то значит на свете появился новый вид.

А может, они все же скрещиваются?.. Только не нынче, а при другой погоде. А может, новый вид вообще несексуальный, т.е. у него не происходит слияние половых продуктов, даже собственных?.. Среди нынешних банальных видов таких немало. В науке их называют апомиктами. К ним относятся одуванчики, манжетки, ястребинки, крупки, мятлики и другие. В результате “непорочного зачатия” – апомиксиса, возникают растения, каждое из которых в точности повторяет по совокупности генов материнскую особь. Это – генетическая закономерность, свидетельствующая о том, что дева Мария не могла зачать непорочно Иисуса Христа, так как, если бы это случилось, то родилась бы девочка.

Апомикты не обладают изменчивостью внутри своего клана, но зато межклановая изменчивость может быть весьма существенной. Систематики принимают кланы апомиктов за особые виды, хотя до сих пор отсутствуют сведения об абсолютных апомиктах. Время от времени они, оказывается, все-таки скрещиваются. Опять же неизвестно, является ли скрещивание апомиктов спонтанным или оно обусловлено внешними факторами, например, климатическими аномалиями, заселением новых местообитаний и т.п. Многие серьезные исследователи считают, что апомиксис это – тупиковый ход эволюции, эволюционный шум. Другим, наоборот, апомиксис представляется прогрессом в эволюции растений. Но, как бы то ни было, систематиков апомиксис заставляет чесать в затылке и заниматься самозаносвождением, вдыхая запах протравленного инсектицидами гербария.

Имеется еще немало “эволюционных шумов“ , открытых в нашем столетии, но изученных до сих пор недостаточно. Явление полиплоидии, например, обнаружено еще в начале века. Заключается оно в том, что характерный для вида набор хромосом у некоторых растений удваивается (или утраивается, а то и более того). Генетическая программа, соответственно, умножается во всех имевшихся пунктах, но в результате взаимодействия генов появляются новые пункты и в облике растения происходят изменения. Когда это было обнаружено, систематики воодушевились. Казалось, что наконец-то найден долгожданный критерий разграничения видов, пусть не лежащий на поверхности, а требующий определенной технологии, но все же… Однако

разочарование наступило быстро. Накопление материалов показало, что четкости в связях чисел хромосом и внешних признаков растений все-таки довольно мало. Нередко числа хромосом разные, а растения не различаются, или при бесспорных различиях внешнего облика число хромосом одно и то же. Иногда числа хромосом различаются не на кратные величины, а как придется. У некоторых видов обнаружено до 20-25 хромосомных чисел. И связи со средой числа хромосом часто не обнаруживают.

Процедура выявления хромосомных чисел непроста, поэтому обычно ограничивались определением числа у 1-2 растений из района и на этом основании строились выводы. Естественно, возникали вопросы: а у всех ли растений, сидящих рядом, одно число?.., а происходит ли у полиплоидов деплоидизация, т.е. возврат к прежнему числу?.. И т.д. Отдельные ответы на такие вопросы были получены, но для широких обобщений данных до сих пор недостаточно. Ясно только, что как абсолютный критерий вида число хромосом потерпело фиаско.

О критериях “вида” были исписаны тысячи страниц. Потом закралось сомнение – а существует ли такой критерий? Может быть это – тоже призрак, бродящий по миру. Л.Меттлер и Т.Грегг – авторы одной из переводных монографий по популяционной генетике даже заявили: когда критерий вида будет найден, эволюционная теория окажется в опасности. Но поскольку чистые систематики не читают таких монографий, то данное предупреждение им не стало известно или не было понято. А ларчик просто открывался. Как в общественно-политической жизни мы привыкли жить и работать по Марксу, не обращая внимания на то, что Маркс сам предупреждал об учете фактора времени, так и в систематике мы привыкли к логике Карла Линнея, который еще до Маркса 100 лет назад жил.

Линней был дитя своего времени и полагал, что видов столько, сколько их сотворил Всевышний, т.е. их число не меняется со временем. Сведений о том, что Всевышний возобновлял свою деятельность по производству видов, не имеется. Таким образом, логика Линнея основывалась на статичности происходящего в мире. Задачи систематики в его понимании – выявить все созданные Всевышним виды и возрадоваться.

Через 100 лет после Линнея Чарльз Дарвин доказал, что Господь создал видов меньше, чем мы теперь имеем, а некоторых созданных видов теперь нет на свете, т.е. виды образуются, существуют и вымирают. Тем самым статический принцип мироздания, провозглашенный еще Аристотелем и не подлежащий сомнению у даже во всем сомневавшемся Рене Декарта, был отвергнут и заменен динамическим принципом. Недаром Дарвин был подвергнут церковной анафеме, что для него было, конечно, неприятно, поскольку он был верующий человек. Но как же могли чопорные джентльмены терпеть, когда их заверяют в том, что предки их были обезьяны?!.

Оригинальное решение проблемы предложил современник Ч.Дарвина Роберт Чэмберс: Всевышний создал не виды, а некие общие правила их возникновения и развития. Как это нередко бывает в истории науки, а также искусства, про Р.Чэмберса забыли и, хотя он фактически опередил Ч.Дарвина в создании теории эволюции, в дальнейшем эта теория связывалась лишь с именем Дарвина. Гениальное предвидение Р.Чэмберса до сих пор должным образом не осмыслено, так как упирается в вопрос: что есть Всевышний?..

С дарвиновских позиций, систематика должна отражать динамику, эволюцию. С линнеевских позиций, систематика представляет творение рук божьих. По Дарвину, виды находятся в разной стадии развития, т.е. неодинаковые в экономике природы. По Линнею – все виды равнозначны.

Результаты исследований неизменно подтверждают правоту Дарвина, но систематика растений строится по Линнею до сих пор. Ботаники-систематики не любят поглядывать на собратьев зоологов: дескать, у них все иначе. Однако это только безапелляционная отговорка, которую и доказать-то невозможно. Принципы систематики всех царств органического мира одни и те же.

У ботаников дома пока не заводятся новые виды растений (разве что новые виды плесени, но ее теперь отлучили от растений, создав для грибов особое царство в системе организмов). Однако новые виды насекомых им должны быть знакомы. Нельзя не заметить, что по ночам зудит и кусается домовой (или подвальный) комар. Этот вид возник незаметно каких-то два-три десятка лет назад или немного раньше и успешно осваивает не только трущобы, но и комфортабельные квартиры. Эволюция происходит на глазах, даже на кухонном столе. Если мелкого черного муравья, обожающего сахар, завезли, как полагают, из Египта, то столь же крохотный, но уже рыжий муравей, по-видимому, произошел у нас. Чем он кормится, непонятно, но ему ведь много не требуется!..

Эволюция порождает новые виды на основе уже существующих, приноравливая их к различным средам, которые также не остаются неизменными.Согласно гипотезе Черной Королевы, выдвинутой Ван Виленом, именно эволюция среды определяет эволюцию органических форм, которые как бы догоняют возникновение новых ваиантов среды. Названная гипотеза основана на событии, описанном Льюисом Кэрролом в "Алисе в Зазеркалье": Черная Королева, подхватив Алису, бежит изо всех сил, чтобы оставаться на месте, так как земля стремительно уносится, хотя деревья остаются на месте. Относительно их бегущие и остаются на месте. Если бы Кэррол указал, что и деревья уносятся, то тогда точка отсчета их неподвижности находилась бы в них самих и пришлось бы говорить "остаются самими собой" вместо "остаются на месте".

Растения не могут бегать. Как выразился известный американский экологЕ.Одум, они должны сидеть и терпеть. Пределы их терпимости значительно шире, чем у активно двигающихся организмов, в частности, за счет сильной изменчивости внешнего облика. Но все же они конечны. Если в данном месте для какого-то вида стало невтерпеж, его растения погибают, хотя другие его представители сохраняются, может быть, где-то по соседству. Как уже говорилось, среда постоянно преобразуется в пространстве и времени волновым образом. Поэтому Черная Королева и Алиса бежали, ступая с одного гребня на другой, но, возможно, не заметили этого, как мы не замечаем волновой процесс в электрической лампочке.

В систематике любой вид можно (а может быть и необходимо) представлять как Черную Королеву с Алисой, скачущих по гребням волн текущей среды, с тем чтобы оставаться самими собой. Но, наконец, Черная Королева упадет и умрет, оставив палеогеографам будущего свою корону. А Алиса достигнет половой зрелости и оставит потомство, в зависимости от обстоятельств, обычное, если подвернется со стороны спермий, или апомиктное. Потомство оставит свое потомство и тэ дэ эн раз.

Систематики зарабатывают кусок хлеба с маслом или без оного на тасовании современного им потомства потомств. И, как писал исландский миссионер и философ Ауртни Магнуссон: “В мире так повелось, что одни пускают ошибки в оборот, а другие стараются потом устранить эти ошибки. Таким образом, всем находится дело”. Тем более, что устранение одних ошибок нередко связано с производством других.

Новое свидание с Полтой (1969).

Кто-то когда-то о чем-то при ком-то
зачем-то кому-то сказал.
(Из опыта студента, слушающего лекции)

Университетский год это и много, и мало. Если перебирать в памяти события или прикинуть объем знаний, который стараются вогнать в студента, то кажется много. Начало года было так давно! А если вспоминать о прошлогодней экспедиции, то кажется, что она закончилась на днях, и приобретенные знания как-то не отягощают, словно и не прошел целый год. Ощущение его подобно азбуке Морзе: то “тык”, то “ты-ы-ык”, как на разных лекциях. Не замечаешь, как проскакивает лекция по физиологии в исполнении Голикова, но томишься, как в тюрьме, на лекции научного коммунизма, кажется, время остановилось, если не поползло вспять. В первом случае получаешь конкретные знания, во втором – урок словоблудия, что для будущего ученого тоже немаловажно.

Помимо программных занятий мы приобщались теперь к научной деятельности. Изучали специальную литературу, определяли собранные растения и даже сочиняли наукоподобные опусы – курсовые работы, которые затем защищали, хотя на них никто и не нападал. Приобретались некоторые навыки. Так, во время моего доклада курсовой работы заведующий кафедрой А.И.Толмачев долго ерзал на скрипучем стуле и, наконец, выговорил своим знаменитым профессорским басом: “Нельзя ли покороче?..” И действительно, нельзя же перечислять все виды растений, обитающих в разных местообитаниях. Из большого описательного материала нужно сделать короткое сообщение, включающее в себя все длинноты. Однако это справедливо лишь для устного доклада, при котором слушатели через 20 минут после начала доклада начинают отвлекаться от сообщаемого или кемарить. В письменном же виде информация должна быть максимально полной, чтобы высвечивались не только выводы автора, но и его предпосылки, подходы к этим выводам.

Но в связи с дефицитом бумаги и усердия ученые привыкли теперь делать ставку на выводы. Это позволяет тщательно маскировать подходы к выводам, которые нередко оказываются сомнительными. Надо следовать Р.Декарту, который писал: “И принимая во внимание, сколько относительно одного и того же предмета может быть разных мнений, которые могут быть поддержаны учеными людьми, тогда как истинным среди этих мнений может быть только одно, я стал считать ложным все, что было не более, чем только правдоподобным”.

В низовьях Полты (17 августа)

Вновь я посетил…

(А.С.Пушкин)

Прошло лишь несколько дней с тех пор как элементом впечатлений перед наступлением ночи были черные заросли бамбука перед домиком в дендропарке Адлера, где мы проходили студенческую практику. На фоне этой концентрированной черноты время от времени пролетали огоньки летающих светляков. Ощущение чего-то необыкновенного вспыхивало одновременно со вспышкой летящего фонарика. А близ придорожных ламп уличного освещения можно было увидеть ночную бабочку – павлиний глаз, в полете похожую на летучую мышь из-за непривычной величины.

Для будущего ботаника ничто другое из университетского курса не дает так много за какие-то полтора месяца, как адлеровская практика.Нам тем более повезло, что практику вела замечательный педагог и человек Ольга Алексеевна Муравьева.

Мы томились от жары перед рощицей бананов, слушая, какая это примечательная трава, или жаждали окунуться в бассейн с цветущим лотосом и сковородками листьев виктории регии, между которыми издавал демонические звуки самец озерной лягушки, высунув из воды свою глупую морду. Мы вдыхали свежесть эвкалиптов, кололись о листья пальм, восторгались розами и магнолиями, по платановой аллее ходили к морю, бродили по ущелью, где ветви деревьев покрыты космами мхов до такой степени, что чудится подводное царство Садко (именно здесь снимался этот фильм). Мы поднимались по склонам гор у озера Рица и ходили к озеру Кардавач через перевал Аватхара, на котором можно было потоптаться на снегу и тут же увидеть горечавки, цветки которых в два раза больше самих растений. А какие альпийские луга предстали перед нами за Красной Поляной!

Тропические бугенвиллеи, дынное и земляничное деревья, огромные болотные кипарисы и араукария, на которой словно недостает птеродактиля, дерево гингко, метасеквойя, тюльпанное дерево и прочие экзоты располагались в памяти рядом с растениями богатой аборигенной кавказской флоры. Все это мы видели живым и поэтому оставлявшим глубокие следы в памяти. Быть может, уже никогда вновь увидеть мир кавказских растений не придется, но если в литературе встречается знакомое название, то память немедленно отзывается тем, что было вложено в нее при виде живого растения. А с растениями связываются разные прочие впечатления и возникает целый образ – комплекс ощущений, связанный с горами Кавказа, который остался далеко.

Теперь половина нашей кавказской группы перебралась в Архангельскую область. Южнее Полты спускаются по р.Сотке Валерка с Катей, на северо-западе, на побережье Белого моря в Зимней Золотице работает Таня, а где-то к западу от нас пробираются от реки к реке Иваныч и наш начальник отряда Павел Михайлович Добряков. Осенью будет много оживления при встречах. А пока мы сидим у костра на берегу Полты, вытягивая ноющие ноги. Три дня мы пребывали в Пинеге с надеждой, что нам помогут выброситься на Полевую избу на вертолете. Но, как и прежде, дальще обнадеживания дело не пошло. Оставалось ждать, пока прибудет лесхозовская машина, которая доставит нас на речку Келду. А далее – 20 км – пешком по старой лесовозной дороге до нужной избы.

Машина прибудет через три дня, и у нас есть время совершить маршрут по низовьям Полты. В прошлом году мы отправились от моста через Полту налево (вверх по реке), а теперь направляемся направо (к устью реки). Сегодня мы и выступили в этот маршрут, доехав до Полты на лесовозе.

За Полтой мы долго осматривали выходы гипса. Здесь местность низинная, и экологическая обстановка совсем другая по сравнению с выходами гипса на приподнятых участках выше по реке. Кругом чернеет ельник. Много бурелома и валежника. Серые глыбы гипса кажутся загадочными. Среди них, как обычно, встречаются различные углубления, щели, воронки и возвышения. В некоторых глубоких щелях до сих пор лежит лед. В одном

83. Губчатый карст со множеством углублений и “голов” в серых париках лишайников.
84. Странная выработка, похожая на колодец.
85. Щель, конца которой не видно.

Месте на лед свисает дернина мха и видно, что от ее прикосновения лед подтаивает. Жизнедеятельность мхов создала на поверхности льда температуру выше нуля. Никаких подземных полостей, откуда мог бы поступать холодный воздух, не заметно. Видимо, в бессточных карстовых впадинах образуется значительная толща льда и в условиях прохладного микроклимата в густом ельнике он не успевает стаять.

86. Моховая дернина соприкасается со льдом.

Растений, которые обитают на гипсовых обнажениях на высоких склонах, здесь нет. Следовательно, для них требуется не только наличие гипса, но и маесимальная освещенность, а также отсутствие конкуренции со стороны собственно таежных растений, таких как голубика, брусника, черника. Из еще не встречавшихся ранее растений внимание привлекает лишь адокса. Ее название в переводе с греческого означает невзрачница, что соответствует облику адоксы. Это действительно весьма неприметное растение даже в пору цветения. Его видовой эпитет – мускусная – остается непонятным так как местная адокса вообще не имеет запаха.

По соседству с карстовым участком обнаруживается озерцо с выводком чирков. Птенцы уже почти достигли размера взрослых уток, но еще нелетные, что довольно странно. Вероятно, сказывается влияние поздней весны в этом году. Мама утка очень волнуется, когда ей кажется, что детки плывут не туда куда нужно. В конце концов она их сориентировала и они дружно понеслись, хлопая крыльями по воде, в дальний конец озерца, где исчезли в зарослях осоки.

Мы, разумеется, не идем по прямой. Едва ли это вообще возможно. Если человеку, идущему по лесу в определенном направлении, показать затем на плане – как он шел, то будет повод позабавиться. На нашем пути сосняки-беломошники сменяются ельниками. Часто встречаются озера – словно черные дыры в преисподнюю, прикрытые водой. Мир пернатых постоянно заявляет о себе. То это синицы гаички, то коньки. Встретились коноплянки, иначе реполовы, у которых здесь проходит северо-восточная граница распространения. Закричал дятел, оказавшийся трехпалым. У него, в отличие от большого пестрого собрата, шапочка на голове не красная, а желтая. Но

кричит он так же, как большой пестрый дятел, и поведение обоих видов одинаково.

В отношении новых видов растений день беден. Хотя осмотрены участки с различной средой обитания, найдено всего несколько видов, не собранных в прошлом году. Правда, некоторые растения нужно определять, т.е. их точное название пока неизвестно.

За один день мы еще не привыкли к комарам, которые постоянно вмсят роем над головой. Моя новая спутница пришла в уныние от характера работы и поговаривает о том, что после возвращения с Кулоя она отправится домой, так как подобные нагрузки ей противопоказаны.

Ходить по тайге – занятие не из легких и требует не только выносливости, но и уважения к ней, и даже любви, и, уж конечно, интереса к окружающему. Если этого нет, разочарование наступает быстро. Усталость по вечерам, постоянные нападения комариных полчищ, неуютные ночлеги у костров и прочие неудобства накапливаются и появляется мысль: скорее бы это кончилось.

Выход к реке Кулой (8 августа)

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло или настанет,
Обмануло иль обманет.
(М.Ю.Лермонтов)

Утро выдалось пасмурное, но довольно быстро разъяснилось и мы, чертыхаясь, потащились по заваленному упавшими деревьями ельнику. По реке прошла моторная лодка,

87. В пойменном ельнике.

и сидевший в ней мужик сообщил, что до Кулоя 9км.

Как обычно, мы двигаемся по синусоиде, то отходя на 1,5-2 км от реки, то возвращаясь к ней. Долина оконтурена склоном который местами оползает вместе с лесом. Кое-где деревья падают, образуя завалы, другие стоят вкривь и вкось. Встречаются временные русельца ручейков, теперь сухие.

88. Склон в пойму Полты в низовьях.

В половодье река сильно разливается и ее деятельность заметна довольно далеко от теперешнего русла. Местами намыты полосы песка, напоминающие дюны, повсюду разбросан плавник, много различных размывов.

89. В пойме низовий Полты.

Напочвенная растительность здесь преимущественно травяная, причем местами высокотравная, с обилием лабазника, крапивы, дудника, аконита, живокости. Два последних

90. Дудки архангелики часто превышают рост человека.

вида с синими цветками родом из Сибири. Есть, конечно, и мелкие растения, да еще и редкие на Полте, например, селезеночник. Попадается родственница малины княженика арктическая. В отличие от малины это – низкорослый полукустарничек с красными (слегка бордовыми) цветками. Княжеское название это растение получило за вкус ягод, очень напоминающий ананас. Однако ягоды вызревают здесь редко. Большинство цветков завяло, и на том дело кончилось.

Постоянно встречаются озера, так как местность весьма низменная. Река делает многочисленные повороты, и на каждом из них нмеется старичное озеро. Поодаль от реки часто встречаются карстовые озера, напоминающие воронки, так как склоны к озеру очень крутые. Гипсы залегают совсем неглубоко. При их размыве образуются пустоты и просадки, в результате чего и появляется карстовое озеро. На таких озерах не держатся утки, зато их много на низинных озерах с вязкими берегами и дном. Приятно видеть, как они стоят торчком на воде, вверх хвостом, потом приподнимаются на воде и машут крыльями. Почти все утки линные. При внезапном появлении человека они не улетают, а удирают по воде, отчаянно хлопая крыльями.

91. Низинное озеро, на котором "торпедирует" выводок уток.

К озерам ведут тропы от реки, и у берега часто причален плотк. Местные посещают озера, добираясь до определенного места Полты на моторной лодке. Обломки прутяной верши показывают, что им здесь нужно.

Леса здесь нетронутые, но где-то немного севернее находится нынешний лесоповал. Это туда ездят огромные лесовозы, с которыми мы добираемся до Полты.

Ярко светит солнце; перед нами то вертикальная штриховка красноватых бликов от стволов сосен, то мечущиеся пучки света в полутемном ельнике. Иногда мы выходим к реке, над которой там и сям встречаются небольшие лужки, вызывающие чувство приятства после лесной сдавленности, сдобренной обилием полугнилого валежника.

92. Лужок над Полтой в низовьях.

К вечеру мы выходим на луга близ устья Полты, густо поросшие чемерицей. Это высокое стройное растение ядовито, и домашние животные гибнут, если поедают его. Правда, они обычно не употребляют его, как и дикие травоядные животные, но случается, что кто-то и прихватит. Пастбище, заросшее чемерицей, – уже не пастбище. Похоже, что с ней ведут борьбу. Мы видим, что у здешней чемерицы оборваны верхушки с цветками, очевидно для того, чтобы она не дала семена. Такой метод борьбы вряд ли эффективен, поскольку это многолетнее растение.

93. Чемерицевый луг близ устья Полты.

По опушкам лугов густо разрослись ивняки, за которыми торчат ели. К нашим услугам предстала бурая коровья тропа, и вскоре мы оказались на берегу Кулоя. Реки сливаются совершенно спокойно, и, не приглядевшись,

даже не замечаешь, что тут две реки, а не одна. Угол между Кулоем и Полтой песчаный, хотя на Полте поблизости песка нет. Видимо, он вынесен в половодье. Песок окаймляет густая опушка низких ив.

94. Впадение Полты (слева) в Кулой.

Поодаль на другом берегу Кулоя виднеется деревня с тем же названием. Река Кулой оказывается лишь немного шире Полты, хотя заметно полноводнее. А устье Полты представляет собой что-то вроде широкой канавы с перепаханными коровьими копытами берегами. Здесь коров перегоняют с одного берега на другой. Нам пришлось воспользоваться этим бродом на радость комарам. Вскоре выснилось, что на противоположном берегу за нашей переправой наблюдал рябчик, который выдал себя верещанием, а затем сорвался и исчез. Я схватил ружье и погнался за ним, выпугнул еще пару рябчиков, но в результате все остались живы-здоровы.

Вдоль реки тянулся заливной луг, усаженной кочками полуметровой высоты щучки дернистой. На лугу пасположились коровы, провожающие нас равнодушными взглядами. В озерке поблизости плавает штук десять гоголей, видимо, привыкших к коровам.

Мы подошли к стану доярок, и одна из них переправила нас на лодке на другой берег Кулоя. Близ деревни на пригорке устроили бивак. Опять ныли ноги и моя спутница.

.В окрестностях деревни Кулой (10 августа)

Есть храм. Все двери заперты.
Засовы все задвинуты.
А мы стоим на паперти,
Забыты и отринуты.
(Н.М.Минский)

Кулой оказался деревушкой, производящей особое впечатление русской северной древности, мало затронутой современной трансформацией деревни. Это и не трудно объяснить. В деревню нет ни одной дороги. Раз в неделю из Пинеги приходит катерок “Юла” – летом это единственный способ сообщения Кулоя с Пинегой. Молодежь стремится покинуть Кулой, поэтому деревня не расстраивается. Большинство домов срублены несколько десятилетий назад. Среди них немало двухэтажных. Иногда в таком доме живет одна старуха.

94а. Старорусский дом-двор.

Эта деревня стояла здесь еще в позапрошлом веке. Кулой вываривал соль. Близ деревни находятся два озера с солоноватой водой. В озерах водятся лягушки и какая-то мелкая

95. Соленое кулойское озеро на краю деревни.

рыбешка. Соль выпаривали из раствора, поступающего из подземных источников. Бурили скважины, в которые вставляли деревянные трубы одна в другую, все глубже и глубже. По свидетельству Б.Розена (“Северная соль”,

1957), около 1850 г. была остановлена проходка скважины на глубине 103 сажени (около 220 м). На всем этом разрезе тянулась гипсовая толща. Не из этой ли скважины до сих пор хлещет соляной раствор? Отведав его, я плевался потом добрых полчаса. Раствор стекает в небольшое озерцо. Все вокруг покрыто ржавым налетом. Скважину и берега озерка окружает зеленовато-буроватый бархатный ковер из бескильницы тончайшей. Этот вид обитает только на засоленных почвах.

Рядом с источником стоит ветхий сарай, где размещались варницы – большие чаны, валяющиеся тут же и теперь с проржавевшими стенками. Под варницами в свое время годами полыхал огонь, и наверное поэтому окрестности деревни заметно освобождены от лесов.

96. Бывший склад соли с тремя сороками на нем.

Выше по реке лес начинается в 2 км и в нем имеются крупные скалистые выходы гипса – достопримечательность природы Пинежья. С несказанным удовольствием лазаю я по живописным гипсам, находя растения, которые обитают только на них. Однако дриада и ива сетчатая почему-то здесь не растут, но зато обнаружились виды, представляющие большую редкость: астрагал уральский и грушанка зеленоватая, которых нет на Полте. После однообразных беломошных сосняков и труднопроходимых пойменных ельников причудливые сочетания форм гипсов внушают вдохновение. Один пейзаж тут же сменяется другим. Быстрая смена окружения поддерживает острое восприятие видимого, близкое к состоянию экстаза.

Деревню окружают поля, луга и огороды со множеством сорняков: тут и пикульник красивый, яснотка стеблеобъемлющая, чертополох курчавый, крапива жгучая, гречишник вьюнковый и ряд других. За столетия существования деревни их сюда навозили и создали для них великолепные условия. Однако как украшает картофельное поле пикульник красивый! Желтые султаны его соцветий избавляют поле от удручающего однообразия. А вот там, на сухом бугорочке растет очиток едкий. И почему бы ему не расти на таких же бугорочках на Полте! Но на этой реке он не встречается, как и названные сорняки. Не живут в дикой тайге воробьи и сороки. Близость человека обеспечивает их жизненные блага. Поэтому они не отлучаются далеко от деревни. Наверно и предки их жили тут с позапрошлого века.

За деревней на высоком месте кладбище. Много крестов староверческих – с “крышами”. На некоторых еще сохраняются иконы. Здесь покоится целое генеалогическое древо Шехуриных.

На окраине деревни стоит бывшая церковь На ней нет ни шатра, ни купола. Теперь это склад. Окно в тамбуре забито огромной испоганенной иконой, изображающей рождение святого Петра.

97. Бывшая церковь в деревне Кулой.

В деревне должно быть много старинных предметов, но мои распросы о книгах не дают результата. Зато какая-то древняя старушка предлагает старинную икону Казанской Божьей Матери: “Нету денег!.. Та́к берите, иконы не продают… А я помру скоро, так все равно пропадет!.. Здесь все пропадает!..” Она сидит, подвязанная платочком, одна в огромной горнице большого дома, из которого все разъехались в разные стороны.

97а. Дар безвестной старушки в деревне Кулой.

Сегодня выступили в обратный путь на лесовозную магистраль. Юная пастушка перевезла нас на лодке через Кулой, и мы двинулись на запад. В углу, образуемом слиянием Кулоя и Полты, пришлось перебираться через массив озер, соединенных бесчисленными протоками. “ Там не пройдешь, – говорили местные жители, – обходить надо”. Но обходить слишком далеко. Поэтому несколько раз пришлось раздеться и, погружаясь по колени в жидкое дно, перебрести по пояс несколько проток. Эта процедура пришлась по душе комарам. Тут для них вообще было райское место, и они не снижали активности даже в теплый солнечный день, т.е. когда им положено отсиживаться где-нибудь под листочком.

Теперь мы шли вдоль другого берега Полты, чтобы охватить наблюдениями большую площадь. Стало ясно, что пойменные ельники сопровождают реку полосой не шире 300 м. Их оторочивают ольшаники, примыкающие к песчаному склоничику высотой три-четыре метра, над которым начинается сосновый бор. Кое-где песчаня толща доходит до реки. Ее прорезает множество логов, имеющих одно и то же направление порядка 30˚. Почему это так, совсем непонятно, но быть может объяснение найдется впоследствии, а пока важно примечать различные особенности местного ландшафта.

98. Мелкий сухой лог в сосняке на песке в низовьях Полты.

В результате поздней весны сейчас обнаруживаются цветущие растения, которые уже должны бы отцвести. Это – сочевичник, майник, седмичник.

Ночь застала нас на берегу карстового озера. В сгустившейся тишине издалека донесся гул лесовоза.

99. Карстовое озеро.

С низовьями реки покончено (11 августа)

Много дорог, много.
Столько же, сколько глаз!
И от нас
До бога,
Как от бога
До нас.
(Н.Балашов)

Вскоре после ночлега мы уже постоянно слышим гул лесовозов на дороге. Но дойти до нее стоило трудов. Путь то и дело преграждали озера и протоки, их соединявшие. Приходится идти в обход. Как-то вышли к такому большому озеру, что при мысли об огибании его весьма приуныли. Но что делать?.. Надо двигаться. Уже почти обогнув озеро убеждаемся, что впереди крупная протока, соединяющая большое озеро с серией небольших.

Из-за облаков выглянуло солнце, и озеро вдруг блеснуло красотой, которую мы чуть не просмотрели. Донеслись каркающие звуки, и с воды поднялась незнакомая утка с черной головой (то была чернеть морская или хохлатая). Раздраженно покаркивая, она понеслась вдоль озера, но вскоре

повернула обратно. Тут мы увидели выводок утят. Они следили за полетом мамаши и двигались следом, меняя курс на противоположный, когда она поворачивала обратно. Наконец, инстинкт поборол страх, и утка плюхнулась поблизости от выводка. С великим подозрением оглядываясь на нас, она повела своих чад в дальний конец озера. На ныряющего неподалеку гоголя она не обратила никакого внимания.

В осоке обнаружился плотик. Под тяжестью двух человек он погрузился в воду, и мы переплыли на нем протоку по колени в воде. Стрекоза-коромысло с выпученными глазами остановилась перед нами в воздухе, шурша своими пергаментными крылышками.

Вскоре мы ступили на хорошо набитую тропу, по которой без труда дошли до избы близ моста через Полту.

Этот 50-километровый маршрут окунул в новое непознанное. В низовьях Полты оказался особый ландшафт, соответственно нашлись новые для местной флоры виды, такие как селезеночник, поручейник, сныть и знаменитая цикута, соком которой, согласно преданию, был отравлен Сократ.

Теперь с низовьями реки покончено и работа переносится в среднее течение Полты. Моя спутница решила отправиться домой.

На водоразделе Келда – Полта (14 августа)

Блажен мечтающий. Как жаворонков

стая,
Вспорхнув, его мечты взлетают в небо

вмиг,
Весь мир ему открыт и внятен тот
язык,
Которым говорит цветок и вещь
немая.
(Шарль
Бодлер)

На лесной дороге трясло так, словно мы ехали по гигантской стиральной доске. Мимо проплывали торжественные сосновые боры, иногда раздвигающиеся и открывающие зеркала озер, словно куски упавшего неба. Наконец машина остановилась перед подозрительным болотцем. Лесхозовский шофер Валерка вылез из кабины, прогулялся по болотцу, приглядываясь к нему, и заключил: “Здесь застрянем, да тут до речки 300 м”. Мы выгрузили из кузова багаж и нагрузили его на себя. На двоих оказалось больше чем достаточно.

За кустами, оторочивающими дорогу, открылись небольшие луга вдоль речки. А вот и она, Келда! Продолжение дороги, по которой мы ехали, упирается в рухнувший мост. Бревенчатые сваи еще поддерживают остатки настила моста, но даже пешком пробраться по нему на другой берег невозможно, так как в двух местах мост прерывается. Время и ледоходы подточили его с тех пор как он стал ненужен.

100. Речка Келда. Рухнувший мост.

За речкой, так же, как и на этом берегу узкая луговая полоса на береговом откосе, а над ним пожня, на которой стоит невысокий продолговатый стог сена. За лугами краснеет стена сосняка. Чуть ниже по реке заросли кустарников спускаются по невысоким склонам до самой воды.

Пока шли до речки груз, дал себя почувствовать.

– Ну, парень, я тебе не завидую, до Полевой избы больше 20 километров, – добродушно взглянул на меня Валерка, – за два раза свое барахло не перетащишь.

Речка довольно широкая и глубокая, такую по пояс не перебредешь. К счастью, на соседнем берегу появились рыбаки, только что прибывшие из Пинеги и направлявшиеся на Кармозеро. “Эй! – крикнул Валерка, – перекиньте парня к себе”.

Через пять минут я остался со своими мешками на другом берегу. Рыбаки ушли на озеро. Валерка махнул рукой, и скоро невдалеке затарахтел мотор и все стихло.

Эти два дня ожидания машины были такие томительные при постоянной мысли, что времени осталось не так уж много, а сделано еще так мало. Старший лесничий обещал подбросить из Пинеги до Келды, но машина постоянно была в работе и оставалось только ждать. За эти дни я снова совершил паломничество в Красногорский монастырь в 10 километрах от Пинеги. По дороге вдоль реки, сквозь россыпи деревушек и при виде издали монастыря познаешь ощущение севера Руси, ее былинную красоту.

Но теперь все зависит только от меня самого. Я устраиваю переборку вещей и до отказа набиваю рюкзак первым необходимым. Остальное складываю в полиэтиленовый мешок и несу в кусты. Мысль, что наконец-то я в движении, радостно пульсирует в мозгу. Отсюда, с местечка Ворожны на р.Келде, мне нужно добраться до Полевой избы, куда ведет старая лесовозная дорога.

Я развожу костер и ставлю котелок с водой, вспоминая прошлогодний сезон.

До чего приятно сидеть на берегу таежной речки, пить терпкий чай и смотреть, как в

Рис. 20.

плавных струях колышутся водяные сосенки, а на противоположном берегу темнеет мрачный ельник, над которым повисла лазурная синева с белыми барашками. В безветренную солнечную погоду в тайге стоит первозданная тишина, лишь изредка нарушаемая птичьими вскриками. В природе царит торжественный покой и, когда начинаешь им проникаться, то испытываешь то же ощущение, что при слушании Большой мессы Баха. Я смотрю вверх по реке вдоль стены оранжево-красных стволов и мне кажется, что это вовсе не стволы, а трубы органа и что я не вижу ничего, а только слышу торжественные аккорды, сопровождающие патетическое звучание хора. Плывут облака. Из воды вдруг выскакивает огромная семга и кривым поленом падает обратно в воду.

Но пора в путь.

В этом году страшно не повезло. Обе пинежские пекарни отказались сушить сухари и пришлось брать хлеб. Северные буханки так же добротны, как и северные дома; много таких не унесешь, а аппетит катастрофический.

Груз получился значительный: тяжеленный рюкзак с продуктами, в руки две вздутые гербарные сетки с бумагой, на шею ружье, фотоаппарат, бинокль. Когда я зашагал по старой лесовозной дороге 30-х годов на Полту, то выглядел, как новогодняя елка. Дорога сохранилась хорошо, но рухнувший мост уже никто не восстанавливал за ненадобностью. Если из Пинеги ездят на Полту на сенокос, то через Келду переправляются на плотах и лодках, а лошадь переплывает сама.

Местность довольно пересеченная и дорога идет то по прекрасным борам, то по болотистым низинным участкам, где догнивает бревенчатый настил. Через каждые 500 м я с

101. Старая дорога через сосновый лес на песках.
102. Во влажных понижениях дорога имеет вид коридора в гуще кустарников.

удовольствием сбрасываю все с себя и, отдыхая, рассматриваю окрестные виды и растения. Иногда дорога идет по подножью увала, и тогда с одной стороны по откосу поднимается брусничный сосняк, с другой – к дороге подступает верховое болото с редкими сосенками.

Вот дорога разветвляется; одна ветвь идет на Кармозеро, другая в обход его. Здесь мне встретились возвращающиеся с озера рыбаки. Поговорили за коротким перекуром. Северный народ – сдержанный в чувствах, поэтому узнав, что я направляюсь на Полту, рыбаки постарались скрыть иронию, глядя на мою экипировку, и только самый молодой хмыкнул, когда я качнулся, закидывая рюкзак за спину.

– Ты подожди 2-3 дня, а там Миша Старков будет добираться на Полевую избу с лошадью. Там у него сено сохнет; сметать надо. Он и захватит твое хозяйство.

Было бы, конечно, заманчиво попасть на Полевую избу со всем имуществом зараз. Но кто его знает! Появится Миша или нет?.. Вдруг загуляет, а для меня каждый день на счету. Нет, все-таки надо двигаться. Мы сердечно расстались, и я отправился дальше, огибая озеро и рассчитывая добраться до избы Мерзлихи, до которой осталось 8-9 километров.

Кармозеро громадной чашей просвечивает сквозь прозрачный бор. Местность постепенно повышается, и озеро можно видеть даже через километр. Но наконец оно исчезает за стеной

103. Кармозеро видно сквозь бор-беломошник.

красных стволов сосен. Почувствовав изрядную усталость, решаю попить чаю. Развожу костер и спохватываюсь, что поблизости нет воды. Вот оказия! Вода показалась только километра через три. Начался болотистый участок. Около самой дороги обнаружилась торфяная выемка с водой. На сухую лиственницу вблизи села пролетавшая мимо кукша и выразила свое любопытство пронзительным возгласом. Каждый раз я воспринимаю крик кукши прямо-таки мистически. Какая-то первозданная дикость слышится в громких, совсем, казалось бы, немелодичных резких звуках. Когда эти звуки

слышны утром где-то вдалеке, то они странным образом гармонируют с суровым величием девственной тайги. Эти звуки нельзя назвать песней, но они знаменуют некий гимн жизни, а в каждой стране свой гимн и у каждого живого он свой.

Через два часа после чаепития я почувствовал себя совсем усталым. Дорога шла теперь по ровному беломошнику, сквозь который можно было смотреть метров на 300 во все стороны, потому что ни кустарников, ни молодых деревьев почти не было. Наконец, дорога

104. Сплошной покров лишайников в чистом сосняке.

разветвилась, и правая ветвь ушла на север, к Полте. Оставив на дороге груз, я отправился смотреть, куда же она выходит. Через три километра в просвете показался уютный туалет, а затем изба. Стало быть это – Горшок. Особого воодушевления эта изба не вызвала, поскольку это лишь означало, что до Мерзлихи топать еще четыре километра. Удивительно длинные километры в тайге, особенно, когда на тебе висит килограммов пятьдесят. С прошлого года в избе не произошло никаких изменений. Никаких следов пребывания людей. Угол окна затянут сетью паутины. Плюнув с досады в угол, отправился обратно.

В ботанических экспедициях что бы ни делал, о чем бы ни думал, всегда смотришь что, где и как растет. Нужно ли вырабатывать эту привычку или она приходит сама собой, сказать нелегко, нужно просто чувствовать, что все увиденное интересно и полезно, что все, кажущееся банальным, является таким только при поверхностном подходе. И из, казалось бы, незначительных фактиков накапливаются выводы. Они опровергаются, расширяются, подкрепляются, образуя знание. Всегда мне казалось, что козелец растет обязательно на выходах гипса и… вот те на!.. сидит на дне сухого лога, да какой замечательный. Выкапываю и обламываю конец длинного корневища, откуда выступает густой, как сметана, млечный сок. Это растение – местный каучуконос.

Уже близится вечер и теперь я иду, как автомат, согнувшись в три погибели, и тупо гляжу себе под ноги. Никакие наблюдения уже не занимают; мысль одна – скорее бы дойти. Каждые 300-400 м я сбрасываю с себя груз и восстанавливаю кровообращение, потом почти со стоном забрасываю рюкзак на спину и тащусь дальше на запад. Наконец, опять развилка и через полчаса я около избы на Мерзлихе. Еще светло и сквозь сосны пробивается зарево заката. Весело трещит костер. Поужинав, заметно оживаю и, сидя на бревне, слушаю, как без умолку журчат струи Полты; смотрю, как исчезает зарево и тайга окутывается черным покрывалом ночи. Вот за рекой блеснула первая звезда, а может быть, показалось!? Но нет, если присмотреться, то звезда недвижимо повисла над лесом. Правда, стоит лишь отвести взгляд и ее вновь нужно отыскивать. А вот как будто бы еще одна замерцала. Проходит 15 минут и все небо словно усыпано светящимся горохом. Запахло сыростью.

Обстановка в избушке скромная все та же – нары, очаг и буржуйка, которую завезли сюда охотники. У избы напилены коротенькие чурбачки для буржуйки, но тепла от нее хватает ненадолго. Изба дырявая, как решето. Спится плохо. Сначала жарко и усталость такая, что даже спать трудно. В пять часов, лязгая зубами, снова растапливаю буржуйку. Рассвело. Над лугом и над рекой висит белесый туман. Тишина. Я бросаюсь на нары.

Взад – вперед по старой дороге (15 августа)

Всегда со всеми и всегда один.
Всегда со всем и от всего вдали.
Там был я пасынком, – а здесь я сын
Земли.

(Александр Рославлев)

В девять утра я окончательно проснулся и, ощущая затекшую шею, повернул голову к подслеповатому окошку. Сквозь полуматовые от многолетней грязи и копоти стекла виднелся кусочек залитого солнцем луга. На столбике от рухнувшего барака неподалеку неподвижно сидел канюк и, сквозь дремоту, следил, не пробежит ли где мышь, не проскачет ли лягушка. Канюку нечего было бояться. Это был его охотничий участок и любимый луг, где среди развалин нескольких лагерных построек в обилии водились мыши. Покосившаяся, черная избушка, единственная еще не рухнувшая под бременем времени и отсутствия заботы, также не пугала его. Она всегда стояла тут и люди, которых боится все живое в тайге, появлялись тут очень редко, а если появлялись, то всегда это было заметно сразу. Либо у избы паслась лошадь, либо еще дымились черные головешки недавнего костра, слышались голоса, далеко разносящиеся над молчаливой тайгой. Вот и недавно здесь были люди. Косили и сушили траву, ловили рыбу и громко перекликались. Канюку пришлось перебраться на соседний участок поймы, где было меньше добычи и вообще менее привычно. К тому же, неподалеку начинался участок соседней пары канюков, которым не нравилось, если он залетал на их территорию поохотиться. Но теперь все стало по-прежнему, и канюк вернулся на любимый луг.

Сон мгновенно улетучился. Канюк это хорошая добыча, к тому же сидит он совсем недалеко, метрах в двадцати. Я приоткрыл дверь и высунул ружейный ствол. По тайге прокатился волной грохот, и канюк рухнул со столбика. Однако когда я подбежал, он оказался живой и готовый к обороне. Едва я приблизился, как он опрокинулся на спину и насторожил желтые когтистые лапы. Его также желтые глаза с черными кружками зрачков, не мигая, пожирали малейшее мое движение.

Многим охотникам известно то неприятное чувство, которое испытываешь при

105. Раненый канюк.

необходимости добивать добычу. Странный парадокс – это неприятное чувство не возникает, когда целишься в добычу; оно приходит, когда убеждаешься, что добыча еще жива и ее нужно добивать.

Я добил канюка и положил его на камни очага в избе. Пока на углях прогоревшего костра варилась каша, я обошел луг и галечники реки. На лугу близ края низкой надпойменной террасы возвышаются одиночные экземпляры свербиги восточной и желтушника левкойного – оба вида из семейства крестоцветных, куда относятся всем знакомые редька, капуста и сорняк пастушья сумка. Сейчас у них мелкие желтые цветки, но скоро

образуются стручки. Среди ровного зеленого фона злаковых листьев видны изящные цветочки очанки.

Склончик террасы подмывается рекой, и видно, что терраса образована суглинистой толщей. В месте подмыва обильно разрослась мать-и-мачеха, над которой высится пижма или, иначе, дикая рябинка со щитком цветков, похожих на желтые пуговицы. На галечнике торчит целый куст мытника Карлов скипетр: несколько крепких цветочных стрелок – собственно скипетров – с соцветиями из крупных губчатых цветков торчат из вазы рассеченных листьев. Здесь же видны синие кисточки истода горьковатого и, конечно же, обильна ястребинка зонтичная со множеством желтых корзинок. Корзинкой называется соцветие типа подсолнуха, а "цветок" подсолнуха на самом деле состоит из огромного количества цветков. Язычковые цветки по краям таких корзинок бесплодны и служат только для привлечения насекомых-опылителей.

Загрузив желудок, отправляюсь за второй партией груза. Налегке идти по лесной дороге в солнечный день – сплошное блаженство. Солнце – не только источник жизни на земле, но и источник бодрости духа человеческого.

Обратный путь по однажды пройденной дороге всегда кажется короче. Существует какое-то мнимое ощущение знакомства с местами однажды пройденными. Вероятно, это связано с тем, что теперь уже вы знаете, что не встретите что-то такое, что поразит ваше воображение. В общих чертах местность определенно запоминается. Вновь 16 километров, отделяющие избу на Мерзлихе от местечка Ворожны на Келде, остались позади, и вновь я пью чай на том же месте, где и вчера. Вещей все еще много, опять устраиваю разбор. Оставляю гвозди для плота, часть хлеба, газет для гербария и два килограмма дроби в мешке, который вешаю на стог сена, стоящий на пожне близ разрушенного моста, сопроводив запиской для Миши Старкова. Это знакомый еще по прошлому году заготовитель сена из Пинеги, рыбак и охотник, чувствующий себя в тайге, как дома, всегда веселый и энергичный. Сенокосы на Полте, теперь труднодоступные, были в его ведении. Меня несколько удивляла сомнительная рентабельность заготовки сена в сотне километров от Пинеги. Однако северяне – народ расчетливый. Зачем пропадать угодьям, хотя бы и далеким, если уж таковые имеются. Тем более что используют эти угодья люди, занимающиеся охотой и рыбной ловлей и питающие к тайге особое пристрастите. Из года в год летом они подолгу живут в таежных избушках по берегам рек.

– Живем, кормимся, вот, отведайте нашей вари, – лаконично резюмировал Федор Иванович год назад.
– А мы травки собираем.
– Травки интересные бывают, мы тут тоже присматриваемся.

Только я собрался в обратный путь, появились вчерашние рыбаки с Кармозера и убедили меня остаться до утра в их палатке. Пообедав, они ушли на озеро, а я принялся обдумывать ситуацию. Наконец, мной овладело беспокойство. Нет, нет, надо идти, иначе завтра я только

106. Кармозеро, одно из крупных озер Пинежья.

доберусь до Мерзлихи, а нужно еще как-то перебраться на Полевую избу.

Было уже 8 вечера, когда я, оставив записку рыбакам с благодарностью за гостеприимство, зашагал 3-ий раз по дороге на Полту. На полпути стало

темнеть и пришла усталость. После вчерашнего променада как следует не удалось очухаться.

Дорога, однако, различалась хорошо. Исчезли цвета, остались только формы. Тишина лишь изредка нарушалась какими-то странными незнакомыми голосами, наверное, птиц и таинственными и тоскливыми звуками скрипящих деревьев. Их силуэты мрачно вырисовывались во мраке. Беломошники светились загадочным зеленоватым цветом, а над ними словно набросанные грубыми штрихами громоздились черные купы деревьев, которые мы не привыкли видеть в сумерках в средней полосе России. Здесь все было грубо, первозданно.

Мои перекуры становились все чаще и длиннее. Я отбил пятки и теперь, вставая, делал несколько первых шагов с трудом. Неприязненной ревматической болью начали болеть суставы. Километры словно липли к ногам. Несколько раз ничинало моросить, все было мокрое. Прошел место вчерашнего чаепития, ступив в костровище. Господи! Я думал, что оно давно позади. Опять не было чувств, только прошлые образы совершенно бессвязно скользили в померкшем сознании, сменяя один другой. В изнеможении я падал на влажные бугорки беломошника и подолгу лежал в блаженной истоме, глядя в никуда темноты.

Но вот поворот на Мерзлиху с низкими редкими сосенками. Вдруг грохот, мне в лицо бьет тугая воздушная волна. Оказывается, я чуть не споткнулся о тетеревов и они взлетели, едва не сшибив мне берет. От неожиданности я издал какой-то нечленораздельный звук и начал стаскивать ружье. Интересно, гд они сядут вслепую-то. Ведь тетерева, как и курицы, с наступлением темноты почти ничего не видят. А если поблизости от места их вынужденной посадки окажется лиса, то им несдобровать.

Странное дело, в избе кто-то есть. В дверях говорю: “Добрый вечер”, – хотя уже ночь. Отвечает дружелюбный голос, да еще и знакомый. Так и есть, при неровном свете свечного огарка вижу две знакомые обросшие физиономии, словно сошедшие с экрана какого-нибудь приключенческого фильма. Год назад мы встречались в разных избах вдоль Полты. Вот Федор Иванович, которому очень везло на мушки из локона Анки. А громогласный Сергей Харгалов уже тащит котел с ухой: “Давай, похлебай”. У каждого свои вопросы.

– Как Анка поживает? Наелась тайги прошлый-то год, так нынче не потянуло!..

– Как у вас с бензином? Может забросите меня на Полевую?..
– Мы здесь месяц уже, бензину едва добраться до Кулоя, а там будем заправляться и до Пинеги…
– Что за леса на Полтозере? А где кончаются высокие обрывы к реке?..
– Что нового в мире? Магазин в Пинеге открыли после ремонта?..
– Есть ли тропа на озеро Янтарное?..
– Что, еще не все собрал тот год? Как это вы умудрились не потонуть в вашей посудине? А Анка – молодец, баба ведь!..

Харгалов добродушно посмеивается: “Сидели бы в стогу, да выбирали травки, вот вам и гербарий!”

– С корнями надо, – замечает просвещенный Федор Иванович.

Засыпаем сном бурлаков, под шелест ветерка, щекочущего стены лачуги.

Базовый лагерь (16 августа)

Я в этот мир пришел, чтоб видеть
Солнце
И синий кругозор.
(Константин
Бальмонт)

Солнце щедро льет яркий свет. Природа дышит недосягаемой мощью, ласково журчит река и трещат поленья в костре. С трудом ступаю на пятки и вдобавок больно чихать – простудил дыхательные пути, голова кружится, похоже на простуду, которой мне только и недоставало. После ухи уже готовимся расстаться, но тут снизу по реке проносится утка. "Кто-то идет", – замечает Федор Иванович, и действительно, скоро слышится стук мотора , а через некоторое время окрестности оглашает сильный голос Миши Старкова. Значит, я сегодня буду на Полевой со всем барахлом – благословение судьбе!

Миша сообщает, что его товарищ едет на лошади той дорогой, по которой я прошел уже три раза. Через два часа мы выходим на "главную" дорогу и видим следы тележных колес. Товарищ проехал прямо на Полевую, не сворачивая к Мерзлихе.

Здесь, на возвышенном месте меня вчера перепугали тетерева, перепуганные мною. Оказывается, здесь у них токовище, причем токуют они даже сейчас, в августе, хотя и не столь азартно, как весной. Что ж, их можно понять. Место настолько замечательное, что и птицы, вероятно, испытывают восторженный подъем, бродя среди редких сосенок и березок по шуршащему ковру лишайников, испещренному куртинами цветущего вереска.

Налегке я отправляюсь на Полевую за лошадью; туда всего лишь семь километров, но тащить весь груз на себе у меня уже нет никаких сил.

Дорога идет большей частью в понижении рельефа. Сосновые боры отступают вдаль и на переднем плане только густые заросли низких берез.

Я выхожу на луга с пятнами кустарниковых зарослей и вижу все тот же двухэтажный остов дома, чудом не упавшего до сих пор, а рядом старый барак – Полевую избу. Ага, вот и лошадь мирно щиплет траву. Вскоре эта лошадь тащит громыхающую телегу обратно на Мерзлиху. Возвращаемся уже к вечеру. Дорога местами такова, что я искренне изумляюсь, что телега не разваливается (к счастью, она развалилась лишь на следующий день). Лошадь, которую все почему-то с уважением величают конем, плетется понуро и мне хватает времени

107. Между Мерзлихой и Полевой избой. Медленное восстановление леса на довоенной вырубке.

собирать грибы, составлять список встречающихся растений. На сухих местах с беломошником на дороге растут те же виды, что и в окрестностях дороги, так как условия обитания на них практически те же самые. Здесь довольно обычен клевер горный – стройное высокое растение с большими головками белых цветков.

Однако в понижениях рельефа, где дорога идет словно по коридору в зарослях вичника, на ней встречаются растения, отсутствующие в вичнике. Условия обитания в вичнике и на дороге совершенно различные. В зарослях сильное затенение, кроме того, имеет место конкуренция за минеральное питание, за свет и т.д. На дороге же и светло, и влажно, и конкурентные

отношения несколько иные. Поэтому видовой состав растений на влажных участках дороги значительно богаче, чем в смежных вичниках. Важным фактором этой обогащенности является и возможность более легкого распространения семян вдоль дороги. Это касается и тех растений, семена которых распространяются ветром, и тех, семена которых разносят птицы, а также тех, которые расселяются с помощью людей. Уже простая телега может где-то зацепить на грязный обод колес какое-то семечко. Потом кусочек грязи с семечком отвалится где-то в другом месте и семечко окажется в удалении от родительского растения. Необязательно это должно быть большое расстояние. Всякое путешествие начинается с первых шагов. Расселяющиеся растения также двигаются медленно, часто с одного участка на соседний и т.д., если условия среды позволяют растению здесь развиваться и плодоносить.

Хороший пример сказанному – обычнейший одуванчик лекарственный. Напрасно искать его в вичнике, а на дороге он встречается и там, и здесь, притом растения очень крупные, упитанные. Некоторые растения в этом районе более обычны по берегам Полты: белозор, вероника длиннолистная, лютик многоцветковый, но встречаются и на дорогах, где селятся также многие луговые растения. Другие же словно привязаны к одинаковым условиям. Сон-трава, тонконог большой, хвощ зимующий растут только в сосновых борах. А поскольку боров этих много, то и названные виды редкости не представляют, тем более, что они сидят и на старых вырубках боров. Хотя сосны истребили, пески на возвышениях остались теми же самыми, т.е. обстановка для мелких растений почти не изменилась. Но в понижениях даже пески заболачиваются и сухолюбы там исчезли.

Мои размышления резко прерываются. Без аварии не обошлось. От телеги отвалилась доска и вывалился рюкзак. Заодно обнаружилось, что мешок с хлебом мы потеряли еще раньше, но, к счастью, недалеко.

Восстанавливаю все на место, вздохнув над масляным пятном на земле. Единственная бутылка растительного масла опустела. А вскоре радуюсь находке – на краю дороги торчит мытник уральский. Он еще нигде не попадался. И я готов поклясться, что год назад он здесь не рос. А может быть, он только не цвел и потому был незаметный?..

108. Пинежане у Полевой избы.

Вечером мы сидим с косарями у костра на возвышенном берегу Полты, где стоит грубо сколоченный стол. Догорает закат, на фоне которого на горизонте виднеется возвышенная щетка лиственниц. Журчит перекат в сотне метров ниже по реке. Кругом мир и величавое спокойствие. Миша рассказывает охотничьи были и небылицы. “Медведей опасайся, – обращается он ко мне, – их тут тьма тьмущая, так и норовят на пятки наступить. Тут как-то ехал мотоциклист по лесной дороге и вдруг… медведь посреди дороги. Ну, что делать! Не объехать, дорога узкая. Давай сигналить, а медведь стоит и смотрит на мотоцикл, а тот, знаешь, “Ява“, красный, значит. Потом рявкнул и отошел к краю дороги. Мотоциклист – на газ, да мимо, да пинка такого медведю дал, что чуть с мотоцикла не свалился”.

“А лосей развелось тут, знаешь сколько! Как коровы ходят стадами. Недавно приезжал какой-то специалист, собирал материал на диссертацию о вреде лосей лесному хозяйству – молодняк портят!”

На костре жарится канюк, с которого капает в красные угли желтый жир. Дневные труды закончены и мы разбредаемся на ночлег. Косари устроились в комнате без окон – без дверей, поставив в ней палатку. Я занимаю знакомую "горницу", в которой есть окно с побитыми частью стеклами (дырки заткнуты мхом) и двери. Вдоль обшарпанной стены тянутся нары, у окна стоит наспех сколоченный стол и такая же скамья. В углу полуразвалившаяся печь, заваленная горой битого кирпича, который осыпается с трубы.

Настроение отличное, поскольку теперь я на основной базе, откуда намечалось совершать маршруты в разные стороны. Делаю постель из сена и погружаюсь в пряный аромат снов.

К знакомым скалам (17 августа)

О милая и строгая природа!
Живу в тебе, потом умру с тобой…
В душе моей покорность и свобода.
(Зинаида Гиппиус)

Хотя канюк жарился весь вечер, все же он недожарился. Поэтому утром я обгрыз то, что на мой взгляд прожарилось и, залив термос крепким чаем, отправился на скалы 85-го километра реки.

Погода стояла переменная, то есть полчаса светило солнце, а следующие полчаса лил дождь. Сначала двигался поверху, где с веток поливало, как из душа, и через некоторое время промок насквозь; сапоги наполнились водой, стекавшей по штанам. Потом спустился к реке. Знакомые места рождали воспоминания. Здесь всегда держатся гоголи. Вот и сейчас внезапно раздалось шлепание крыльев по воде. Я вскинул ружье, и два гоголя, перевернувшись вверх белым брюшком, поплыли по течению близ противоположного берега. Ну, ничего! Ниже по реке стоит сеть и они как раз в ней и застрянут, и вечером Миша их привезет.

Когда добрался до скал, вновь испытал чувство воодушевления, граничащее с экстазом. В прошлом году мы только здесь впервые увидели на Полте арктоальпийские растения, которые до этого наблюдали на Сотке и на Келде.

В верхней части обнажения выглядят, словно сморщенная в гармошку стена. Посередине склона выступает толстый, серый горизонтальный пласт, состоящий из тонких слоев крошащегося доломита. Ниже спускается от скал осыпь до самой воды в реке. Множество площадочек, углублений, расщелин создают богатый ассортимент условий обитания растений, поэтому на этом скальном массиве обитает около 70 видов растений. Но ничего нового по сравнению с прошлогодним осмотром я не вижу. Однако приятно встретить и старых знакомых, которые благополучно перезимовали и теперь, мокрые после дождя, безучастно встречают мой взгляд.

За огромным отвалом куска скалы нахожу прошлогоднее костровище. Сознание быстротечности времени и превратности судьбы охватывает меня при виде черного пятна на сером щебне. На мгновение становится грустно, скалы кажутся угрюмыми и враждебными и еще более угрюмым видится лес на противоположном берегу, машущий еловыми лапами, словно тысяча

ведьм. Мокрая одежда начала холодить. Решив обсушиться, обнаруживаю, что спички отсырели, и я перекладываю их в нагрудный карман. Надо же, какая оплошность! Пока пью чай из термоса, спички подсыхают, и после многих попыток одна вспыхивает жалким огоньком. Зажимая ее в руках, бросаюсь к заготовленным дровам, подскальзываюсь и чуть не скатываюсь вниз. Тонкая береста мгновенно вспыхивает, от промокших веточек тянется густой дым, сопровождаемый треском, но, наконец, пламя весело окутывает всю кучу, в которую я подкладываю толстые сучья, покрытые известковой пылью.

От одежды валит пар. Чай и живой огонь поднимают тонус и минорные нотки в настроении словно примешиваются к клубам пара и улетают. Совсем с другим ощщением я упираюсь взглядом в ельник на противоположной стороне реки и думаю о том, что один только вид деревьев во все времена моей жизни был транквиллизатором при всяких неурядицах. В лес я ходил часто не только для того, чтобы увидеть или услышать что-то новое для себя, а с тем, с чем истинно верующие ходят в церковь, т.е. чтобы обрести умиротворение и спокойно-созерцательное философическое настроение.

Обсохнув, снова ползаю вверх-вниз по скалам. Впечатление о размещении растений по участкам с различной средой обновилось. Каждый второй вид непременно кажется “любимым”. Вот, например, тофиельдия. Совсем неприметная травка, но стоит ее рассмотреть поближе и испытываешь удивление и радость, словно прочитал главу из книги Генри Торо. Ее ножевидные листочки сложены веером, как у гладиолуса. Малюсенькие белые цветки, чтобы быть приметнее, собраны в головку, торчащую над веером листочков. В Арктике этот вид, научное название которого тофиельдия крошечная, распространен циркумполярно, т.е. вокруг Северного Ледовитого океана. Встречается он и в южных горах, выше границы лесов. В истории его расселения много общего с дриадой, с которой он и здесь сидит рядышком.

Грозовые тучи застлали небо. Бросив последний взгляд на гряду уходящих в даль скал, спешу обратно. В береговом высокотравье потерял чубук от трубки и тщетно пытался найти, зато вымок по пояс.

Повстречал рыбаков, поднимавшихся вверх по речке, и они сказали, что в сети был только один гоголь. Второго я каким-то чудом приметил в бинокль в заросшей хвощом заводи и, поскольку вымокнуть более уже нельзя было, отправился напрямик через реку на перекате. Рыбаки не желали есть канюка, поэтому мне пришлось управляться одному. После ужина я закладывал растения в сетку-пресс и сушил бумагу над костром. Пламя облизывало огромную закопченную кастрюлю с булькавшими гоголями. Дождь на этот раз не состоялся.

Прогулка верхом. Лагерный день (19 августа)

Где-то жалкие кормщики и хрупкие корабли
противятся тусклым волнам и вялым влажным
ветрам и гибнут бесцельно по их прихоти…
Но всего этого здесь нет.

(Алджернон Суинберн, “Сад Прозерпины”)

Вчера, как и было намечено, ездил верхом на коне (которого в душе называл просто сивым мерином) на Келду за своим мешком, все еще висящим на стогу. Мешок был нужен, поскольку в нем остались хлеб и гвозди для плота, на котором я рассчитывал спуститься, закончив работу на Полевой. На обратном пути я должен был заехать на Мерзлиху и захватить там тележное колесо, так как телега вышла из строя.

Сначала поездка представлялась сплошным удовольствием, но это длилось недолго. По мере того, как зад все острее ощущал седло, поездка теряла свою красочность, словно именно это место было наиболее ответственным за восприятие. Сивый мерин невозмутимо руководствовался принципом – тише едешь, дальше будешь. Со временем он внял моим требованиям, но стимулирование требовалось довольно часто, и я сломал не один прут о его костлявый зад.

Несколько раз я заезжал в лес и делал наблюдения рельефа и растительности. Было замечено, что сухие лога, по всей вероятности, представляющие древние русла вод от тающего ледника, всегда имеют направление не от наиболее возвышенной части рельефа, начинающейся на 84-ом километре, а боковое по отношению к ней. Следовательно, основная толща льда лежала не на возвышенности, а в понижении. Потом этот вывод как будто подкрепился и другими наблюдениями.

109. Лог на водоразделе в бассейне Полты между Горшком и Полевой избой.

Некоторые исследователи считают, что лога образовались путем подземного вымывания гипсов и последующей просадки грунта, но, по-видимому, если это и справедливо, то лишь для части логов.

Некоторые сухие лога разветвляются, если двигаться по ним вверх. Здесь происходило слияние двух древних речек, образующих более крупную речку, впадавшую в Полту. При этом днище отмершей долины (лога) при выходе в долину Полты всегда расположено значительно выше днища долины Полты.

110. Некоторые лога имеют облик высохших речек. Во времена вывоза леса через них строили мосты.

По беломошникам я гнал “коня” галопом, но в низинах, где сохранились остатки лежневки (бревенчатого настила), бедняга спотыкался на каждом шагу и я не раз оказывался у него на шее, судорожно цепляясь за лошадиные уши. По беломошному сосняку на лошади можно ехать и без дороги, так как древостой очень разрежен. Правда, иногда встречаются закарстованные участки, где как будто кто-то накопал канав. Гипсов в таких канавах здесь не видно, т.е. они залегают достаточно глубоко. Как только начинается общее понижение рельефа, к сосне сразу же примешиваются крупные березы и чем дальше, тем больше. Подобную картину мы наблюдали год назад в 20-30 км от устья Полты. Стоило отойти от реки на 300-400 м, как появлялась береза, а вскоре оставалась только она – белизна в черную крапинку тесно окружала нас со всех сторон. Но это уже не был беломошник. Здесь было сыро, хотя

понижения в рельефе не происходило. Просто пески перекрывала суглинистая толща, труднопроницаемая для воды. В результате изменения грунтовых условий сосна в древостое замещается березой. Явление это довольно интересное. Как известно, сосна не избегает болот. Однако на болотах она всегда мелкая, тогда как на песках – это мощное дерево, а если деревьев много и им очень тесно, то, по крайней мере, они высокие. Может быть, сосна, растущая на песках, в условиях сухости, не распространяется на соседнее болото, потому что "песчаная" и "болотная" сосны представляют собой различные расы одного вида. Вероятно, это – физиологические расы, т.е. такие, питание которых и вообще обмен веществ приспособлен к одному комплексу условий и не приспособлен к другому. Расселение сосны сдерживает и уже имеющаяся растительность. Она не может, например, возобновляться в густых зарослях вичника, где недосаточно света.

Стоит только отвлечься, как сивый мерин начинает плестись так, словно вот-вот упадет. Я подбадриваю его прутом, говоря, что такова уж лошадиная участь.

Заехали на Кармозеро. Здесь на галечнике пышно цвел пикульник красивый, называемый также зяброй. Его семена, по всей вероятности, занесли сюда рыбаки (не специально, разумеется). Озеро имеет вид огромной чаши, окруженной краснолесьем (как называют еще сосновые леса), посреди которой возвышаются два острова. Близ одного раздались гортанные каркающие звуки и в 80-100 м я увидел в бинокль гагар. Они казались сплющенными на воде.

Берега озера нетопкие, что не так уж часто приходится видеть в этих краях, но кое-где в тихих заводях озеро постепенно зарастает тростником и камышом. Подобные озера имеют ледниковое происхождение. Когда-то здесь лежал язык ледника, который, растаяв, заполнил понижение талой водой.

Еще четыре километра – и я снова на Келде. Мешок все так же висит на стогу и даже не очень отсырел. Сегодня день яркий и не разу не сыпал дождь. Пока закипает чай, закладываю растения в гербарную сетку. Конь пожирает сено из стога, чтобы не утруждаться нагибанием головы.

На обратном пути захватываем из Мерзлихи колесо – тяжесть неимоверная. Коню такой довесок приходится явно не по душе, да оно и понятно, – бедняга отмолотил уже 40 километров. По дороге примечаю еще одно замечательное растение на обочине, причем в единственном экземпляре, – язвенник многолистный. На Келде этот вид встречается местами массово, и сюда он явно занесен, так как, кроме дороги, нигде не найден. Однако и на Келде этот вид не встречается близ местечка Ворожна, т.е. там, где проходит дорога. Год назад мы видели язвенник около 30 км ниже Ворожны по реке, как раз там, где нет никаких путей сообщения. Поэтому хотя занос этого растения совершенно очевиден, трудно представить себе сам "механизм" этого заноса.

Сумерки окутывают окрестности, и я начинаю лязгать зубами. Но вот, сжатая кустами, дорога выходит на простор. Конь, по отзыву хозяина очень умный, поворачивает напрямик и бодро ломится через кусты. Вероятно, об уме в немалой степени судят по тому, насколько субъект, независимо – человек или лошадь, усиленно валяя дурака, умеет ловко это скрывать и даже умудряется при этом создавать видимость усилий.

Сегодня не ходил далеко и тщательно обследовал "нос", т.е. участок, лежащий внутри местной излучины реки. В самом узком месте перешеек составляет всего 300 м, а плыть по реке нужно два километра, чтобы обогнуть

этот “нос”. Нашлось несколько новых для Полты видов, в том числе трясунка средняя (Briza media). Этот симпатичный злачок обнаружился в том месте, которое мы осматривали год назад, но тогда его не было. Примеров, подобных этому, довольно много. Молокан (Mulgedium sibiricum) в прошлом году мы впервые увидели на речке Черной, а в этом году за ним не нужно идти 30 километров – он растет на тропинке от стола к речке. В этом году очень много девясила (Inula salicina), а год назад этот вид казался редкостью, и, действительно, был найден только в одном или двух местах.

Поскольку в этом году нет такой привязанности к реке, как в прошлом, и все время приходится топтаться по растениям, то и наблюдений за ними больше. Обнаруживаются виды, не найденные в прошлом году. Случается и так, что вид не обнаруживается только потому, что он крайне схож с близкородственным видом, от которого отличается каким-нибудь не бросающимся в глаза признаком. Так, вычитал в “Определителе высших растений Коми АССР”, что существует некий вид лабазника, отличающийся от обыкновенного лабазника голой нижней поверхностью листьев. Просмотрев первую же заросль лабазника в приречных кустах, нашел не только этот вид, но еще всевозможные переходные формы. В таких случаях естественно встает вопрос: вид ли это? Может быть, это просто уклонение от более типичной формы? Разве не могут растения одного вида несколько отличаться друг от друга? Мы знаем, что и среди людей не так уж часто встречаются очень похожие друг на друга. Если сопоставлять волосяной покров человека с опушением растений, то нужно вспомнить, что есть люди волосатые до удивления. Я знал одного старого армянина, у которого даже на спине кожа едва виднелась из-под обильного волосяного покрова. С другой стороны, есть совершенно голые субъекты. А сколь велико разнообразие людей, например, по форме носа, развитости подбородка, по форме черепа и т.д.! Велика изменчивость пигментации людей – одних только рыжихоттенков можно насчитать с десяток. И все же все непохожие внешне по мелким признакам и их сочетаниям люди относятся к одному виду Homo sapiens. Поэтому, когда в определителях растений встречается вид, отличающийся от другого вида степенью опушения или насыщенностью окраски или другими признаками, о которых заведомо известно, что они сильно варьируют, то невольно возникает сомнение в действительной обособленности этого вида от ближайше родственного ему.

Однако в данном случае было важно отметить, что коль уж такой вид описан, то здесь он встречается.

Для обнаружения плохо отличающихся видов ботанику-флористу полезно иметь с собой какое-либо пособие по флоре. Иначе есть риск что-то пропустить. Точнее, этот риск есть в любом случае, но при отсутствии пособия (если флора знакома только в общих чертах) этот риск увеличивается. Имеющийся у меня “определитель” нередко ставил меня в тупик. Например, с его помощью я никак не мог определить, что лежит передо мной: британский или иволитсный десятисил, приречный или восьмиязычковый крестовник, поскольку пары этих видов похожи друг на друга, а я не знал их хорошо раньше. В определителе же уловить отличия оказалось не так-то просто.

Кое-что сюда завезли, но интересно другое. Несмотря на то, что 30 лет назад это место было обитаемым и сюда постоянно ездили за лесом, здесь мало осталось сорняков, которые распространяются с большой легкостью,

сопутствуя человеку. Нет даже лопухов и птичьей гречишки – самых обычных пинежских сорняков. Но кое-что все-таки нашлось. Недалеко от избы выкопал нечто из гвоздичных и определил, что это – дрема белая. Итак, еще один вид! Однако при определении я его так растрепал, что гербаризировать не имело уже смысла. Отправился выкопать другой экземпляр и оного не оказалось. Что же, рос всего один?!

Близ ветхого сарая нашлось нескоько экземпляров пикульника двунадрезного. Это – тоже сорняк, родственник зябры, но с более скромными цветками. Больше его нигде не видно. Возможно, что он здесь исчезает, так как “поддержка” человека ослабла.

Для других сорняков особой поддержки не требуетсмя. Если уж их сюда завезли когда-то, то они будут процветать пока не восстановится лес. Некоторые расселились на галечники, на склоны, и их уже и восстановление леса не уничтожит. Они внедрились в состав местной флоры. Это и подорожник большой, и погремок, и клевер белый (кашка), крапива двудомная, полынь обычная, конский щавель и другие.

“Нос”, который огибает река, – это низменное пространство днища широкой долины, которая вмещает и пойму Полты. Он, таким образом, представляет надпойменную террасу. Когда-то давным-давно, скорее всего еще во времена дотаивания остатков ледника Полта текла здесь напрямик и дно ее находилось на уровне современной надпойменной террасы. Потом ее русло начало сдвигаться, как это вообще свойственно небольшим равнинным рекам, и образовало 2-километровую петлю, одновременно углубляясь. Однако с первого взгляда кажется, будто всегда так было. Лишь сопоставление различных признаков местности позволяет разгадать, что происходило в ней в течение тысячелетий.

Заросли ольхи покрывают “нос” и нависают над рекой. На прогалинах среди зарослей растут крупные травы – любители умеренного увлажнений: валериана лекарственная, живокость высокая, называемая также царь-зелье, крестовник приречный, гирчовник влагалищный, борщевик и скерда сибирские, пион и др. Все они – огромные травы, часто выше 1 м, некоторые выше человеческого роста. Такая растительность не относится собственно к тайге.

Растительность речных пойм обычно называют интразональной, так как она не характеризует растительную зону, а вкраплена в нее, как инородный элемент, который в малоизмененном виде имеется и в других растительных зонах, в частности в широколиственных лесах к югу от тайги или в тундрах к северу от нее. К интразональной растительности относятся и сосновые боры, мало различающиеся на юге и на севере лесной зоны.

Места, к которым приурочена “незональная” растительность, называют интразональными стациями (местообитаниями). А всевозможные скалистые или просто каменистые склоны в долинах называют экстразональными местообитаниями (стациями), так как их наличие не связано с климатическими особенностями природной зоны.

Для полноты информации нужно сказать, что зональный тип растительности для Полты– это темнохвойная, часто заболоченная тайга. Такой тайги, конечно, здесь немало.Удивительно то, что слишком много здесь интра- и экстразональных стаций и растительности. Поскольку эта растительность развивается здесь в естественной обстановке в течение тысячелетий, то вряд ли ее следует рассматривать как чуждую, или

заходящую, или вклинивающуюся, или еще как-либо. Несмотря на то, что таежный комплекс наиболее характеризует северные леса и по площади им занятой, и по интенсивности и специфике природных процессов, происходящих в нем, все же нужно говорить о главенствующей роли этого комплекса в природе лесного севера, наряду с которым имеются другие комплексы. Так сказать, второстепенные, но органически связанные с главенствующим. Примерно три четверти или более видов всей местной флоры приходятся на эти второстепенные комплексы: интра- и экстразональные. Набор видов зональных темнохвойно-таежных лесов относительно невелик. К тому же он обогащен видами, проникающими в еловую тайгу из разных второстепенных комплексов растительности, куда, в частности, относятся и луга.

Помянув о лугах, следует вспомнить о том, что большие пространства лесов на Полте (как темно- , так и светлохвойной тайги) сведены, т.е. попросту спилены. На местах сведенных лесов развивается так называемая вторичная растительность. Это и разные лиственные участки лесов (например, осиновые), и вичники, и различные луга. Многие полтинские луга и сейчас еще пестрят пнями. Вторичная растительность целиком относится к второстепенным комплексам, но, разумеется, не исчерпывает их. Таким образом, можно сказать, что деятельность человека способствует обогащению флоры северных районов, так как выше уже было сказано, что вторичные и прочие "незональные" типы растительности включают более 75 % местной флоры. (Флора и растительность – это не одно и то же. Флора – набор видов, обитающих в данном районе. Растительность – набор группировок и сообществ растений, представляющих мозаику местного растительного покрова).

По скошенным теперь лугам от Полевой избы мимо обрушившихся бараков тянется по горлу излучины тропа. Я возвращаюсь к избе по этой тропе, окаймленной стерней, и думаю о том, что все, что лежит сейчас в поле зрения, так не похоже на тайгу. Ощущение такое, словно идешь где-то за деревней в средней России.

Рыбаки-косари сегодня отбыли домой, напилив мне "Дружбой" чурбаков и сдернув на берег лодку, которая лежала у стены еще в прошлом году и, вероятно, еще лет 10 назад. На ней можно переправляться на другой берег прежде, чем она тонет.

Погода вызывает серьезные опасения. Небо постоянно хмурое, то и дело прорывающееся дождем. Ласточки-касатки с громкими криками кружат над самой землей. Прошлогоднее гнездо касатки в "прихожей" пред горницей снова функционирует, и по вечерам новое семейство собирается в него на ночлег.

В ясную погоду громко кричат стрижи, по-видимому, прилетающие откуда-то издалека. Местообитание птиц светлого будущего – серых ворон, связано преимущественно с местами бывших лагерей и в дикой тайге они не встречаются.

Окрестности Полевой избы – это, пожалуй, самый оживленный на Полте уголок в отношении птиц, поскольку на сравнительно малом пространстве имеются разнообразные условия обитания. Хотя лето движется к финалу, еще можно услышать "бой" зяблика, но он уже торопится, и "бой" получается скомканный, лишенный весеннего энтузиазма. Постянно снуют лесные коньки, иногда слышна пеночка-весничка, некоторые птицы незнакомы.

Всегда вспыхивает приятное ощущение при виде обыкновенных трясогузок. Они держатся близ реки и с громкими криками бегают, раскачивая хвостами, по огромным листьям нардосмии. На широких горизонтальных пластинках этих листьев, торчащих из воды, они похожи на Дюймовочек. По всей вероятности и ночевать они остаются на этих листьях.

111. Две террасы Полты выше Полевой избы. На высокой – заросли вичника со стоячими трупами деревьев. На переднем плане заросли нардосмии гладкой.

По вечерам появляются летучие мыши, но они весьма редки.В холодные вечера их и вовсе не видно. Для летучих мышей здесь условия неоптимальные, поскольку они – любители теплой, ясной погоды. Вероятно, тут они обнаруживаются на северном пределе своего распространения.

Левобережный ход к горизонту. Потеря ружья (21 августа)

Умей поставить в радостной надежде
На карту все, что нажито трудом,
И проиграть, и нищим стать, как прежде,
И никогда потом не пожалеть о том.
(Редьярд Киплинг, “Заповедь”)

Вчера предпринял вылазку на 84-й километр по противоположному берегу. Скалы там я осматривал еще в прошлом году и нашел, что набор видов на них был значительно беднее, чем на соседних. Эти скалы экспонированы на юг и сильно прогреваются. Растения прячутся в тень глыб, а открытые участки напоминают выжженную солнцем степь. Они цепью уходили от реки в глубь тайги, создавая впечатление крупного лога, который я и собирался осмотреть.

Лодка выдержала переправу, но пришлось вернуться за мешочком для мелких растений. Переправа обратно завершилась плавным погружением лодки на дно близ берега. Я вытащил ее на берег, перевернул, вылив воду, и столкнул обратно в воду. На соседнем берегу раскинулся обширный луг, за которым тянутся заросли вичника, господствующие в любом направлении от избы. Этот луг остался некошенным, и трава достигает 50 см. Луг весьма цветистый, издалека кажущийся бархатным.

На скалах я сажусь пить чай и просто понаслаждаться великолепием окружения. Сижу на площадочке в средней части подъема, так что вершины елей в пойме находятся как раз на одном уровне со мной. На одной из них вдалеке сидит канюк, и в бинокль я хорошо вижу, что он рассматривает, чем я тут занимаюсь. Я показываю ему кукиш и его взгляд еще более суровеет. Гершвин говорит в “Порги и Бесс”, что канюк приносит несчастье, и действительно: только я продвинулся по гряде каких-нибудь 50 м, как обнаружил, что потерял нож для выкапывания растений. Поиски оказались безрезультатными, но зато в сырой и сумрачной расщелине нашелся пузырник ломкий – ажурный папоротничек, тоже из группы арктоальпийцев, т.е. самых

древних представителей современной флоры этого района. Потеря ножа вполне искуплена, тем более что нож этот я и сам нашел. В этом месте скалистый склон обращен к востоку, поворачивая от реки вглубь поймы. Здесь много всевозможных расщелин и углублений с влажными стенками гипса, покрытыми мхами. Но у самой реки склон поворачивает вдоль ее и обращен к югу. Такое положение весьма крутого склона (в верхней части отвесного) обусловливает его сильное нагревание солнечными лучами. Здесь уже не растут не только мхи, но даже лишайники. Нет и арктоальпийских растений, которые появляются сразу же как только меняется экспозиция склона.

Посередине южного склона проходит толстый слой известняка, от которого начинается осыпь, спускающаяся к реке. Этот слой виден издалека, а вблизи обнаруживается, что в средней части склона слои гипса и известняка (толщиной 30 см) чередуются друг с другом, при этом известняк слоится еще и сам по себе. И та и другая горные породы являются осадочными по происхождению, т.е. когда-то давным-давно в этом месте было море. На дно этого моря осаждались и накапливались в течение тысячелетий мелкие раковинки, образовавшие в конце концов пласты известняка.

Но известняк может формироваться и путем осаждения из пересыщенных растворов, например, при постепенном испарении моря. Образование же гипса происходит только таким путем – кристаллизацией в перенасыщенном растворе. Чередование пластов известняка и гипсов говорит о том, что в силу каких-то изменений в существовавшем здесь когда-то море имелась очередность процесса осаждения. То преобладало осаждение гипса, то известняка.

Еще в 20-е годы нашего столетия геолог М.Б.Едемский выяснил, что осаждение гипсов и известняков Беломорско-Кулойского плато происходило в пермо–карбоне, т.е. 40–75 миллионов лет назад, в условиях мелкого моря. Такое море могло испаряться, как испаряется вода из блюдца, солевой раствор концентрировался и начинал выпадать в осадок. Теперь этот осадок образовал живописные скалы. Тот же Едемский писал в 1946 г., что, по словам местных жителей, по берегам Полты наблюдаются “сорок гор”, таких, “что посмотришь – шапка с головы валится”.

Лог оказался совсем не логом. Гряда скал сделала поворот и перешла просто в нескалистый склон в пойму, который, описав дугу, вскоре снова приблизился к реке. Несколько разочарованный, я поизучал карту-кварталку и двинулся на север, куда шло общее повышение рельефа. Когда-то здесь был лесоповал.Вокруг валялось множество уже высохших стволов деревьев, виднелись подобия дорог, видимо, волоки. Вичник здесь был разрежен и идти было легко. Всюду краснели шляпки подосиновиков, особенно выделяющиеся на фоне серых лишайников. Попадались одиночные воронки, похожие на воронки от взрывов бомб и снарядов, достигающие диаметра 7–8 м и с пологими склонами. В таких воронках хорошо видно различие южных и северных склонов. Южные склоны весьма сухи и покрыты сухолюбивой растительностью, в состав которой входят сушеница лесная и ястребинки: волосистая, загадочная и Лахеналя. На северных склонах травостой составляют обычные виды местообитаний с умеренным увлажнением: герань лесная, бодяк разнолистый, тысячелистник обыкновенный, валериана лекарственная. Южный склон имеет в целом серый цвет, а северный интенсивно зеленый.

Где-то впереди должна была проходить просека, но здешние просеки редко бывают заметны, настолько они заросли со времени их прорубки. Какое-то время я двигался по лосиной тропе, и в стороне оставался лиственничник, грандиозно высившийся над вичником. День клонился к закату, и я свернул к лиственничнику. Он располагался на возвышенности, внизу было болотце. Но сколько я ни проходил болот, вода в них была только под мхом. Под возвышением с лиственничником, в болотце ноги чавкали в торфяной жиже, но воды не было. На чем же варить кашу? Не идти же на Полту за 5 километров за водой! В одном месте нашел две пересохшие воронки, это меня вовсе расстроило. В одной воронке дно было покрыто бумагообразной белой пленкой, образовавшейся из уплотнившихся мельчайших частиц растений, на которые растения развалилсиь от долгого пребывания в воде. Когда вода испарилась, эти частицы осели, соединились, образовав пленку, которая всохла, выбелилась лучами солнца и стала настоящей бумагой естественного происхождения. Ведь производство бумаги человеком отличается от того, что произошло в этой воронке, только деталями и масштабом, принципиальная сторона процесса та же самая. В другой воронке такой пленки не было, а имелось колодцеобразное углубление в днище (понор), через которое уходила вода. Это воронка типично карстовая, тогда как в первой вода, по-видимому, полностью испаряется так как под почвой находится водонепроницаемый слой грунта.

Разобравшись в особенностях воронок, продолжил поиски воды, заглядывая под кочки. Наконец, под одной обнаружилось нечто похожее на навозную жижу. На подножье возвышенности развел костер, и пока варилась каша, заложил растения в сетку. Затем поднялся выше и нашел прекрасную дыру для ночлега между коренным выходом гипса и огромной отвалившейся глыбой. В одном конце прохода горел костер, в другом расположился я сам, причем ноги пришлось выставлять за глыбу. Сушняку было так много, что для заготовки дров топор не понадобился.

В 10 часов стало темно, как в дымоходе. Я с удовольствием почитал при свете фонарика, заметив, что изо рта валит пар. Сквозь жидкие кроны лиственниц мерцали звезды, казалось, что это – фонарики, повешенные на ветви. Ночь выдалась холодная, и едва костер прогорал, как я тут же пробуждался и спешил подбросить несколько бревнышек. Однако комары угомонились лишь на краткий срок, чувствуя тепло костра, а когда рассвело, галдели так, что не давали уснуть.

Когда я высунул голову из-под плаща в девятом часу, солнце уже поднялось высоко. Грибы, которые я вечером нанизал на палочки, высохли. Появилась стайка гаичек и с любопытством окружила место моего ночлега, оживленно цикая.

Каждое место ночлега под открытым небом утром кажется чуть ли не родным домом. В темноте ощущаются только ближние к костру предметы, но с наступлением дня это место становится кусочком всего обозреваемого пространства и словно скрадывается им. Немного отойдя в сторону от горячего пепла ночного костра, оказываешься “на улице”, но как только возвращаешься к этому теплу, вокруг как будто поднимаются незримые стены жилища, и возникает ощущение домашнего очага. Я всегда с некоторым сожалением покидаю места ночлегов. При этом возникает чувство, словно тебе оказали самое теплое гостеприимство и, уходя, ты должен надолго сохранить теплоту, обращенную к тебе, и при случае ответить тем же.

Завтрак готовил на старом месте и на старом соусе из-под той же кочки. Солнце сильно пригревало и было досадно, что тепло расходуется так неравномерно. Было бы значительно удобнее, если бы ночь была потеплее, а день попрохладней.

Пройдя некоторое время в понижении, полез на возвышение осматривать карст. Последний представлял на самом верху сплошь изрытую поверхность словно тут ковырялось какое-то громадное чудовище.Глубокие и мелкие воронки нередко соединены коридорчиками, напоминающими траншеи. От гипсовых стенок веет прохладой. Возвышения с таким карстом, называемомы суффозионным, наиболее подняты в данной местности. На них нет ледниковых наносов, которых нет и в понижениях этого микрорайона. А уже за его пределами, т.е. ближе к Полевой избе, ледниковые отложения всюду обнажаются на склонах к реке. Сказанное свидетельствует еще раз (наряду с особенностями сухихи логов) в пользу предположения, что наиболее возвышенная часть бассейна Полты не покрывалась последним ледником. Он объехал это возвышение, как обтекает разлитый гудрон кирпич, лежащий на его пути.

Ничего нового из растений не нашлось. Я спустился в лог и пересек болото, проклиная мягкость сфагнума, в который погружались ноги. Жаркий день оживил всех кровопийц. В тесный рой сбились комары, мошка, оводы и слепни. Для полноты комплекта не хватало только жигалки Вольфа. Вся эта куча гудела так, что заглушала все прочие звуки, и я намазывал через каждые полчаса на свою физиономию миллиметровый слой диметилфталата. Гудяще-звенящая масса тыкалась, но не садилась, терпеливо ожидая, когда диметил выдохнется. Только мошка совершала каверзы, забираясь глубоко под одежду и где-нибудь выбирая удобное местечко для трапезы.

Пройдя лог, вновь поднялся наверх и забрался в карстовую воронку перекурить в прохладе, не снимая рюкзака. Рядом торчал куст шиповника с мягковатыми жировыми побегами, на которых совсем не было колючек в отличие от деревянистых стеблей, густо усеянных ими. Этот шиповник так и назывется – иглистый. Здесь вновь тянулся суффозионный карст, и я начал его рассматривать. Нашел интересный астргал с пурпурно-фиолетовыми цветками, но рядом оказался обычный астрагал датский с синими цветками. Значит, просто некоторое различие в окраске; может быть, возрастное изменение, как это нередко бывает у цветков в этой гамме.

Встретились несколько кустов созревшей красной смородины, и я принялся утолять жажду. Притронулся к плечу, и ужас пронзил меня с головы до пят. Ружья на плече не было. Я слишком хорошо знал, что значит потерять что-то в незнакомом лесу. Вероятно, я оставил его на месте перекура, поэтому бросился искать это место. Сразу же возникла мысль, что дело кончено, хотя весь участок был, наверное, не более 70 м. Я ходил туда и обратно и лихорадочно вспоминал, что видел и что не видел, но участок был какой-то одноликий. Эти причудливые карстовые провалы могли иметь любую форму, и попробуй вспомнить, где именно ты шел. Выскочив в лог, не мог найти место, где начал подъем. Тут нужна была совершенная точность, но ничего такого, что бы врезалось в память, не было. Наконец, отыскалась воронка похожая на ту, в которой я курил, но в ней не было спички, которую я всегда бросал перед собой, и шиповника с жировыми побегами. Другие воронки и вовсе не похожи на ту. Но, может быть, я оставил ружье у странно окрашенного астрагала, так как, копая что-либо, всегда ружье кладу рядом.

Где же я его копал? Вот два куста кизильника черноплодного, которые я проходил, но разве найдешь место, где выкопал травку. Кроме трагизма ситуации чувствовался и комизм, и тогда я говорил себе: “Что ж, в первую очередь ты ботаник, а уж потом охотник со страстью к орнитологии”. Легкче от этого рассуждения, конечно, не становилось. Три часа я протоптался тут, не в силах уйти. Жаль было не столько ружья, как вещь, сколько то, что еще предстоит дней 10, впереди вылазка на речку Черную, а может быть и до речки Точилихи, если все будет хорошо.И в такое время лишиться ружья! Проклятье тому канюку, которого я съел, и тому, который вчера предвещал мне несчастье!

После злополучного карста я около часа шел на восток, пока не набрел на небольшое торфяное озерцо, из которого высосал литра полтора воды вместе с водяными блохами. Затем свернул на юг, решив выходить на Полту, и очень скоро на ней оказался. Быстро разделся и бросился в воду. Здесь было мелко, и я приседал, окатывая себя холодной водой, не давая мошкаре облепить себя. Выскочил и на бегу принялся одеваться. Сзади поспевал рой слепней. Стоило мне развернуться и бежать в обратном направлении, подхватывая что-то из одежды, как слепни почти без инерции разворачивались тоже. Можно было подумать, что сзади летит самолет.

Купанье несколько освежило и успокоило. Но вечером, когда я ходил по “верхам” близ избы, на полянке вспугнул глухарей и мысль о ружье снова болезненно засвербила.

В темноте у костра сушил бумагу и слушал “Евгения Онегина”. Иногда прилетал порыв ветерка, и ветви деревьев тревожно шептались, где-то хлопала доска, костер свирепел и начинал плеваться мелкими головешками. Сквозь рваные облака вдруг проваливалась луна, заливая все вокруг призрачным светом, и тогда все возвышенное над землей бросало уродливые тени, а на воде вспыхивала дорожка. Чувствовалась большая влажность воздуха, и стоило только отодвинуть бумагу от костра, как она тут же становилась влажной.

Неудачная вылазка (23 августа)

Всю жизнь плетусь вперед по
бездорожью.
Мне каждый день неведом, дик и нов.
И пусть весь путь был только яркой
ложью –
Я не хочу иных путей и снов!
(Alexander / А. Брюсов/)

Накануне выступил с намерением опдниматься вверх по правобережью Полты до р. Черной. На старой кварталке была обозначена какая-то дорога, оканчивающаяся точечным пунктиром, т.е. болотом, в котором я наконец и оказался.

В болоте решил, что пора менять направление и повернул на запад, т.е. параллельно Полте. Сразу же влез в какой-то глубокий лог с болотом и гигантскими кочками щучки дернистой. Поспешил влезть на угорок, который вскоре кончился, и глазам предстала великолепная панорама сухого торфяного болота. Его ровная поверхность имела различные буроватые тона с красноватыми оттенками. Чахлые сосенки далеко отстояли друг от друга, а

между ними золотыми брызгами горела на солнце перезревшая морошка. Стоял густой запах прелых трав, смешанный с дурманящим ароматом багульника.

Крепкий запах багульника – это плохо, и я с беспокойством осмотрел небо. Но оно было ослепительно чистое. Морошка словно таяла во рту, и через 20 минут, после потребления ее целыми горстями, я перестал обращать на нее внимание.

За болотом опять шли угорки с вичниками и опять болота и болотца, уже не столь красочные. Новые виды не попадались, а старые встречались как старые знакомые и некоторые – как изрядно надоевшие знакомые. Вот, к примеру, золотая розга (золотарник), где она только не растет! Напротив, розовые, как будто лохматые цветки коронарии (кукушкина цвета) можно увидеть только в болоте, но зато почти в каждом. Многие леса здесь заболачиваются, а некоторые пока просто сырые, в таких лесах развиваются сплошные покровы из кислицы обыкновенной, которую иногда называют заячьей капустой. На капусту она вовсе не похожа, и не знаю, едят ли ее зайцы, но жажду она утоляет хорошо, поскольку богата щавелевой кислотой.

На угорках обычен карст в виде огромных воронок, через которые иногда проходит "мост" – толстенный ствол упавшей лиственницы. Несколько раз я удачно пользовался такими "мостами", но один из них рухнул, когда я находился как раз посередине. Из воронки я выкарабкался, заваленный древесной трухой и с ноющим копчиком. Наверху меня радостно встретила туча кровопийц, вероятно, недоумевая, куда я исчез столь внезапно.

Жара уже совершенно изнурила меня, поскольку одет я был в толстые штаны, а на ногах резиновые сапоги. Но делать было нечего, не нести же эти вещи в рюкзаке, который и без того оттягивал плечи. Тут я вышел на хорошо протоpенную лосиную тропу нужного направления и с облегчением вздохнул, проглотив при этом с десяток мошек. Тропой явно пользовались часто, и идти по ней было одно удовольствие.

Показалась чаша карстового озера и я расположился на берегу пить чай. В отличие от ледниковых, карстовые озера, как правило, не имеют островов (да они и несравненно меньше всегда), берега круты и глубина нарастает также очень быстро, так что зарастания этих озер тростником и камышом не происходит. Некоторое подобие рыхлой сплавины образуют горец земноводный, короткоостый лисохвост, наумбургия кистецветная и щитковидная вероника.

Рис. 21.

Вода в карстовых озерах обычно темная из-за большой глубины и сплошного затенения нежелающим расступиться лесом. Такие озера производят впечатление местожительства водяного.

Осмотрев озеро и напившись чаю, я бодро двинулся дальше по той же тропе, но вскоре она разветвилась, истоньшилась, и я повернул на запад. Совсем немного я прошлепал по очередному болоту, как вдруг… меня словно громом поразило. На озере я оставил фотоаппарат. Я застонал и схватился за компас. Скорей, на восток! Выскочил на просеку, которую было заметно лишь по просветам на горизонтах.

"Спокойнее, без паники!" – одергивал я себя и топтался на месте, соображая. С озера я ушел меньше часа назад, по тропе шел почти на юг,

потом свернул на запад. Но с какой стороны просеки тропа? Я заломил ветку в месте, где вышел на просеку, и пошел на север, чтобы делать заходы в обе стороны. Дошел до большого лога, пройдя метров 800 или километр. Лог этот я не видел раньше, поэтому повернул назад и начал делать заходы от просеки, не выпуская из рук компаса и делая зарубки по пути так, чтобы от одной зарубки была видна следующая. Если я потеряю просеку, а нет ничего легче,.. тогда фотоаппарату конец.

На запад от просеки начинались черничники, их я тоже не видел раньше. На востоке пошел губчатый карст, а вдали зарозовели большие обнажения – там, наверное, Полта. Все было незнакомым, и никакой тропы, хотя одиночные лосиные следы попадались на каждом шагу. Бросился к месту, где вышел на просеку. Ага! Вот заломленная ветвь! Здесь и болото, и вичник, точно так, как было на тропе. Пошел на восток и вышел в беломошник. Нет, не то! Вернулся и тут заметил, что иду по тропе. Вот она протянулась мимо моей отметины, пошла дальше. Сомнений не оставалось – это та самая тропа! И я помчался по ней на север. Через полчаса внизу заблестела черная вода – озеро. Итак, искал я это озеро 2,5 часа, в общем, можно сказать, недолго. Фотоаппарат лежал близ остывшего черного пятна золы незаметным потерто-коричневым бугорком.

Время было уже к ночи. Я расположился над озером на ночлег, прямо на лосиной тропе, надеясь, что лось не наступит мне на голову, учуяв дым. Небо заволокло тяжелыми тучами, но ветер с севера, и думалось, что может быть обойдется без дождя, хотя чуть-чуть уже накрапывало. Ночь ожидалась теплой, так как комары спать были не намерены. У жаркого костра я быстро высушил пот и промокшую от него одежду.

Ночью раза два принималось брызгать, а в 7 утра хляби небесные окончательно разверзлись, полило чувствительно. Я набросил на рюкзак и на себя по куску полиэтилена и дремал еще около 2-х часов. Комары умудрялись забраться даже сюда, проползая где-то около земли. Спалось отлично, так как костер я разжег под огромным пнем, который тлел всю ночь, так что заготовленные дрова остались.

По-прежнему сыпала морось. В такую погоду в лесу неуютно. К чему ни прикоснись – тебя тут же поливает, как из душа. Стоит непрерывный шелестящий звук. Кругом сыро, а в гуще деревьев просто темно. Иногда пугливо шарахнется отсыревшая пичуга и снова только океан шорохов от падающих капель.

Идти или подождать? Однако небо плотно затянуто одноцветной серой толщей. Ждать бессмысленно. Долго хватаюсь за карманы и за бока – все ли повесил на себя. Решил присматривать за собой.

Через 5 минут я уже основательно мокрый, но к этому быстро привыкаешь. Дохожу до лога, который увидел вчера, а вскоре выхожу к Полте. Место как будто знакомое и близкое к скалам 85-го километра.Сопоставляю на карте повороты реки и просеку и убеждаюсь, что в 1,5 километрах проходит поперечная просека до самой речки Черной. Замечаю время на 1,5 километра и иду назад. На озерке с плотными голыми берегами из серозема плещется гоголь и, завидев меня, гагакает и ныряет. Через пару минут он появляется почти на том же месте и снова ныряет.

“Радуйся, что у меня нет ружья”, – говорю я ему, когда он снова показывается и теперь даже не исчезает, плавая от меня в десятке метров. Вспоминаю, что вчера несколько раз поднимал глухарей. Однажды

вспугнутый выводок расселся по кустам где-то совсем рядом. Чорт знает что! С потерей ружья дичь то и дело попадается на глаза, причем дичь настоящая, не какая-то там кукша.

Какой странный берег у этого озера! Как будто уровень воды в нем сильно колеблется и сейчас фаза низкого уровня. На влажном берегу видны одиночные растения лютика стелющегося, жерушника болотного и незабудки дернистой. В воде не растет ничего.

Рис. 22.

Вскоре я добрался до квартального столбика и подтвердил свои опасения. Кварталы действительно оказались близкие к Полевой избе и видневшиеся обнажения – это 85-й километр. Недалеко же я вчера ушел! Впрочем, не удивительно. Половину времени я шел на юг, потом на запад и северо-запад, а по лосиной тропе на юго-запад. В целом я сделал большую дугу, но по реке это составило небольшое расстояние.

Поперечная просека была совсем не видна и это отбило у меня желание идти напрямик до речки Черной, хотя, судя по карте, по просеке до этой речки всего семь километров. Столько же, сколько и обратно. Надо полагать, что за эти 7 километров по невидимой просеке ты заберешься бог знает куда – размышлял я, выкуривая сигарету и ежась от сырости. Раз уж до дому близко, самое лучшее – туда и направить стопы.

На обратном пути я едва не потерял просеку, по которой возвращался к реке, отойдя в сторону на несколько метров. На карте расстояния всегда кажутся меньше, чем на самом деле. Пока я добрался до 85-го километра, то уже порядком утомился. Было холодно и мрачно, не хотелось даже сесть и вылить воду из сапог, а тут еще высокотравье по грудь, пропитанное водой. По реке пронесся, словно торпеда, гоголь. Наконец, пришлось разуться, так как почувствовал, что натираю ногу. Промокло все, и паспорт в нагрудном кармане как будто побывал в пасти у коровы.

“Идиотский плащ!”, – бормотал я. Глядя на этот плащ, можно подумать, что его не прошибешь из брандспойта, но на самом деле хватает капли, чтобы она просочилась насквозь.

К избе я подходил совершенно опустошенный и, вероятно, имел жалкий вид. Однако никто этого не видел.

В избе переоделся, развел костер и достал бутылку со спиртом. Говорят, что от простуды очень хорошо помогает спиртовой настой тимьяна, но этот вид я еще не нашел здесь. Может быть, и без тимьяна поможет?! Сразу дало знать, горизонт заколебался, и лиственницы на нем принялись подпрыгивать, хотя сознание сохранило полную ясность. После обеда затопил печку в горнице, но озноб колотил еще долго. А дождь лил и лил, то ослабевая, то усиливаясь, а когда прекращался, его сменяла водяная пыль.

Я сижу у открытой печки рядом с сушащимися сетками и грею спину. В памяти плывут еще ощущения только что минувшего. Тот огромный лог, по всей вероятности, был когда-то руслом Полты. Но потом, по каким-то причинам, она изменила направление течения, сделав небольшую излучину, тогда как по этому логу текла прямо. Реки меняют русла самым странным образом, и никакое объяснение чаще всего нельзя признать удовлетворительным. По-видимому, часто причиной изменения русла являются местные вертикальные движения земной коры, но установить это

путем непосредственного наблюдения невозможно. Ночью мне снится сон, будто я нахожу свое ружье. Любопытно, может быть, это предсказание свыше?! Если мне удастся его найти, я непременно буду верить в светлое будущее, запрограммированное сюрреалистически.

В поисках ружья (24 августа)

Опять этот ветер широкий и свежий
В лесу опустевшем уныло свистит.
За ветками чудится топот медвежий.
Усталое сердце тревожно стучит.
(Николай Поярков)

Утром переправился через Полту и двинулся к месту, где потерял ружье. Да, но самое это место тоже надо искать. В тот несчастный день я вышел на Полту совсем недалеко, а от большого лога тоже шел недолго и все время контролируя направление. В солнечную погоду это происходит машинально.

Вот и пожня, нап которую я вышел. Между сгнивших пней здесь буйное цветение высоких трав, среди которых выделяются луговые васильки с фиолетовыми цветками, подмаренники, иван-чай. За пожней начинается вичник, попадается какая-то просека, которая скоро кончится. Посреди вичника возвышаются немыми великанами стоячие трупы или полутрупы лиственниц. Их щадили и пожары и лесорубы, но время не пощадило. Гигантские столбы с жалкими остатками ветвей являются характерной особенностью местного пейзажа. На них любят садиться птицы, крупные и мелкие. Кукши издают на них свои дикие кличи. Дрозды дергают нервно хвостами и, потрещав, словно заявив о себе, слетают вниз. Вороны сидят подолгу и, громко каркая, вещают о том, что не все спокойно. Хищники сидят неподвижными столбиками, вращая головой во все стороны.

Подумав, я полез на лиственницу. Выше 10 м лезть было опасной. Сучьев совсем не осталось, только их короткие шиповидные остатки, которые почти все сгнили и крошились, но некоторые еще держали. Ветер свистел в ушах и мертвое дерево жалобно скрипело, но в конце концов стало ясно, что оно еще не упадет. Я долго осматривал окрестности. Мир раздвинулся. Вверху осталась лишьбездна неба Внизу колыхался океан леса, хотя в основном это был вичник. Вдали виднелся суглинистый откос у Полевой избы. С другой стороны ершились лиственнички.Но озерка, где я пил, уходя от того злосчастного места, не было видно, так же как и лога. На севере начинался подъем и, по всей вероятности, лог находился там.

Неожиданно вышел к озерку через какой-то километр или полтора. Оно просто было скрыто за деревьями, так как совсем маленькое, да еще и расположено в низине. Рядом шла та самая лосиная тропа, которая ведет в лог. Она поднимается и вскоре по обе стороны от нее оказываются склоны, один из которых завален высохшими трупами деревьев. Где-то здесь я шел наверх. Решил искать обстоятельно, но времени уже оставалось немного, поскольку лог я искал слишком долго. Находилось все, что только можно найти в подобном карсте, даже куча медвежьего навоза, который я поковырял палочкой, определяя его свежесть. По всей видимости, его производитель был

тут вчера. Поскольку ружье упорно не обнаруживалось, я даже начал думать, не унес ли его с собой косолапый.

Поймал себя на том, что хожу как неприкаянный и к тому же промокший. Дождь моросил уже часа два. 7 часов вечера. Надо уходить. Глухарям, которым я пригрозил, выпугнув их на пути сюда, нечего бояться.

В низине чуть не наступил на бекаса, выскочившего прямо из-под ноги, отчего я подпрыгнул метра на полтора без разбега. В другом месте перепуганный дрозд дал тревогу лесу. Дождь кончился, но когда я приплелся к избе с охапкой лука для каши, снова заморосил мелко и нудно. Позднее стало хлестать, как из ведра, но подул порывистый ветер, дающий надежду на изменение погоды. Сейчас оказаться в лесу мало приятного и так хорошо сидеть у печки с гудящим пламенем. Приемник разгоняет гнетущую тишину и заявляет о существовании большого мира, большего, чем тайга, и чем-то лучшего, но не всем. В тайге нет места лживости и ханжеству, ненависти и предательству, поэтому все законы ее жизни просты. В тайге можно падать от физической усталости, которая только укрепляет мышцы и дух. Но в тайге никогда не приходит усталость от черствости, формализма или собственного бессилия.

Что думает человек, когда он долго один и дневные заботы позади, например, сидя в избе на берегу таежной речки и грея спину? Пожалуй, он больше всего вспоминает. Он вспоминает без всякой связи, что было сегодня и что было 10 лет назад и т.д. Воспоминания радостные и печальные плывут в сознании словно фейерверк. Эпизоды из собственной жизни переходят в философические размышления. В них вклиниваются цельные полотна минувшего или какой-то один фрагмент – острое чувство. Сознание рисует образные ситуации и вновь их сменяет абстрактная рассудительность. Если день прошел удачно, то есть было найдено что-то новое, или под давлением очередных наблюдений появились какие-то догадки, предположения, то и вечернее настроение приподнято, спокойно. Но если пропитавшись водой и ничего не встретив, тащишься домой, то и настроение весьма подавленное. Мысли тускнеют, и вспоминаются всякие неприятности.

Насыщение выходного дня (25 августа)

Мертвым не надо вставать. Теперь они частица земли, а землю нельзя обратить в рабство. Ибо земля пребудет вовеки. Она переживет всех тиранов.

(Эрнест Хемингуэй)

С утра было мрачно, как в подземелье. Уныло моросил дождь, но порывистый ветер подавал надежду на изменение погоды. Я выбирал из собранного гербария высохшие растения, то и дело выскакивая в “прихожую” смотреть погоду.

В середине дня прояснило, хотя горизонт остался обложен черными тучами.

Я продираюсь сквозь вичник на склоне близ избы и останавливаюсь перед сколоченным из жердей могильным крестом. Миша Старков сообщил мне, что здесь похоронен уважаемый в зоне заключенный, который перед смертью

попросил похоронить его здесь. Но кто же он?.. Крест без надписи и уже совсем ветхий. Тяну с головы грязный берет. Скоро этот крест, уже совсем исчезнувший в зарослях, которые его укрывают, рухнет, и больше никто не узнает, что здесь покоится тело человека… гражданина, кем-то когда-то уважаемого.

Я вспоминаю стихотворение Шарля Муасса “Человек” и читаю его вполголоса:

Он был и нет его. Теперь он только тень.
Звук, исчезающий в лесу воспоминаний,
Забытый персонаж из драмы без названья,
Жилец иной страны, где слиты ночь и день.
Какой надеждой жил? Какое назначенье
Имела жизнь его? Что нам оставил он?
Всегда ли радостей земных он был лишен?
И кто оплакивал его исчезновенье?
Все то, что пережил и что унес с собой
Будило ль иногда в нем отвращенье к будням?
Вихрь очищающий о нем споет ли людям,
Таким же, как и он, обиженным судьбой?
Неважно! На земле напрасных нет усилий
И если не нашел он верного пути –
Дорогу радости дано другим найти…
И все же, плачь, земля: твой сын лежит в могиле

В душе наступает траурная пустота, словно я нашел могилу близкого мне человека, которого убивали по мелким кусочкам его тела и поглядывали: когда же душа отлетит?!

Простых заключенных хоронили в общих ямах на другом берегу Полты, против перешейка. Крестов не ставили, хватало колышка. Миша беспокоится, что когда река подмоет место захоронений, то в ней может образоваться порог из черепов. Нет для них Иезекииля, способного оживить их, когда б “сближаться стали кости, и своя нашла свою.., вот жилы связали их, вот облекла их плоть и кожа плоть их поверху покрыла… от четырех ветров… дух вошел в них: и они восстали на ноги – и полчище ожило!” (А.М.Федоров).

Тлетворный дух витает над всей этой проклятой людьми землей. Если прислушаться, то как будто слышны стоны и мольбы страждущих. Когда по ночам где-то хлопает под порывами ветра болтающаяся доска, а на чердаке он воет в дырах на все лады, шевелящиеся от лунного света тени кажутся бродящими призраками. Они встают целыми толпами худых, серых бесплотий в длинных, несуразных, рваных ватниках, с землистыми, застывшими лицами с пустыми глазницами. Они слушают вечный плеск воды на сливе Полты и черные дали тайги под мелькающей в серых лохмотьях облаков луной. Они заламывают тянущиеся вверх руки и из упавшего рванья рукавов торчат коряжистые кости, постукивающие друг о друга. По–пушикински – “боязливо просят бога успокоить души их”. Но нет для них Иезекииля.

Льется время на мельницу бесконечности и призраки на время растворяются в бытии, наполненном холодной сыростью. Но зябко снаружи и зябко внутри. Ветер гонит клубы серо-фиолетовой мути. Тоска… Надо срочно начать что-то разглядывать, пользуясь благом дневного света.

Недалеко от избы к реке опускается невысокий суглинистый склон, на котором выступают посередине пласты гипса. Верхняя часть склона имеет темно-бурый цвет, сильно отличаясь от нижней серо-охристой. Это различие вызвано разной насыщенностью суглинка влагой. В верхней части суглинистый покров мощнее, и ноги вязнут, словно на осеннем поле. Кажется странным, что на склоне больше влаги в верхней его части, а не в нижней, тем более, что над склоном воды нет совсем. Вероятно, это означает, что где-то в верхней части склона залегает водоупорный слой грунта, по которому сюда просачиваются грунтовые воды.

Подобные склоничики очень обычны в этом районе. Суглинок, покрывающий их, отличается от суглинка береговых откосов ниже Горшка значительным содержанием песка. Растительность таких склончиков имеет пионерный облик, т.е. она сильно разреженная и составленная “вульгарными” растениями (так иногда называют растения, попадающиеся на каждом шагу) или специализированными для легко обновляемых субстратов и избегающими вместе с тем произрастания в близком соседстве с другими растениями. К числу последних видов относятся всем известные мать-и-мачеха, иван-чай, горошек мышиный. Кроме того, для таких склончиков особенно характерны полевица обыкновенная, ясколка дернистая, чина луговая, клевер ползучий с белыми головками и клевер луговой с красными головками, истод горьковатый, очанка холодная и др. Только один вид – кипрей болотный – находился исключительно на таких склончиках и является, таким образом, верным видом для них. В других местах, где мне приходилось бывать, этот кипрей встречается на болотстых местообитаниях.

Склончик прорезается сверху вниз двумя небольшими логами, заросшими кустами ольхи. В логах уже типично лесной набор трав с добавкой тех, что растут на открытом склоне. По одному логу журчит ручеек, образующийся в верхней части склона из тоненьких струек, вытекающих из-под земли. Так и есть! Здесь выходит водоупорный слой грунта, да еще, наверное, наклоненный к Полте.

Выбравшись наверх, я осматриваю низменную панораму излучины реки, в которой заключены остатки строений. Под склоном в мелкой воде колышутся огромные листья нардосмии, образующие целую заросль, вытянутую вдольберега.

Наверху густая заросль еще не расцветшего иван-чая. Дальше начинается луг. Этот луг мы осматривали подробно в прошлом году и нашли его весьма своеобразным. Со всех сторон он окружен вичником, а на самом лугу растут отдельные березки, кусты ив, молодые сосенки и лиственницы. По-видимому, уже давно луг не косят. Он вытянут в направлении отреки, и на нем встречаются разные по экологии виды. Ближайшую к реке часть луга населяют более влаголюбивые растения. Здесь встречается растущий крупными куртинами зверобой четырехгранный, герань болотная, лютик многоцветковый, клевер средний, купальница. Дягиль здесь достигает в высоту 1,5 м. На отдаленном от реки конце луга более сухо и растительность здесь характерного борового облика. Дягиль на этом конце луга недоразвит – видны только его прикорневые листья, а трубчатого стебля нет. Тут же обильны черника, брусника и голубика, выделяется пирамидкой кисточек-плодов мелколепестник вытянутый, желтеет погремок большой, массово цветет кошачья лапка, мягкость цветочных корзинок которой ощущается даже при взгляде на них. Из редких растений здесь растет сушеница лесная.

Я брожу по лугу и в памяти всплывают мелкие детали, выщербленные прошедшим годом. Огромные корзинки нивяника приветливо кивают, повинуясь легкому ветерку из серых далей. Как и в прошлом году, на лугу много грибов, от которых местами стоит сильный запах гнилости.

На противоположной стороне излучины склон к реке пологий, закустаренный. Близ него лежит упавшая сторожевая вышка. В прошлом году она еще стояла, покосившись. Лежит ряд столбов, окутанных колючей проволокой. Сквозь проволоку выросли уже двухметровые березки.

К вечеру все тучи протащило и в последних лучах заходящего солнца остались только редкие сине-фиолетовые клубы. Надо полагать, что завтра с утра погода будет ведренная. Над рекой и полянами повис белый туман. Собираю рюкзак в дорогу на речку Черную, решив идти вдоль Полты, раз уж попытка пройти по “верхам” кончилась плачевно.

Вверх по Полте (26 августа)

Слышу, тихо грохочут с волной уходящей

каменья;
Вижу: алый закатный туман превращается

в дым.

(Валерий Брюсов)

В шесть утра яркие лучи солнца пробивали тусклое оконце. Но уже в 9 часов небо затянула низкая обложная облачность. Я двигался по знакомой еще с прошлого года дороге вдоль реки, зная, что скоро дорога эта растворится в зарослях вичника. Через некоторое время я начал продираться сквозь эти заросли, не выпуская компаса из рук, попав к тому же в сильно закарстованный участок. Изрядно начертыхавшись, совсем неожиданно я вылез на возвышение и оказался прямо на скалах 85-го километра, куда и пробирался, срезая повороты реки.

Здесь покурил, озирая великолепие окружения, нисколько не меркнущее, сколько бы раз его не видеть. Есть места, к которым не ощущаешь привыкания, они всегда производят

112. Скалы на 85 км Полты.

экзальтирующее впечатление.

На реке раздались шумные всплески, и появились струящиеся по течению крохали. Их серые тела контрастируют с вишневыми головами.

Несколько раз еще я срезал повороты реки. Наконец, пройдя по заболоченному лесу, где под сенью елей пока не налилась морошка, вышел вновь на береговые обнажения гипсов. Река вскоре ушла в глубь долины, сделав крутой поворот, но скалы продолжались почти по прямой в лес. Теперь стало окончательно ясно, что прерывистость обнажений связана с меандрированием реки в пределах долины. Там, где река подходит к краю долины и подмывает склон, происходят подвижки рыхлого грунта, которые

усиливаются поверхностным стоком. В результате этой беспрерывной деятельности и образуются гипсовые обнажения высотой до 50 м.

Таким образом, “сорок гор” – на самом деле являются одной горой, а точнее плато, с “” сорока крутыми каменистыми склонами к Полте. Кроме того, число сорок – явно преувеличенное раза в два или более.

Подвижки субстрата на склонах бывают весьма значительные. После долгого сноса мелкого материала многие крупные глыбы зависают. Достаточно на нее вступить, и веками неподвижная глыба катится вниз, сокрушая все на своем пути. Некоторые куски скал вылетели на середину реки, сломав на своем пути толстые деревья, словно соломинки, а их ветви превратив в щепу. После такого грандиозного происшествия наступает длительный период покоя. В это время на месте обвала успевают вырасти большие сосны. Под действием дождей и, особенно, при снеготаянии потихоньку оползает мелкозем и небольшие куски горной породы. Но и крупные глыбы могут сползать на пологих участках постепенно, подолгу задерживаясь на одном месте. Существенную роль играет то обстоятельство, что пласты гипсов чередуются с пластами известняков. Это переслаивание иногда напоминает гигантский слоеный пирог. Известняки, образующие прослои – очень хрупки, кроме того, они легко вымываются грунтовыми водами, оставляя пустоты.

113. Подмываемые Полтой обнажения (90-е километры).

Разрушение склонов – процесс, длящийся тысячелетия. В геологических масштабах это недолго. Кроме того, интенсивное разрушение (обвал) всегда охватывает лишь часть одного скального массива. Оползание мелкого материала также на одних участках происходит быстрее, на других медленнее, а на горизонтальных площадках оно и вовсе не проявляется. Все сказанное можно резюмировать следующим образом.

Разрушение образованных гипсами склонов в долину происходит не медленно, но и не быстро, с разной скоростью на разных участках, и постоянно в течение всего послеледникового времени. Деятельность реки имеет в этом разрушении инициирующую роль, подмывая склоны. Там, где река уходит в глубь долины, разрушение резко затормаживается; осыпи зарастают лесом.

Понимание характера физических процессов, происходящих на обнажениях гипсов, важно для объяснения существования на них видов растений, несвойственных современной обстановке в районе. Некоторые из этих видов сохраняются здесь не менее 10 000 лет. При этом они растут только на гипсовых обнажениях. Стоит пройти десяток метров от обнажений и этих видов уже не найти. В наше время такие виды, как дриада или ива сетчатая, растут в норме в тундрах или в альпийском поясе гор. В ледниковое время эти виды были распространены вдоль края ледника, в так называемой перигляциальной зоне. 10 000 лет назад эта зона охватывала пространства современной северной тайги и, вероятно, отчасти умеренной (средней), т.е. достигала, по крайней мере, верховьев Волги, смещаясь по мере таяния льдов все далее к северу. Некоторые виды растений, обитавших в перигляциальной зоне, нашли благоприятные для себя условия произрастания на выходах коренных пород, обладающих свойствами, о которых было сказано выше. К этому нужно добавить два обстоятельства. Первое – это обогащенность

грунтов соединениями кальция, что является благоприятным фактором минерального питания и способствует длительному переживанию в этих условиях растений, не могущих существовать в иных условиях при изменившемся климате. Второе – на выходах коренных пород ослаблена конкуренция со стороны тех растений, которые в настоящее время наиболее приспособлены к зональному комплексу условий среды.

Исследование флоры скалистых обнажений – увлекательнейшее занятие. Нужно осмотреть как можно больше участков скал, заглядывая во все углубления и щели, присматриваясь к каждой мелочи. Ведь какой-то вид может расти всего в одном месте, а условия обитания чрезвычайно разнообразны. Здесь – сухо и светло, там – влажно и светло, а всего лишь в нескольких метрах – густая тень. В одномместе поверхностный слой грунта неустойчив, начинает ползти даже при затяжном дожде, не говоря уже о времени снеготаяния. По соседству – устойчивый крупнокаменистый участок, рядом – сплошной ковер лишайников, а чуть дальше моховая подушка. И все это на небольшой площади. Великое множество комбинаций факторов среды создают калейдоскопический ассортимент экологической обстановки, а это является условием видового разнообразия.

На площадочке посередине скальной гряды поднимается белесый столбик дыма. Там кипятится чай, пока я зигзагами ползаю скалам и осыпям, делая заметки. Вот склон прорезается спускающимся сверху ложком, заросшим кустами ольхи и черемухи. Здесь сплошной моховой покров, который прорывают куски гипса. В наборе видов уже нет некоторых растений, сидящих неподалеку на открытом месте. Зато здесь прекрасно чувствуют себя герань лесная, горошек лесной, малый василистник и княжик сибирский с пуховыми шарами плодов. Такие ложки очень обычны для разных обнажений и всегда в них обнаруживается сходный флористический набор. Точно так же на разных открытых скалах состав видов очень схож, а, например, в зеленомошных ельниках можно очень точно предсказать все, что там найдется, осмотрев предварительно несколько таких ельников.

Флористическое сходство является следствием сходства жизненной среды в течение длительного времени. Участки со сходной жизненной средой объединяются для удобства исследования в серии или типы местообитаний. Особенности жизненной среды часто связаны с элементами рельефа и тип местообитания отсюда называется по геоморфологическому признаку. Однако нередко жизненная среда определяется другими факторами. Например, зеленомошный ельник может располагаться на водоразделе, на высокой и низкой надпойменной террасах. Геоморфологически это будут разные элементы, но жизненная среда в таких случаях очень сходна и определяется пологом елового леса и сплошным моховым покровом. Поэтому такой тип местообитания удобно называть по растительности. Так же и в других случаях. Это означает, что тип местообитания нужно выделять и называть по тому броскому признаку, который в значительной мере определяет условия жизненной среды. Такие вопросы сподручнее всего решать непосредственно “в поле”.

Я чувствовал, что меня все более увлекает проблема связей растений со средой их обитания и постоянно настраивал ход своих мыслей на общие и частные вопросы этой проблемы, с которыми сталкивался вот прямо тут, на месте. Эти вопросы составляли важную часть моей сознательной жизни этого периода, перемешиваясь со всеми прочими интеллектуальными заботами.

Последние включали также расчеты по экономичности времени и рентабельности усилий. И хотя это и не всегда получалось лучшим образом, все же я не сомневался,, что пользу эти расчеты приносят. В них входило в первую очередь – определить оптимальный вариант маршрутного хода в обозреваемой части ландшпфта. Куда-то можно было не заглядывать, что-то просмотреть бегло, а на чем-то остановиться основательно. Если приблизилось время чаепития, то разжечь костер рационально, в перспективном для эколого-флористического изучения месте.

Так и сейчас. Пока разгорался костер и кипятилась вода, я осматривал ту часть склона, которая оставалась сзади по ходу, когда я спустился на склон сверху.

После чаепития отправляюсь по скалам через лес. Река уходит к противоположному склону долины, где видна такая же серая гряда, по которой я только что ходил. Теперь на этом склоне осыпи заросли мелколесьем, спускающимся в темный пойменный ельник. Скалы кажутся ниже и не производят впечатление грандиозности. Некоторые растения исчезают, словно чувствуя, что обстановка здесь другая, но наиболее характерные для выходов гипсов виды торчат и здесь, в их числе астрагал холодный, разрастающийся необыкновенно пышно.

Река, поработав на противоположной стороне долины, снова повернула сюда. Цепочка скал, идущих по лесу, вновь встретилась с Полтой, и моим глазам открылась очередная панорама скальных обнажений и осыпей. Еще только семь часов, но уже начинает темнеть, так как небо наглухо затянулось серой толщей. Скоро заморосило. Это тот самый дождь, который идет не торопясь и промачивает все насквозь удивительно быстро.

Заполыхал костер, у которого можно сушить один бок, пока мокнет другой. После ужина принимаюсь разыскивать удобную нишу в скалах для ночлега. Это удается не сразу, так как из хорошо укрытых углублений несет таким леденящим холодком, что ночевать там равносильно спанью в холодильнике. Наконец, облюбовав дыру между двух сближенных обломков скал, натягиваю на них два куска полиэтилена. Получилось подобие крыши и… дождь кончился. Но я уже хорошо усвоил каверзы местной погоды, чтобы попасться на эту уду. Правда, ночевать без костра – удовольствие небольшое, но ничего не поделаешь. Пока при свете фонарика я делаю записи, дождь возобновляется несколько раз, делая пятиминутные перерывы. Иногда откуда-то прилетает порыв ветра, и тогда моя крыша трепещет самым жалким образом. Но ветер – это хорошо. Быть может, до утра он прогонит тучи и не сорвет крышу. Комары тоже с успехом используют мое убежище и очень активно разыскивают на мне ненамазанные места, пока я бодрствую под дробный перестук капель по полиэтилену. Потом заворачиваюсь с головой в плащ. Спать. “Мрак ночи настал; проснулись песни всех любящих” (Ф.Ницше).

До “медвежьей” избы (27 августа)

Я, вечный искатель манящих утопий,
Дерзавший стихий сладострастье впивать,
Как будто печалюсь о старой Европе
И берег перильчатый рад отыскать.

(Артур Рембо, “Пьяный корабль”)

Черная шуршащая темнота обволакивала все более густым холодом. В 2 часа ночи я понял,что заснуть невозможно, так как сильно мерзнет спина, и вылез разжигать костер. Тьма стояла кромешная, не было видно даже собственной вытянутой руки. Дождь сыпал словно из решета, однако менее, чем можно было ожидать, судя по стуку по моей импровизированной крыше. Сплошной шелест создавал звуковой фон. Стараясь не скатиться вниз, я отыскал при свете фонарика стоячую сушину и принялся крошить ее топором. Затем нашел березу, надрал бересты, и после некоторых усилий костер зашипел, затрещал и, наконец, разгорелся. Согревшись уже при всей этой подготовке, а заодно подмокнув, я высушился, нажарился и поспешил в свое логово. Проснулся через час от жуткого холода. Костер еще тлел.

Всю ночь я через каждый час, лязгая зубами, раздувал тлеющие угли, нажаривался до боли и нырял в свою берлогу.

Утром дождя не было, но серая толща висячей воды была совсем низко. Я обернул вокруг шеи кусок полиэтилена и выпустил брюки на сапоги, чтобы в них не стекала вода. Надо сказать, что эти мероприятия целиком себя оправдали, и я только удивлялся, как не мог раньше додуматься до таких пустяков. Минут через пятнадцать я был уже мокрый, но ноги и плечи оставались сухими. Установив по карте, что на ближайший поворот реки выходит просека, решил идти по ней. После долгих примерок по карте и компасу я несколько раз влезал на трупы стоячих лиственниц и, наконец, квартальный столб удалось найти. Но просеки видно не было, проклятый вичник заполнил все видимое пространство этого берега. Отправился на юг от реки, надеясь там увидеть просеку по просветам на горизонте. Но она так и не нашлась, и я решил идти рекой, так как растительность на водоразделе не представляла ничего перспективного для дальнейших находок. Славная русская березка, столько раз воспетая, выхывала у меня теперь неприязнь. Заросли вичника опускались даже в пойму реки, занимая и сухие, и заболоченные участки, там где не было пойменного ельника. В ельниках вичник не развивается, и отдельные березы обычно растут только на их окраинах. Но в других ельниках огромные березы нередко чередуются с елями. Они выросли вместе и привыкли друг к другу.

В середине дня останавливаюсь на чаепитие на галечнике Полты, огороженном стеной ельника. Корявая береза тянет узловатые сучья к свету. Я обращаюсь к ней в стиле Лонгфелло:

Дай коры мне, о Береза!
Белой дай коры, Береза,
Чтоб от спички от единой
Вспыхнул лоскуток коры той,
И тогда охватит пламя
Сучья, сложенные кучкой,
Жарким языком оближет
Черный котелок, в котором
Закипит вода из Полты.

Галечник здесь густо заросший, но ничего нового не находится. Погода пока светло-серая, т.е. солнца нет, но облачность не угрожает дождем. На валуне, выступающем из воды, громко цвиркает белая трясогузка и взмахивает длинным хвостом. Вот она делает рывок в сторону, хватает какое-

то пролетающее насекомое и возвращается на камень. А на камне у противоположного берега громко вскрикивает кулик-перевозчик, с беспокойством поглядывая на струйку дыма от костра. В таких вот местах, с густым лесом, подступающим к реке, встречаются изредка свиристели и вьюрки.

Подкрепившись, я уже не отходил от реки. Некоторые места узнавались по воспоминаниям прошлого года. Вот и сейчас я находился в месте, где река делала двухкилометровый отворот от южного склона долины. Весь отворот занимала терраса высотой 3 м, сложенная песком. Вичник на террасе разрежен и напочвенная растительность имеет боровой облик. Среди обилия лишайников виднеются кошачьи лапки, крестовник вытянутый, овсяница овечья. На склоне террасы выделяются темно-зеленые куртины ивы сетчатой. Значит, эта ива растет не только на высоких обнажениях гипсов! Впрочем, эти обнажения располагаются совсем недалеко.

Вблизи реки обнаруживаю развалины избушки с еще нерухнувшими полностью стенами. Вокруг избушки густые заросли ольхи, черемухи и черной смородины, а на открытом месте недалеко от входа в избушку плотная куртина яснотки белой, которую называют также глухой крапивой. К крапиве этот вид никакого отношения не имеет, хотя их листья, конечно, очень схожи. Нет никакого сомнения, что в этом месте яснотка – занесенный вид, так как больше он нигде не встречен, а здесь растет, “прижимаясь” к заброшенной избе, пока обстановка вокруг позволяет.

Судя по карте, близ этого отворота есть просека, выходящая к реке по ту сторону отворота. Почему бы не спрямить путь? Я выбираюсь из долины наверх. К моему великому удовольствию, здесь кончились вичники и пошли сплошные ельники. Почувствовалось что-то родное. Идти по ельнику, даже с сильным карстом, значительно легче и приятнее, чем по вичнику, хотя бы и без карста. В поисках просеки я очутился в живописном глубоком логу с выходами гипса, покрытыми, словно ватным одеялом, моховой дерниной, нависающей над глыбами. На дне лога журчит ручеек, отороченный замшелыми берегами. Царит влажный тихий полумрак с запахом прелости. По соседству с логом встретилось несколько карстовых воронок глубиной до пяти метров с пологими склонами.

Немного поплутав, не находя просеки, я снова вернулся к реке и пошел берегом. Близился уже вечер, и я знал, что речка Черная уже недалеко, а там роскошная избушка. Но, черт возьми! Близ берега я вдруг натыкаюсь на темное угольное пятно. Чуть дальше начинается гряда обнажений. Так и есть! Здесь мы ночевали год назад, после того как покинули ту избушку, куда я иду сейчас. Помнится, мы плыли несколько часов, но осматривали по пути некоторые гряды, на что ушло немало времени. Значит, я ошибся и до избы не так уж и близко. Здесь нас застала гроза с жутким ливнем, который залил костер, словно из ведра. Мы отсиживались вот под той огромной елью, вокруг огненными змеями сверкали молнии, и грохот стоял неимоверный.

На этом костре мы сварили суп из гоголя, которого я отпрепарировал за 40 минут, превратив из трупа в тушку. Тут я вспомнил, что тушку этого гоголя, хранящуюся дома в бумажной упаковке за картиной, растрепала кошка, выросшая в мое отсутствие. Эта же участь постигла тушку козодоя с реки Сязь, серебристой чайки с северной Двины, кедровки из-под Волхова, несколько еще не определенных куликов. На защиту кошки поднялась вся моя

родня. Действия кошки были признаны законными, а мои тушки хламом, способствующим разведению моли.

Я бросил в костровище окурок и встал, злой на кошек. Небо по внешнему виду теперь не отличалось от вчерашнего, и я решил дойти до избы. Через час я шел, как автомат, тупо глядя себе под ноги. Как-то от противоположного берега сорвались две утки и скрылись за поворотом. Но я дошел и туда, и они снова отлетели на несколько сотен метров. Так повторялось несколько раз. Табунок гоголей вырвался из заводи, куда скатился камушек из-под моих ног, и умчался вниз по течению, наделав шуму на всю округу. Но наконец скалы закончились, показался столбик "100 км", а вскоре я сбросил рюкзак около избушки, которую год назад мы назвали "медвежьей".

Под лавкой в избе лежит кучка дров и кусок бересты; на окошке спичечный коробок с солью, другой – со спичками. Уходящий отсюда последний раз представлял, что следующий посетитель избы может явиться сюда, едва переставляя ноги. И тогда ему не нужно будет заботиться о сухих дровах. А уходя, отдохнув, он оставит после себя все, как было.

Растопив каменку, я выбрался на улицу варить кашу. С ближайшей ели прямо на меня метнулось что-то серое. Я инстинктивно пригнулся. Домовый сыч, имевший явное намерение сесть мне на голову, отлетел и сел на соседнюю елку. "Черт побери! – заорал я. – Ты что, принял меня за мышонка? Радуйся, что я не могу заменить твое внутреннее устройство сухим мхом!"

Я стащил сапоги и отправился собирать сушняк, ощущая ногами прохладную мягкость мохового ковра. Сыч, разглядывавший меня все это время, вдруг очень мелодично выдал: тть-и, тть-и. Чуть позже, уже в сплошной тьме, пожирая пшенную кашу, я слышал его еще несколько раз, но близко он уже не подлетал. Дождь не состоялся и было заметно, что погода изменится к лучшему; кое-где заискрились звезды. Болели отбитые пятки, а все тело словно налилось свинцом. Однако настроение было великолепное. Я знал, что нахожусь в лесу, в котором неудивительно встретить и черта. Маленький костер греет мне бок, а рядом стоит махонькая, но теплая избушка, вроде тех, что изображают на иллюстрациях к сказкам. Где-то подает свой нежный голос серенький сычик. А завтра начинается путь в новое, где мы не были в прошлом году. До речки Точилихи отсюда всего семь километров. Поскольку высокие гипсовые обнажения вдоль реки кончились на 99-ом километре, то интересно посмотреть, какой ландшафт находится близ Точилихи и что там растет.

Угрюмый ельник, который окружает избушку, на самом деле не чистый. Он примерно на 50 % состоит из сосны, так что, строго говоря, это – сосновый ельник. Такое определение получается при переводе на русский язык латинского обозначениея такого леса – Pineto – piceetum. Сосна, хотя и представляет добрую половину древостоя, довольно неприметна. Лес кажется сплошным ельником. Здесь происходит процесс вытеснения сосны елью. Сосна требовательная к свету, а ель создает сильное затенение, поэтому подроста сосны здесь уже нет. Старые деревья сосны пока страдают не очень, так как их кроны расположены в одном ярусе с кронами ели.

Когда-то здесь был сосняк, но потом поселилась ель и быстро захватила это пространство, изменяя обстановку около поверхности почвы и самую почву, т.е. создавая особый климат под своим пологом. Такой микроклимат полностью зависит от древесного яруса. Если этот ярус вырубить, микроклимат тут же изменится.

Затенение поверхности почвы елями создало оптимальные условия для развития зеленых мхов (но пока еще не сфагновых!). Теперь здесь очень немного участков, не покрытых толстым моховым ковром, и это, в свою очередь, определяет набор цветковых растений, способных здесь произрастать. Этот набор весьма невелик, каких-нибудь два десятка видов с натяжкой. Из злаковых здесь очень обычна щучка (луговик) извилистая. Характерны также плаун сплюснутый с плоскими веточками, гудайера ползучая из семейства орхидных, ожика волосистая и вороника (шикша). Но особенно много черники.

Сохранились кое-где лишайниковые пятна, когда-то, во времена существования сосняка, покрывавшие это пространство сплошь. Теперь лишайники занимают крупные площадки только близ перегиба водораздела в долину и на склоне в него. Они как бы говорят: смотрите, что здесь было раньше. Однако пройдет еще несколько времени и мхи с черникой займут и эти площадки.

Круговорот местообитаний

Едва ли на земле существует хоть
один атом, который не принимал
когда-нибудь
участия в жизненном круговороте.
(Сельма Лагерлеф,
“Засуха”)

Уже в начальных классах дети слышат о том, что в природе существует круговорот воды. Потом они узнают о круговоротах азота, фосфора, углерода и выяснсется, что любой элемент имеет свой круговорот, как бы собственную орбиту в общем движении земных частиц. Орбиты перекрещиваются, соединяются, разъединяются в разных пространственно-временных сочетаниях и двигающиеся по ним элементы составляют мир предметов и их взаимодействий.

Разумеется, понятие “круговорот” вовсе не означает движение по кругу в буквальном смысле. Испарившиеся частицы воды со значительно большей вероятностью окажутся снова на земле не в том месте, где они ее покинули. Понятие “круговорот” даже не подразумевает конкретные частицы, а имеет в виду любые одинаковые частицы, например, воды. Одинаковые частицы находятся в круговороте с различными скоростями. Некоторые надолго выходят из игры. Частицы воды, например, связанные в антарктический лед, покоятся уже несколько миллионов лет, а частицы углерода в каменном угле – даже много сотен миллионов лет.

Если допустить, что время остановилось, то в пространстве мы обнаружим одинаковые частицы в разных положениях или состояниях относительно земной поверхности. В сумме эти положения можно рассматривать как разлившееся в пространстве время. Карусель остановилась.

Сопоставляя различное состояние гипсовых скал по бортам долин рек Беломорско-Кулойского плато мы наблюдаем аналогичную картину. Разница состояний обусловлена деятельностью самих рек. Подмывается склон и в результате становится подвижным, так как сползающий вниз материал уносится рекой. Такой склон безлесен, на нем существует режим среды, благоприятный для арктоальпийцев и других видов, не выдерживающих

условий под пологом леса. Накопились в русле реки под склоном наносы, и оно отступает от склона, постепенно приближается к противоположному борту долины. Начинается подмыв этого борта, оползание грунта на нем, исчезновение деревьев. Режим среды уподобляется тому, что был ранее на подмываемом склоне на другой стороне долины. Когда на него попадают семена арктоальпийцев и иже с ними, они находят здесь необходимые условия для прорастания и развития. Наоборот, на не подмываемом более склоне вырастает лес, создает иную среду, и арктоальпийцы исчезают. Теперь здесь для них не климат.

Мы видим, что в одних местах река подмывает протяженные участки. Они-то и наиболее богаты реликтовыми растениями. В других местах река только приблизилась к борту долины и массив обнажений еще невелик. На нем еще много леса и почти отсутствуют арктоальпийцы. В третьих местах река уже значительно отступила от борта долины и обнажения с арктоальпийцами сохраняются лишь в месте подмыва. Хотя на продолжении борта, не подмываемого более, остаются голые скалы, арктоальпийцев на них уже нет или они единичны, так как на таких скалах обнажены в основном вертикальные поверхности (стенки), а пригодные для растений участки заняты более агрессивными в данном климате лесными обитателями.

Именно арктоальпийцы и говорят о том, что процессы образования обнажений и зарастания их лесом длятся уже 10 000 лет, т.е. с тех пор как отступил ледник и на освободившуюся территорию хлынула тайга, быстро выжив всех арктоальпийцев. Таким образом, мы наблюдаем процесс, подобный круговоротам элементов, т.е. круговорот определенного типа местообитаний или режимов среды, связанных с определенной динамикой элементов рельефа. Отсюда понятно, почему разные массивы обнажений на одной реке различаются по наборам видов. Какие-то из них волею случая не попадают на образовавшиеся обнажения. Необходимо стечение многих обстоятельств, чтобы хотя бы одно семя любого из скальных обитателей оказалось на свежих обнажениях, преодолев преграды, создаваемые лесом. Только очень длительные промежутки времени обеспечивают такое попадание. Оно легче для растений, семена которых распространяются ветром. Поэтому дриада и ива сетчатая встречаются почти на всех обнажениях достаточной высоты. А вот толокнянка альпийская расселяется труднее, так как плод у нее – довольно увесистая ягода, которая по ветру не полетит. Необходимо, чтобы эту ягоду кто-то съел, а на новых обнажениях изверг ее семена. Вероятность такого события невелика, поскольку ягоды этой толокнянки пользуются спросом разве что у медведей, которые не любят бродить по крутым склонам. Поэтому толокнянка альпийская встречается далеко не на всех обнажениях с дриадой и ивой сетчатой.

Сохранность реликтовых видов местной флоры связана, конечно, с общим климатом. Если климат изменился настолько, что в ландшафте отсутствуют микроклиматические аналоги древнего времени, то и соответствующие этому времени реликты не сохранятся. Вместе с тем, по числу сохранившихся видов-реликтов можно судить о степени изменения климата после оледенения. Вывод об этом делается при сопоставлении аналогичных ландшафтов в разных регионах. Например, можно сопоставить реки Беломорско-Кулойского плато с притоками Колымы в пределах северо-восточной тайги, в частности, с рекой Березовкой. В результате сопоставления оказывается, что на высоких крутых безлесных склонах в речную долину на

любой реке Беломорско-Кулойского плато много реликтовых арктоальпийцев и отсутствуют степные виды. В бассейне Колымы на подобных склонах ситуация противоположная – там много степняков, а арктоальпийцы единичны. Отсюда следует вывод, что в бассейне Колымы в период после оледенения до наших дней климат стал значительно более континентальным, чем на Беломорско-Кулойском плато. Этот вывод углубляется тем обстоятельством, что на притоках Колымы, берущих начало в гольцовом поясе гор, арктоальпийцы имеют принципиальную возможность и теперь распространяться из гольцового пояса (где они чувствуют себя “в своей тарелке”) в низовья этих притоков, как это происходит в других случаях. Однако такого расселения не происходит потому, что в низовьях колымских притоков для арктоальпийцев климат слишком континентален.

На реки Беломорско-Кулойского плато современный приток арктоальпийцев исключен, поскольку от тундровой зоны они полностью отделены тайгой на сотни километров.

Таким образом, одни доводы подкрепляют другие, подобно тому, как при постройке здания каждый кирпич подкрепляет собою соседствующие кирпичи и все вместе они способны держаться даже в антигравитационном положении, например, на арочном своде.

Ботанические свидетельства представляют только картину с неизвестными причинно-следственными связями. Характер этих связей устанавливается уже по другим наблюдениям, в рамках других наук. Так, климатические причины различий разных регионов, естественно, выявляет климатология. В случае показанного выше различия по ботаническим показателям климатология свидетельствует, что меньшая, чем на Колыме, континентальность климата на Беломорско-Кулойском плато обусловлена влиянием атлантических воздушных масс, достигающих при движении на восток Урала и даже заенисейских гор (плато Путорана). На Колыму влажные морские воздушные массы не поступают. Наоборот, эта легендарная река находится целиком в области влияния континентального якутского антициклона.

Наличие арктоальпийцев на Беломорско-Кулойском плато углубляет современные климатологические свидетельства тем, что позволяет видеть влияние Атлантики на климат не только в наше время, но и во все времена после стаивания ледника и неоднократных перестроек климата. Последние устанавливаются в значительной мере по ископаемым остаткам растений, в том числе по их пыльце, поскольку многие виды имеют характерную только для них пыльцу, могущую сохраняться в земных слоях многие тысячелетия (раньше считали, что это распространяется на все виды и такая точка зрения привела ко многим ошибочным заключениям). Растительные остатки в слоях служат для определения возраста этих слоев по радиоуглероду. Если определены возраст слоя, принадлежность макроостатков и пыльцы к тем или иным таксонам, то имеется хорошая предпосылка к реконструкции растительности и, соответственно, климата времени формирования данного слоя. Тут еще много всяких тонкостей, поэтому нельзя считать, что, имея все перечисленные определения, мы можем, основываясь на них, воссоздать облик прошлого, опираясь на современные связи тех таксонов, остатки которых обнаружены в ископаемых слоях. Точнее, воссоздать этот облик, конечно, можно, но это может дать ложную картину. Примером такой картины является представление о степях в Арктике в периоды оледенений. Ложность доказывается несоответствием различных других данных (т.е. не

тех, которые приняты за исходные при построении картины) в общей интерпретации прошлого.

Когда данные разных исследований по реконструкции природных условий того или иного времени, установленного по радиоуглероду, сходятся к однозначию, то картина считается достоверной. Критерием достоверности является так называемый принцип сходимости. В соответствии с этим принципом, для отрезка времени 4000-8000 лет назад (с пиком 5000-6000 лет назад) в разных регионах Евразии, а также Северной Америки, установлен значительно более теплый климат, чем теперь. Этот период в Европе называется атлантическим, хотя данное название весьма неудачно. Точнее его было бы назвать антиатлантическим, поскольку воздействие атлантических воздушных масс, насыщенных влагой, уменьшилось за счет повышения температур (хотя сами эти массы, возможно, остались прежними). Если бы это было установлено только для Европы, то причину повышения температур можно было бы связывать именно с ослаблением по каким-то причинам влияния Атлантики. Допустим, влажные воздушные массы двигались не на Европу, а в Северный Ледовитый океан или в тропики, оставляя сушу сохнуть. Но повышение температур отмечено для регионов, в которых влияние Атлантики нацело отсутствует, например, на всем северо-востоке Азии.

Таким образом, причина повышения температур иная, по-видимому, вообще связанная не с Землей, а с Солнцем. Данных об ослаблении влияния Атлантики в это время мы не имеем и должны заключить, что атлантическая сырость поступала на север Европы в неменьшей степени, чем теперь, но на фоне более высокой температуры. Это означает, что особо засушливых условий на севере Европы не складывалось, тогда как за пределами влияния Атлантики климат становился именно засушливым. На северо-востоке Азии многие степняки распространились к северу по незанятым лесом местообитаниям, а леса продвинулись далеко к северу.

В Европе леса также продвинулись на север, а вместе с ними и многие более южные виды, но не степняки, хотя те, что продвинулись, могут встречаться и в степях, подобно тому, как в городе могут обитать и деревенские жители. На Беломорско-Кулойском плато к таким видам относятся сон-трава, козелец, тонконог большой и другие виды, чаще обитающие на песках в сосновых борах. Но дремлик, также относящийся к этой компании, местами почти исключительно сидит на гипсовых обнажениях вместе с арктоальпийцами. На Онеге же, т.е. не слишком далеко к югу,этот вид встречается и в густом луговом травостое на задернованных склонах к реке, хотя обычен и на голых известняковых скалах, т.е. на Онеге у него диапазон местообитаний шире, чем на Беломорско-Кулойском плато. Так бывает всегда, когда вид приближается к пределам своего географического распространения; его экологическая амплитуда сужается, он способен заселять только какой-то один тип местообитаний.

На Полте дремлик включен в круговорот гипсовых обнажений вместе с арктоальпийцами, хотя он прибыл сюда на несколько тысяч лет позднее и в совершенно иной, можно сказать противопоказанной арктоальпийцам, обстановке. Теперь же эти виды имеют общую стратегию выживания, следуя круговороту гипсовых обнажений. О других поселенцах на гипсах этого определенно сказать нельзя, поскольку они спокойно произрастают в разных

условиях, а не только на гипсах. Их семена могут быть занесены сюда из соседнего леса или луга.

Круговорот гипсовых обнажений можно рассматривать в двух ипостасях. Во-первых, это представление связывается со всеми имеющимися в долине стадиями изменения склонов: от максимально развитых обнажений, находящихся уже достаточно долго под постоянным влиянием реки, до совершенно заросших лесом, т.е. находящихся долгое время без влияния реки. Вся эта серия дает нам как бы распрямленный в пространстве круг, почему мы и говорим о "времени разлитом в пространстве". Во-вторых, представление о круговороте опирается на время и подразумевает, что каждый конкретный участок борта долины со временем проходит все стадии круговорота.

Мы уделили так много места круговороту гипсовых обнажений потому, что эта категория местообитаний является наиболее показательным примером круговорота из-за однозначия аргументов, свидетельствующих о нем. Главный аргумент – ботанический: наличие арктоальпийцев (стало быть, круговорот гипсовых обнажений функционирует 10 000 лет, поскольку более позднее их прибытие сюда исключено всем ходом природного процесса). Наличие арктоальпийцев на высоких (30-40 м) обнажениях и отсутствие их на обнажениях до 15 м высотой говорит о связи видов с экологическим потенциалом местообитаний, зависящим от их площади. Чем площадь больше, тем местообитание устойчивее, так как на нем происходят свои микрокруговороты. Если местообитания достаточной площади поддерживаются каким-то агентом, например рекой, в первозданном виде, то на них концентрируются представители различных климатических периодов прошлого, поскольку в иных условиях они здесь обитать не могут. При этом имеет значение площадь не только отдельных местообитаний, но и суммарная площадь данного их типа. Чем последняя больше, тем вероятнее длительное сохранение в этом типе большего числа реликтовых видов. На реке Сотке общая площадь гипсовых обнажений больше, чем на Полте и, соответственно, реликтов на Сотке также больше.

Говоря о круговороте гипсовых обнажений, мы, конечно, должны понимать, что только их мы и имеем в виду. Зарастание обнажений лесом и соответствующее изменение режима среды представляет собой круговорот другого типа – лесного. Таким образом, по крутым бортам долины существует два круговорота местообитаний, взаимодействующих по принципу шестеренок в механизмах: зубцы одной шестеренки проникают между зубцами другой шестеренки и приводят ее в движение. Первую же природную шестеренку вращает река.

Если в одном случае однотипных местообитаний четко прослеживается их круговорот, то, может быть, это явление свойственно и другим типам местообитаний?.. Ведь так много скрытых природных закономерностей было установлено первоначально на единичных примерах. И только потом выяснялось, что обнаруженная закономерность имеет всеобщий характер.

Действительно, какой бы тип местообитаний мы ни начали пристально изучать, обязательно обнаруживается, что он включает рассеянные серии конкретных участков земной поверхности, отличающиеся один от другого, хотя сходство их больше отличий. Аналитически мы можем составить из таких участков ряд по степени выраженности совокупностей признаков, характеризующих их: от наиболее до наименее представительного. Такой ряд можно истолковывать динамически – развитием участков от наименее

представительных до наиболее. Наше мышление более склонно именно к такому представлению о ходе явлений – от простого к сложному. Построив упомянутый ряд, мы, в сущности, делаем произвольную операцию на бумаге (благо, она терпит). Ведь в природе описываемые участки разобщены. Их сиюминутные описания можно комбинировать по-разному. Но симпатичный юноша из США Фредерик Клементс построил еще в начале века на представлении о конечном развитии растительности солидную концепцию, приобретшую значение научной школы. Конец этого развития упирается в современный климат, и пока он не изменится, вся растительность перестраивается в одном направлении – климакса данного климата. Школу Клементса много критиковали, наверное больше, чем следовало бы, поскольку среди имеющихся на сегодня представлений о динамике растительного покрова она все же наиболее отвечает природным явлениям. Правда, прямого устремления растительности к какому-то конечному варианту мы не можем наблюдать из-за непрерывного изменения среды обитания даже в ее абсолютно девственном облике, уже ставшем большим дефицитом.

Операции построения ряда “от наименьшего к наибольшему” (или наоборот) можно противопоставить построение ряда с помещением характеристики “наиболее” в середину его, а “наименее” по концам ряда. Такая процедура во многих случаях более правильна, если учитывать частоты встречаемости соответствующих участков: наименее характерных участков часто значительно больше, чем наиболее характерных. Такой ряд представляет не что иное как распрямленный круг, что можно рассматривать как свидетельство круговорота данного типа местообитаний. Движущими силами разных круговоротов местообитаний являются ветер, мерзлота, поднятие местности и другие факторы, но прежде всего – реки с их неиссякаемой, пока существует круговорот воды, энергией.

В круговороты, образуемые неживой природой, включается различная растительность, которая их усложняет, часто маскирует собственными круговоротами. Само явление круговорота местообитаний по своей сути консервативно, так как существует для поддержания сложившегося порядка. Однако в постоянных изменениях климата “шестерни” одних круговоротов сжимаются, других – расширяются, некоторые вообще исчезают, а вместо них появляется нечто новое, зародившееся в недрах старого.

На речке Точилихе (28 августа)

Греет солнце в глушь древесную
Пахнет блеклою листвой.
Тайной древней и чудесною
Осеняя Мать Небесную,
На короне золотой
Ворон хохлится седой…
(Вл. Ленский, “Бабье лето”)

Утром я чувствовал себя хорошо отдохнувшим, пятки не болели, но под коленями на сгибах обнаружились сильные натертости мокрыми штанами; пришлось наложить лейкопластырь. Во время чаепития снизу появилась собака – рослая рыжая лайка. На мой вопрос, откуда она взялась, она

взглянула на меня с пренебрежительным безразличием и, понюхав брошенный сухарь, исчезла в ельнике. Вероятно, она потеряла хозяина.

Мимо моего носа плавно проплыл желтый березовый листок. Ба, да это осень падает прямо на нос! Вот и на другом берегу реки стоит береза с желтым мазком в кроне. В солнечном блеске краски выступили отчетливо, как бы компенсируя серый колорит былой пасмурной погоды.

Медленно, словно за гробом, я шел по реке, то забираясь в гущу леса, то наслаждаясь ходьбой по галечнику реки. По верху тянулся ельник-черничник, прерываемый логами с ручейками, днище которых нередко покрывало высокотравье из скерды сибирской, бузульника сибирского, борца высокого, герани лесной. Местами днище логов заболочено или покрыто толстым моховым ковром с обилием ажурного папоротника пузырника горного. По краю ручейков встречается фиалка удивительная с крупными округлыми листьями. Название этой фиалки происходит от ее весьма странного завязывания плодов. Сначала она цветет нормально, как и другие фиалки, т.е. имеет нормально развитые пахучие цветки лилового цвета. Однако это – бесплодные цветки, несмотря на запах и окраску, казалось бы, приспособленные для опыления насекомыми. Ничего подобного! Цветки засыхают, и появляются другие цветки, закрытые (или, как говорят ботаники, клейстогамные), не имеющие красочных лепестков. В этих цветках происходит самоопыление и развиваются плоды. Для чего же понадобилось первое, ложное цветение? Удивительная фиалка!

Ближе к Точилихе среди елей все чаще встречается береза. Но это уже не вичник, а крупные деревья в обхват. Что-то незнакомое показалось мне в пойменном ельнике под елью. И вот я держу в руках новый вид в своих сборах – малину хмелелистную.Правда, этот вид был уже известен с Полты. В 1940 г. на этой реке бывал некто Л.В.Бахтин. Его гербарий хранится в ЛГУ на кафедрах ботанической географии и систематики высших растений. Заведующий кафедрой ботанической географии А.А.Корчагин рассказал мне, что Л.В.Бахтин был сотрудником этой кафедры после окончания университета. Два сезона он провел в Пинежье и бывал на Полте. Это был почти двухметровый парень, представлявший хорошую мишень. Он погиб в первые же дни войны. Память о нем хранит гербарий, собранный им.

Устье Точилихи заросло нардосмией и издали я принимаю его за рукав Полты. Отороченная невысокими, заросшими травой берегами, над которыми пиками темнеют узкие кроны елей,, похожие на кипарисы, Полта словно застыла, но в устье Точилихи слабо дергаются листья нардосмий, показывая, что вода все-таки движется. Приустьевая часть поймы Точилихи представляет собой коридор между двух стен насупившейся тайги. Днище коридора заросло кустарниковой березкой (как позднее выяснилось – березкой приземистой, Betula humilis), среди которой торчат желтые соцветия золотой розги.

Речуга оказалась небольшой, но, пройдя от устья вверх по лосиной тропе, я едва нашел место, чтобы перебраться через нее, не купаясь. Сегодняшний день тем и хорош, что я совсем сухой. Разыскал избу, о которой мне говорили рыбаки, наткнувшись на тропу к ней. Это большая изба с двумя отопительными конструкциями: каменкой и… камином. Роскошный камин приводит меня в совершеннейший восторг. Он сооружен по всем правилам и облицован плиточным кирпичом, который везли сюда на лодке около двухсот километров. Такой камин не стыдно поставить в гродской квартире, если, конечно, снабдить его дымоходом.

Наскоро сварив суп и пообедав, я двигаюсь вверх по Точилихе. Широкая пойма этой речуги имеет весьма своеобразный облик, напоминающий лесотундру. Высокие ели возвышаются на днище долины единично и рассеянно. Огромные кочки, заросли ив и карликовой березки, иногда всего лишь по колено высотой, создают растительный покров долины. Едва я схожу с тропы, как вичник мне кажется раем в сравнении с этим кочкарником, словно паутиной опутанным карликовой березкой. Но вид местности захватывающий. Солнце почти просвечивает сквозь тощие тучи. По обе стороны на возвышенностях поднимаются темные ельники,а вдоль ручья, по которому я теперь иду, оставив Точилиху, широкой полосой тянется низина, создающая панораму пустынной дали, где вдали также топорщится ельник. Серо-зеленый цвет придает низине какой-то особый непривычный облик. Ручей извивается, как змея, между мощных кочек. Вода в нем кристально чиста, хотя дно его черное, торфянистое. В одном месте я ступаю на колышущуюся сплавину, ручей образовал здесь омуток. Заглянув в него, я спешу убраться с прогибающейся дернины. На глубине метров двух виден уступчик, обрывающийся в зияющую чернотой дыру – натуральный колодец.

В жухлой траве неожиданно засветились ярко-желтые цветки. Ба, Saxifraga hirculus, отлично! Я так и думал, что здесь есть что-то, еще не встречавшееся на Полте. Но какие милые растения!

Дойдя до конца низины, поднимаюсь по лосиной тропе на гриву с ельником. Невдалеке виднеется просвет между деревьями. Через 200 метров моим глазам предстает незабвенная картина – идеально ровная, серая гладь на месте затянутого озера. Огромная чаша, окруженная бахромой ельников, лежит в красноватых лучах заходящего солнца, окрашивающих вершины елей, над которыми нависает фиолетовая рвань разлохмаченных тучек. Какое-то время я смотрю, как зачарованный, словно впитывая в себя каждый нюанс этой картины. Потом с опаской ступаю на серую гладь. Однако поверхность оказывается

114. Нацело затянутое озеро близ Точилихи.

столь твердой, что даже следы лося углублены совсем мало. Лишь кое-где почва колеблется. Посередине торчат редкие кусты ив, но они не нарушают поразительной ровности столь большого пространства. Недалеко от ив что-то серебрится, словно птичий пух. Еще одна находка – пухонос альпийский! А кругом один и тот же злак – вейник лапландский, как будто

Рис. 23.

кто-то произвел здесь его посев. Обойдя всю равнину, заметил еще один просвет, который привел меня в верховое болото с редкими чахлыми сосенками и множеством листьев морошки.

На обратном пути стараюсь выяснить, куда исчез ручей, так как поднимаясь на гриву, я не заметил его следов и даже каких-либо понижений, где он мог бы протекать. Вернувшись в знакомую низину, я иду зигзагами от одного ее края к другому. В группе кустиков между кочек что-то булькает, и это что-то оказывается искомым ручьем. Он появляется из-под земли и быстро становится полноводным. Вероятно, его питают также ключи,

выходящие в местах черных дыр-колодцев. Такие болота называются ключевыми.

115. Ключевое болото. Омуток – естественный колодец, из которого вытекает ручей.

На краю болота, неподалеку от склона в низину, обнаруживается множество мытников Карлов скипетр, весьма отличающихся от своих собратьев с галечников. Уже отцветшие растения эти, все как один, низкорослы, имеют невытянутое соплодие, состоящее всего из нескольких коробочек. Сначала я даже сомневаюсь, что вижу перед собой именно этот вид. Но впоследствии выяснилось, что никаких серьезных отличий, кроме названных, у этих растений нет, и пришлось допустить, что это просто экологическая форма мытника Карлов скипетр, т.е. форма характерная для местообитаний с очень отличающимися условиями по сравнению с местообитаниями нормальной формы. Многие растения на ключевом болоте в той или иной степени уродливы. Мне это доставляет огромное удовольствие, так как я собираю коллекцию уродцев.

Периодически грохаясь на кочки, добираюсь до избы чтобы успеть засветло заложить собранные растения в гербарную сетку. Комары бесятся перед дождем. Закладка растений –

116. Изба на Точилихе.
117. Таежная глухомань.
118. Костер медленно разгорается.

это мысленное повторение сделанного маршрута. Растения, собранные не механически, а с эмоциональной окраской, запоминаются на многие годы, так же как и обстановка, в которой они собраны.

В сумерках окрестности окутываются завесой дыма – это я развел костер для ужина и затопил камин. Обнаружилось чудесное свойство этой избы. В ней можно находиться во время топки, так как дым стелется по потолку и успевает выходить в довольно высокие двери. Топка камина поднята на 1 метр от пола. К тому же обнаружился и дымоход – дыра в углу избы, заткнутая подушкой мха.

Из глубины леса доносится душераздирающий крик. Зная, что кроме неясыти жутко кричать не может никто, я чувствую какую-то неприязнь к этому звуку. Возможно, что какой-то хищник схватил зайца, потому что такой крик может быть только последним в жизни живого существа.

Пришла гроза, сначала без дождя, но затем хлынул, словно спохватившись, ливень, и все утонуло в его однообразном шуме. Столь же внезапно, как и начался, ливень кончился. Я выясняю, что промахнулся с сухарями, не рассчитав свой гигантский аппетит.

Путь назад (29 августа)

Если во мне есть радость искания,
которая направляет парус мой ко всему
еще не открытому, если в моем

наслаждении заключается радость мореплавателя;
…………………………………………………… …………
О, как же мне не стремиться страстно к вечности, к брачному кольцу колец, – кольцу возрождения?
(Фридрих Ницше, “Из заключительной песни”)

Камин оказался чудесным. Несмотря на множество дыр в избе, тепло сохранялось до самого утра. Едва я вышел утром из избы, откуда-то вынырнул огромный ястреб-тетеревятник и уселся метрах в двадцати на дерево. Он кричал потом жалобно: “кэй, кэй”, – пока я варил и ел кашу. От вчерашнего ливня не осталось ни малейших следов. Яркое солнце пыталось разогнать полумрак густого ельника. Вдоль тропинки, ведущей от избы к речке, на солнце торжественно горели огромные соцветия золотой розги.

Итак, в обратный путь.

Точилиху удалось перебрести в самом ее впадении в Полту, где опять словно живые шевелились огромные листья нардосмии. Парадные трясогузки в черном с белым вели громкую перекличку. На суглинистом откосе в долину я оглянулся и увидел мыс леса, подступающий к углу, образованному слиянием рек. Гамма зелени, от густой можжевеловой до пстельной яблочной, переливалась мелкой рябью, переходя на голубую поверхность воды и вдруг обрываясь слепящим блеском.

Ноги погружаются в толстый слой мха. Я ухожу от реки и цепляюсь за каждую лосиную тропу, идущую на восток. Ветер совсем стих, и жара на солнце стоит нестерпимая. Однажды тропа приводит меня снова к реке, и неподалеку раздаются короткие тоскливые звуки. Я притаился за кустами. Из-за поворота выплывает стайка крохалей и приближается ко мне. Я щелкаю фотоаппаратом и выхожу из-за кустов. На секунду крохали замирают, вытянув вверх шеи. Потом, словно торпеды, они несутся по воде за поворот, а я снова углубляюсь в лес. Чередуются однообразные ельники-черничники и болота, иногда с обилием больших берез. Рыбаки говорили мне, что близ Полтозера, откуда вытекает Полта, есть чистые березняки, похожие на “Березовую рощу” Куинджи. О таких же березняках на более северной реке Сояне писал в специальной работе А.М.Леонтьев еще в 1935 г. Но здесь береза образует только включения в разреженных ельниках.

Местами близ реки очень много можжевельника, но в глубине елового леса его нет. Несколько раз поднимались выводки рябчиков и рассаживались неподалеку, не стараясь затаиться, как они это делают обычно. В одного я запускаю еловой шишкой в пылу охотничьей лихорадки. Однажды взлетет огромный мошник (глухарь). О таких мошниках я читал, но никогда не видел в природе. Он поднялся в нескольких метрах от меня, и мне показалось, что взлетает медведь. Перепуганный большой пестрый дятел разорался на весь лес, и я слышал его еще с полчаса.

Когда я вышел к Полте, то оказалось, что медвежья изба осталась позади. Подо мной уходили вниз скалы 99-го километра. Чуть в стороне виднелась следующая гряда, хотя река текла совсем не туда. Но где-то она сделает разворот и повернет к тем скалам. Довольный донельзя, я размял речевой аппарат, просольфеджировав арию Кавардоси. Когда я умолк, в лесу

раздавался удаляющийся треск сучьев: кто-то не выдержал моего пения! Потом я промчался вниз и, сбросив сапоги, сунул сопревшие ноги в реку.

Теперь я не уходил от реки, осматривая подряд все скальные выходы, проходя их наискось или зигзагами. Наверху скал нередко торчат вертикальные столбцы гипса до трех метров высотой, имеются узкие коридорчики, щелочки и дырочки. Из колодцеобразных провалов тянет ледяным холодом, но карстовых пещер, которых немало на р.Сотке, обнаружить не удалось ни сейчас, ни в прошлом году.

Каждые гипсовые обнажения имеют особый облик, так что различаются между собой и легко узнаются, если раньше попадались на глаза. А эту очередность долинных выходов гипсов я имел удовольствие наблюдать уже четвертый раз.

Одни выходы спускаются осыпью до самой реки; обычно такие обнажения имеют устрашающе отвесную верхнюю часть. Другие отодвинуты от реки; у них вид отдельных каменных блоков. Такие выходы покрыты лесом или хотя бы редкими соснами и кустами рябин и черемух. Деревья часто стоят наклонно. На гипсах обильны разные лишайники, иногда покрывающие их сплошным, хрустящим в сухую погоду ковром. Подножье отдаленных от реки обнажений покрыто густыми зарослями кустарников, и гипсы здесь скрыты кустарничково-моховым покровом. Над скалами обычно высятся гигантские лиственницы, часто похожие на пугала из-за асимметричных жидких крон.

На шершавых стенках нередко видны какие-то причудливые рисунки, похожие на каббалистические знаки. Надо полагать, это – странности выветривания. Под эрозионной корочкой всегда обнаруживается ровная белая или розовая порода. Тем не менее на осыпях можно найти много любопытного. В их щебне попадаются кусочки гипса самой различной, но всегда бледной окраски: желтоватой, красноватой, зеленоватой, но особенно симпатичны голубоватые куски. Иногда встречаются прозрачные кристаллы, а также зеленовато-голубоватые или бледно-розовые волокнистые кусочки целестина – очень мягкого минерала, сопутствующего гипсу.

Кроме гипса на осыпях и галечниках можно легко найти куски мергеля – красноватого минерала, похожего на обломок старого-старого кирпича. Здесь же попадаются полосчатые и с режущим краем обломки кремня, различной окраски гранитов и другие, полосчатые и крапчатые, невзрачные, одноцветные и пестрые.

Очень интересно рассматривать камушки на осыпях и галечниках. Однако это занятие чревато той опасностью, что после наслаждения при виде любопытных сочетаний минералов или удивительных форм некоторых отдельностей, рюкзак утяжелится весьма заметно. В прошлом году я привез домой мешочек, весивший около 20 кг. На этот раз я щепетилен с камнями, но кое-что взять просто необходимо. Может быть, когда-то это определится и представит вдруг научный интерес.

Теперь новые виды растений попадаются редко, тем более это интересные находки.Например, пололепестник зеленый из семейства орхидных увеличил число арктоальпийских видов, найденных на Полте. Богатство орхидных в Пинежском крае поистине удивительно, хотя некоторые виды встречаются очень редко и где-то в одном месте. Так любка двулистая растет в разнотравных ельниках близ Святого ручья недалеко от Красногорского монатсыря. Упоминавшийся Бахтин нашел на Полте калипсо луковичную, которая, как великая редкость, попадается и в других местах. Ятрышник (

несколько видов) – довольно обычен, так же как и кокушник. На гипсах нередок дремлик; в ельниках, на моховых коврах всюду растет гудайера ползучая, а в пойменных ельниках попадается венерин башмачок.

К вечеру я добрался до поворота реки на 92-м километре, где русло сдвигается к противоположному склону долины и не отходит от него два километра. Здесь в пойменном моховом ельнике устроился на ночлег близ толстенной упавшей лиственницы, которую решил превратить в нодью. В сумерках между деревьев показалась огромная желтая луна, такая, что я долго смотрел, не пожар ли это. Но потом луна поднялась повыше и стала поменьше. За рекой прокричала неясыть пронзительно и длинно. Ее сменил голос домового сыча. После крепкого чая и насыщенного впечатлениями дня костер создает домашний уют. В небе раскорякой висит Кассиопея.

Последний день среди скал (30 августа)

Мы являемся объектами опыта, который весьма интересует меня.
(Генри Дэвид Торо, “ Уолден или жизнь в лесу”)

Кажется, я едва задремал, как проснулся от ужасного холода. Небо уже застлали тучи, но луна ярко выделялась сквозь деревья, бросавшие тени. Мои надежды на горение лиственницы не оправдались. Костер прожег моховой ковер и оказался в яме; зависший ствол лиственницы не разгорался. Я забрался в яму, наполненную теплым пеплом и проснулся только от стука капель дождя по плащу. Накинул сверху, как обычно, кусок полиэтилена и когда открыл глаза, было уже полдевятого. Дождь как будто истощился и колотил по полиэтилену нехотя, а пока я завтракал и вовсе кончился.

Трава была мокрая насквозь, и я мгновенно вымок. Поэтому решил форсировать реку, не раздеваясь, но вода оказалась не очень холодная. Выливая воду из сапог, обратил внимание, что на одном зонтике ангелики сидит сразу четыре мускусных усача. Два занимаются любовью, вытаращив глаза, а два других ползают вокруг, видимо, в ожидании очереди. Неподалеку, на суглинистом возвышенном берегу наткнулся на кровохлебку лекарственную.

А ведь последний раз мы встречались год назад на берегу Пинеги близ Луковецкой базы, впервые увидев в то серое раннее утро реку Пинегу. Это было далеко отсюда!

Вверх поднимался боровой склон, обращенный к югу. Среди разреженно стоящих сосен буйно разрослась жимолость синяя, а на открытых участках синела горечавка ресничатая. Потом это мелкое растение бросилось в глаза во многих местах, в том числе в тех, где я уже

Рис. 24.

бывал, но не видел ее. Началось массовое цветение этой горечавки, притом на разных местообитаниях, и она стала заметной, благодаря насыщенной сини своих колокольчиков, повернутых кверху.

Склоновый бор, в котором я сейчас находился, имел совершенно своеобразный облик; такого бора, расположенного на склоне с уклоном 40-45˚, я еще не видел на Полте. В нижней части склона редкие кусты ольхи

серой с необыкновенно крупными листьями чередуются с крупными кустами ивы козьей. Выше видовой состав этого бора несколько походит на скальный набор видов, но беднее его. В верхней части склона сидят в основном сухолюбивые растения; здесь выделяются длинные плети костяники, на зубчатых блюдечках которой покоятся кучки рубиновых шариков – ее плоды. Они имеют приятный кисловатый вкус и, когда костяники много, имеет смысл не пожалеть минут 15 и насытиться ею.

При безветрии в залитом солнечным светом бору на склоне возникает ощущение южных стран. В самом деле, отсюда не видны мрачные ельники – символ темнохвойной тайги. Яркий свет свободно проходит до поверхности песка. Кое-где торчат пучки широких листьев вейника наземного, над которыми ажурно пестреют ветки рябины. Словно миниатюрные деревца с пышными кронами стоят василистники малые. Размохнатились бахромой красновато-белые цветки гвоздики пышной и лиловато-красные корзинки василька фригийского. Неизменно радуют глаз широко раскрытые сиренево-синие цветки луговой герани. Много здесь и невзрачных травок, а среди них редкость – осока ледяная.

Однако сколь ни примечателен этот склон, ни одного нового вида на нем нет. Впрочем, разные местообитания характеризуются не только специфическим набором растений, но и различными комбинациями одних и тех же видов. В этом смысле осмотренный склон, конечно, своеобразен. Здесь сочетаются такие в целом с малосходной экологией виды, как дремлик кроваво-красный и сочевичник весенний, колокольчик круглолистный и мать-и-мачеха, овсяница овечья и иван-чай, купальница, волчье лыко, крестовник цельнолистный и т.д.

Рис. 25.

Толща песка протянулась дальше по реке, образуя в одном месте типичную террасу, покрытую бором и возвышающуюся над рекой на 4-5 метров. Такие террасы встречаются не часто и не всегда сложены песком. Иногда это супесь, ил, суглинок. Как правило, возвышенные террасы сухи. Но вот и невиденный еще вид – молочай лозный. Это классная находка, так как все виды молочая обитают в более южных районах, а если уж говорить вообще о роде, то он – африканец. Именно в Африке находится великое множество видов молочая, имеющего к тому облик кактусов, распространенных в Америке, тогда как в Африке их нет. Конечно, на севере молочаи не похожи на кактусы, но их оригинальные соцветия имеют точно такое же строение, а если растение поранить, из него немедленно начинает течь млечный сок.

На низких надпойменных террасах, иногда отделенных от реки прирусловым валом, растительность может быть различная: ельники высокотравные или моховые (вроде того, в котором я ночевал), заросли ольхи серой или труднопроходимые ивняки из ивы корзиночной. Ближе к Полевой избе обычны пойменные луга с высокотравьем по грудь, в котором пробираешься словно в пампасах.

Подо мной появились очередные обнажения, которые я решаю пересечь наискось, осматривая таким образом их верхние и нижние участки. По скалистому верху высотой метров семь спустился, цепляясь кончиками пальцев, на осыпь. И тут утратил осторожность. Сделав пару шагов, оступился и полетел вниз головой. Рюкзак, лежавший на затылке, направлял движение,

не давая возможности развернуться. Проскользив так несколько метров, я пробил головой кучу корней вывороченного куста и, извернувшись, сел на осыпи. Выплюнув изо рта землю и протерев глаза, я расхохотался. Кар, кар, кар, – донеслось с противоположной стороны долины эхо.

Через пару часов чувствую, что ноги начинают цепляться друг за друга. Посмотрев с сожалением на остающуюся в стороне гряду серых гипсов, решаю ее пропустить и направляюсь к недалекому мысу пойменного ельника, подступающего темной громадой к самой реке. Через некоторое время устраиваю обеденный перерыв. Кончилась соль, а от сухарей остались только крошки. Но вечером я буду на своей базе.

День вдруг потемнел, это над противоположным склоном показалась густо-лиловая туча со светлой полосой впереди. С беспокойством я озираюсь – куда скрываться? Задул ветер, и все пришло в движение. Замахали тяжелые еловые лапы, застонали и заскрипели стволы дерев. Пролетели в панике какие-то пичуги, подгоняемые воем ветра в вышине и отдаленными раскатами грома. Туча стремительно надвигалась, и через пару минут стало совсем сумрачно. Но не прошло и пяти минут, как ветер протащил эти красоты дальше и я с облегчением вздохнул. Пока варится каша, я безучастно сижу на гнилом пне, словно его продолжение, несмотря на обилие черники вокруг. Когда же каша оказывается в желудке и сверху залита горьким чаем, тонус заметно повышается. Я уткнулся в карту, стараясь точно определить место, где нахожусь, и выяснить, на какие зигзаги реки можно сократить свой путь на Полевую и что за леса будут на этом пути. Вскоре должен быть, судя по карте, массив соснового леса.

Осмотрев окраину ельника и речной галечник вблизи, забрасываю рюкзак на спину. Хотя теперь я все съел, рюкзак отнюдь не стал легче. Гербарная сетка толсто разбухла и это она компенсирует в весовом отношении исчезновение продуктов. Как это нистранно, собранные растения имеют немалый вес.

Потянулись утомительные вичники с карстом. Стараясь не углубляться на водораздел, я срезал повороты реки. Никакого сосняка не было и в помине; его вырубили в предвоенные годы. Все здесь казалось уже хорошо знакомым. Когда после очередного среза поворота реки на ее середине появился огромный обломок скалы, я вздохнул с облегчением: осталось четыре километра, наиболее знакомых, почти родных. Скалы на том и на этом берегах я посещал несколько раз и теперь узнавал некоторые детали, выкуривая сигарету. Кто знает– придется ли когда-нибудь вновь увидеть эти величественные образы северной природы.

Последние километры уже стреноживали ноги. Прямо на старой своей тропке увидел ту же самую горечавку, которая несколько дней назад скрывалась незаметной травкой, но теперь выдала себя ярким цветком. Целые плантации лука покрывали участки влажного заиленного галечника. Заводи реки, заросшие осокой водяной и хвощом приречным, обычны для этого участка. Мне не нужно оглядываться, чтобы увидеть реденькую щетку лиственниц на возвышенном горизонте. Кажется, я знаю этот вид на запад так хорошо, что могу представить его во всех деталях в любую минуту. И вот показались серые развалины – Полевая.

В избе побывал Миша и оставил записку, говорящую о том, что 30-го в два часа уезжает с Мерзлихи в Пинегу, может взять мой багаж. К сожалению, уже поздно.

За пять дней я так соскучился по звукам цивилизации, что почти с благоговением включил приемник. В вечерней мгле сгустился холод, повисла блеклая луна, а луг и река окутались туманом. Ласточек в гнезде уже нет. Сидя у печки с открытой дверцей, я перебираю впечатления последних дней. Здесь у меня целый мешок сухарей и сахара, крупы хватит еще на месяц, так что с голодом поборемся. В тайге весьма полезно иметь набитый желудок, тогда и ноги переставляются охотнее и глаза видят больше.

В дымный сумрак вдруг является “Лебедь” Сен-Санса, и я вдруг ощущаю, что все последние дни в моей душе царила ожесточенная сопротивляемость чему-то, и вот теперь звуки этой удивительно гармоничной музыки снимали этот нагар, оживляли померкшие образы и чувства. На грязной дочерна стене мне совершенно зримо представляется театральная сцена и луч прожектора, на дне которого музыка обращалась в изящество и пластику движений.

Как хорошо, что на свете существует подобная музыка! Ведь это целый мир, столь же богатый, как сама Природа. И этот мир берет свое начало в Природе и полностью с нею созвучен. Это чувствует каждый композитор, сочиняющий, скажем, музыку для киножурналов, в которых показывается природа. Ему не приходит в голову сопроводить картины природы “бухающей” музыкой, потому что это – дисгармоничное сочетание. Природа волнует, вызывает многорядную гамму ощущений, желаний, поьуждений. Так должно быть, потому что Природа – это жизнь. Именно поэтому музыка, называемая серьезной, часто связана с Природой образным содержанием и заставляет слушателяпереживать ее. “Бухающая” музыка пуста. Я люблю слушать эту музыку только тогда, когда нужно избавиться от гнетущего состояния острой неудовлетворенности, т.е. сменить его пустотой. Такое ведь тоже бывает.

Но чтобы ощутить прилив сил, испытать очищение, возвышенный подъем или просто земную радость, чтобы, сидя в замкнутом куске пространства, увидеть сквозь стены и потолок картины бесконечного многообразия Природы, нужно слушать Чайковского, Баха, Вивальди, Грига, Рахманинова и т.п. И тогда мысли уносятся далеко и чувствуется приобщение к чему-то необъятно большому и светлому. Такое действие оказывает на меня серьезная музыка и здесь – среди дикой природы. Вот зазвучало “Посвящение богу” Генделя, и я повторяю и предваряю в душе каждый звук. Эту вещь я и сам играю и поэтому знаю ее до малейших нюансов. Я смотрю на свои грязные, все в ссадинах и царапинах руки и с горечью шевелю огрубевшими пальцами левой.Скрипка не любит, когда ее долго не берут в руки.

Отдых на базе (31 августа)

Лишь только один я останусь с собою
Меня голоса призывают толпою.
(А.К.Толстой)

Ночью в пронзительной тишине мыши шуршат полиэтиленом и хрупают сухарями. Это, наверное, потомки тех мышей, которые грызли пайки заключенных. Нет-нет, да и донесется невесть откуда какой-то странный звук, ни на что не похожий. А вот… словно бы медленные тяжелые шаги в той половине барака, в которой нет ни пола, ни окон, да и стены пообвалились. На

человека непохоже, да и кто будет там ходить?.. Может, натуральный призрак?.. Хорошо бы с ним поговорить!.. Скриплю открываемой дверью, и луч фонаря бьет в развалины. Пахнуло гнилостным воздухом и ничего больше. На бревенчатой стене рядом, словно сюрреалистический пейзаж, оконный проем. Что бы сказал о нем Рене Магрит?.. Но ведь это не “сюр”, это – наш родной соцреализм.

Утром часа два я лежу на оторванной двери на улице и предаюсь безделью. Голубится небо, сильный ветер сдувает мошкару, шелестит в вичнике над рекой. Стоит запах той лесной свежести, которую нельзя заменить никаким искусственным ароматом. Запах, вселяющий радость бытия, благодаря которому все окружающее заполняется одушевленными образами.

Все еще в памяти ворошатся детали экскурсии на Точилиху. Стиснув зубы, отдираю лейкопластырь на стертых местах под коленями, которые теперь походят на пролежни. Промываю их дезинфицирующим раствором, выжимая его из сфагнума.

Встала проблема возвращения. Довольно долго я конопачу лодку, собрав все тряпье, а самую большую дыру затыкаю запасными штанами. В качестве пробного заплыва огибаю “нос”. Воду приходится вычерпывать через каждые две минуты. Затем приношу два бревна и приколачиваю их к бортам, потратив уйму гвоздей, входящих в борта лодки, словно в вату. В дне еще остается приличная щель. В результате дальнейшего конопачения дно проткнулось совсем, и вода хлещет фонтаном. Остается только плюнуть в эту лодку, что я и делаю. Лучше бы ее вовсе не было здесь, тогда бы и не появлялись лишние надежды. Зря угрохал столько гвоздей.

Остаток дня уходит на перебор растений. Почти все, что я здесь оставлял, уходя на Точилиху, хорошо высохло; значит, нужно меньше нести старых газет, служащих прокладками.

Появилась знакомая собака. Теперь она совсем одичала и шарахается при малейшем движении в ее сторону. Однако сухари она не желает есть.

Пора домой (1 сентября)

Здесь под небом чужим
Я, как гость нежеланный,
Слышу крик журавлей,
Улетающих вдаль…
(Из советской народной песни
“Журавли”)

Утром выше по реке послышался стук лодочного мотора. Я насторожился. Неужели рыбаки идут с Полтозера? Вот удача! Из-за поворота реки показались две лодки, и вскоре бородатые люди в высоких сапогах сошли на берег со словами теплого приветствия. Пили чай с плавающими в кружках ломтями сливочного масла, не спеша говорили.

– Вещички, конечно, возьмем! И самого можем прихватить. Пешком пойдешь?! Ну, валяй.

119. Полтинские рыбаки.

Скоро рыбаки отчалили, и я смотрел, как они на шестах проходят ближние пороги.

Сильный ветер гнал свинцовые глыбы облаков, но уже показались голубые просветы, о которых еще недавно, глядя на небо, нечего было и мечтать. Все течет, все изменяется, но с разной скоростью. Здесь погода может изменяться за день несколько раз.

Когда я через несколько минут вышел из избы, от стола промчался пес, подозрительно облизываясь. Оказалось, что нетронутые сухари разбросаны по земле, а вот от сахара почти ничего не осталось. Видимо, вся недоверчивость этого гнусного пса исходила от сознания своей подлой натуры. А уж сколь о сознании по отношению к псу говорить не приходится, то, вероятно, имеется какой-то общий для всех животных сложный механизм чувствования окружения и своей роли в этом окружении – некий аналог оценочных критериев.

Пес исчез, и больше я его не видел. В окрестностях избы совершил круговую прощальную экскурсию. На лугах тоже появилась цветущая горечавка ресничатая; здесь она сочетается с очанкой холодной, скромно желтеюще-белеющей среди скошенной травы. В прибрежных кустах еще цветет лабазник, но пион (марьин корень) имеет уже лопнувшие плоды листовки – будто сухие пирожки, начиненные черной икрой. На галечниках полно еще недоцветшего белозора.

Здесь же топорщатся щитки пижмы. До сих пор оправдывает свое название Polemonium caeruleum, что в переводе означает синюха голубая. Название, прямо скажем, парадоксальное, напоминающее масло масляное. Но видовые названия в ботанике иногда и вовсе противоречивы. Можно встретить, например, такие сочетания Melandrium apetalum ssp. Macropetalum, что означает "дрема безлепестная крупнолепестная". Некоторые же названия почти никогда не соответствуют действительности, так вид, называемый "одноцветковый" – "uniflora", может иметь, как правило, много цветков. Объясняются эти несоответствия неполным представлением о виде во время его описания и крещения. По существующим правилам, первоначально данное название не может быть изменено даже в том случае, если оно оказывается неудачным.

На галечниках реки всегда особенно интересно, так как некоторые растения расселяются с помощью реки, не являясь типичными обитателями поймы.Среди них попадаются весьма редкие виды для флоры Полты: селагинелла селагинелловая (тоже перл!), белокопытник ложный, вербейник обыкновенный, триостренник болотный и другие. Из постоянно встречающихся на галечниках растений можно назвать смолевку-хлопушку, гвоздику пышную, погремок большой, мытник Карлов скипетр, бодяк овощной, девясил иволистный (интересно, что этот вид не обнаружен на других реках бассейна Кулоя, где в свою очередь есть виды, не найденные на Полте).

На лугах среди вызревшей жимолости голубой с ягодами, похожими на чернику, кое-где цветет льнянка обыкновенная, марьянник лесной, подмаренник мягкий, разные виды ястребинки.

Но осень уже чувствуется во всем. Многие растения встречаются только с плодами и начинают приобретать осеннюю окраску или увядать. Насекомых стало мало, даже комаров. Пауки бегают озабоченно. Птицы, и без того немногочисленные, теперь совсем малоприметны. Но белые трясогузки, как всегда, издают громкие крики над рекой. Одна из них, вероятно одна и та же, постоянно пасется на берегу близ избы. Когда я схожу к воде мыть котелок,

она отлетает на камень и, раскачивая хвостом, ждет, когда я уйду, чтобы подобрать плавающие крошки, бегая по брюшко в воде. Между тем, эти птички исключительно насекомоядные.

Пеночек уже не слышно, они последовали за стрижами в более теплые края, но ласточки оказывается еще не улетели. Судя по тому, что исчезли мои соседки по дому, ласточки улетают на юг не все сразу. Вероятно, раньше отправляются молодые, появившиеся на свет в текущем году, а несколько позднее – старые. Путеводитель у молодых птиц в крови, так что север с югом они не перепутают.

Первый этап к дому (2 сентября)

Срывать цветы, мгновенные как маки,
Впивать лучи, как первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мраке,
Без горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

(Валерий Брюсов)

Не прошло и двух часов, как я оставил Полевую, и вот снова вижу знакомую буржуйку в избе на Мерзлихе. По дороге несколько раз вспугивал мошников, не считавших нужным улетать далеко. Они поднимались в вичнике рядом с дорогой, когда я уже вплотную приближался к ним. Шелест мелкого дождика скрадывал звуки шагов. Поэтому птицы взлетали лишь завидев меня, с невероятным грохотом и квохтаньем.

В ящике лежат еще почти мягкие и не погрызенные мышами две буханки хлеба, оставленные для меня Мишей. С удовольствием пью чай и иду в обратном направлении, но по реке.Обнажения гипсов здесь уже не выше 10 метров. Трехступенчатость рельефа вдоль Полты от устья до 85-го километра, хорошо прослеживаемая по высоте обнажений гипсов, была отмечена еще год назад. Здесь уже вторая ступень, и на местных обнажениях не растут арктоальпийцы, хотя другие интересные растения встречаются.

От реки ухожу в заросли вичника, который здесь менее густой, а кое-где виднеются остатки былых дорог и троп. Сразу над поймой вичник разнотравный, далее начинается черничный вичник, перемежающийся с болотами. Прослеживается параллель с ельниками, напочвенная растительность которых изменяется при движении от реки точно таким же образом. Но это неудивительно. Просто были здесь ельники, их вырубили, а то, что было под ними, сохранилось, несмотря на довольно значительный отрезок времени, прошедшего после вырубки. А ведь в других местах вырубленных ельников произошло олуговение растительности!

Изредка попадаются карстовые воронки, вернее, воронкообразные углубления, широкие, с пологими склонами и без выходов гипса.

Кое-где болота и некоторые имеют черные оконца чистой воды. В вичнике спотыкаюсь о кучу свежего медвежьего навоза. Вероятно, хозяин тайги приходил собирать чернику, которой в этом году значительно меньше, чем в прошлом. Наконец, выбираюсь в знакомый беломошник. Где-то впереди загавкала собака. Наверное, это похититель моего сахара наткнулся на лося. Лоси, видимо, любят прогуливаться по беломошнику. Их следы тут буквально на каждом шагу.

До сих пор обильно цветет вереск.

Я бреду по настоящему верещатнику. Когда-то здесь был сосновый бор, но его вырубили тоже начисто. Кое-где подрастают молодые сосны, а местами обильна береза, но все же крупные участки покрыты только слоем лишайников и крупными куртинами вереска.

Как и ельники, сосняки не восстановились за те 30 лет или более, что прошли после их вырубки. Более того, незаметно, чтобы в ближайшие десятилетия леса возродились до своего первоначального облика, как, например, сосняки-беломошники ближе к Келдк или ельники на Точилихе. Чтобы ожидать такое возрождение, нужно видеть равномерный массовый подрост деревьев на больших площадях, а его-то как раз и нет. То, что видно, скорее походит на островное возобновление, но островки, в основном, редки. Лишь кое-где сосна

120. Вдоль довоенной дороги на месте вырубленного сосняка подрастают березы.

120а. В немногих местах сосняк восстанавливается.

восстанавливается на значительной площади, и лет через 80 здесь будет прежний лес. Но на основных площадях возобновления леса нет ни на высших поверхностях, образованных песком, ни в понижениях, где идет заболачивание и залуговение на суглинках. Заросли березового вичника можно расценивать, конечно, как возобновление древесной растительности, но сколько еще должно пройти десятилетий, чтобы эти вичники уступили место лесам, особенно сосновым. В вичниках создается сильное затенение, препятствующее прорастанию сосны. Со временем, однако, вичник самоизреживается. Юные березки не могут продолжать расти в той тесноте, в какой начинают, и постепенно сживают друг друга со света. Поэтому в более рослых вичниках (достигших 3-4 м высоты) более свободно и светло. Здесь сосна уже может прорастать и развиваться, но уж слишком она редка! Что-то ей нужно еще. Загадок тут много. Может быть нынешний климат мало подходит для прорастания семян,и они ждут, когда произойдет изменение.

Осень врывается в природу с каждым днем явственнее. На молодых осинках кое-где краснота, а на березках уже обильны желтые пряди. Близ реки встречаются молодые растения василистника малого с изумительно бордовой окраской. Осыпавшиеся лепестки иван-чая и вероники длиннолистной нередко приводят меня в настороженность на предмет нового вида. Казусы случаются. Как-то я, взяв голубику, пытаюсь увидеть а ней иву черничную, которая есть на реке Сотке и действительно походит на чернику, а еще более на голубику. Долго сопоставляю взятый кустик с несомненной голубикой с ягодами. Выясняется, что попавший под подозрение кустик – все-таки голубика, а иву черничную, стало быть, найти не удалось. Когда ива с плодами, ее ни с чем не спутаешь, даже если это вид мелкой ивы. Но часто кусты не имеют сережек, тогда определять ивы трудно, не имея большого опыта. Черника же хорошо отличается от ив своими гранеными зелеными стеблями и веточками.

В серый день сумерки наступают раньше вечера. Даже то, что под ногами, видно плохо. Возвращаюсь к избушке и, наломав сухих досок в развалинах бараков, устраиваю большой костер.

В темноте из воды выпрыгивает рыба – плохая примета. Я смотрю на небо. Оно затянуто рваньючерез, сквозь которую просвечивают звезды и пол-луны. Свет костра огораживает маленький кусочек мира, который только мой. От этого становится грустно. Кто-то должен быть рядом хотя бы незримо, иначе жжет сердце тоска одиночества. Я прислушиваюсь, но nevermore не звучит. Мой ворон спит где-то.

У последней полтинской избы (3 сентября)

Вспоминая общежитие, которое должно было служить мне воспитанием, я нахожу, что это была только общая школа порока.
(Август Стриндберг, “Уединение”)

Сегодняшнее утро было типично осенним: тихая, слегка туманная погода, какое-то торжественное затишье. Лишь ласточки нарушали тишину, носясь ныряющим полетом друг за другом, сгоняя одна другую со стожаров. Я пробираюсь на Горшок и иду то берегом, то верхом. Местами берег до самой воды покрывают густые ивняки, кусты нависают над водой и отражаются в ней. Выскочил кто-то из голубиных, мелькнув веером серо-голубого хвоста с белой каймой на конце. Шарахаются одиночные дрозды. На реке поднимаются два гоголя и мчатся над самой водой, сверкая сорочьим оперением. Близ реки жизнь оживленнее, это легко заметить, двигаясь по синусоиде: то выходя на реку, то удаляясь от нее.

Реки имеют значение артерий жизни. Известно, что поселения людей почти всегда связывались с реками. И это только частное проявление значения рек для жизни вообще. Богатство флоры тоже связано с реками. По количеству видов растений близ рек всегда обнаруживается максимум, если сравнивать с другими урочищами района.

Довольно долго я шагаю по гриве, покрытой беломошным черничником и соснами – весьма нечастым сочетанием. Черника в этом районе проявляет такую же экологическую пластичность, как и береза пушистая, т.е. встречается практически всюду. Сочетание черники с покровом лишайников характерно, в основном, для северной тайги, к тому же европейской.

Гривы тянутся вдоль реки и, в конце концов, выходят к ней. Так думая, я забрался вдруг в какое-то болото с зияющим окном и схватился за компас. Ну, конечно, отклонился. Скоро оказался на дороге, видимо, к пожне и по ней дошел до дороги, ведущей к избе.

От избы, стоящей на угорке, открывается чудный вид на реку вниз по течению. С другой стороны – большая вырубка, усеянная пнями. В прошлом году мы нашли на этой вырубке лапчатку Гольдбаха. Нынче эта лапчатка нигде не встретилась. За вырубкой, словно батарея пивных бутылок, чернеет ельник. Недалекоот избы начинается лог – висячая долина. Туда я и направляюсь, попив чаю с несколькими кусочками сахара, валявшимися на окне.

Близ выхода к реке днище лога занято сырым болотом с глубокими лужами, чередующимися с бугорками. Лог имеет ширину всего около 10 метров. Таким образом на небольшом пространстве здесь существует довольно разнообразная обстановка. Поэтому набор видов в этом логу

богатый и включает различные по экологическим требованиям растения. Тут и ивы розмаринолистная и лапландская (обе с мягким опушением листьев), и пушица многоколосковая (больше нигде не встреченная), кипрей болотный и виды грушанок, сочевичник и линнея. Здесь же растут осока водяная и сабельник болотный, калужница и седмичник. Ежа сборная и шиповник коричный вместе с синей жимолостью сидят уже на склоне в лог. Далее лог расширяется и вмещает полусухое болото с морошкой и болотным миртом, которые растут на одной стороне днища лога и не растут на другой. Похоже, что во время снеготаяния по той стороне, где не растут эти виды, бежит поток воды.

Снова лог сужается и становится похожим на канаву, но направление лога остается прежним. Уже два часа я пробираюсь по этому логу и, наконец, выхожу к его концу, вернее началу. Почти круглое озеро-болото – вот откуда начинается лог. Водная поверхность сохранилась только посередине впадины, края которой представляют кочкарник. В скором будущем это озеро исчезнет вовсе, оставив на своем месте болото.

В этом районе встречаются разные болота и озера. За одну экскурсию мне попадались целиком затянутые озера и весьма своеобразные хвощово-осоковые болота. Травяные болота –это ранняя стадия заболачивания. Спустя некоторое время в таких болотах поселятся сфагны, и скоро болото превратится в верховое. Такие болота здесь также не редкость. В подобной местности легко складывается впечатление, что основным природным процессом является заболачивание. В самом деле, озера затягивает сплавина, заболачиваются любые леса, даже беломошные сосняки на песке. Казалось бы, какое может быть заболачивание на песчаном грунте, если вода, как бы много ее не было, легко просачивается вглубь. Это действительно так. Но когда пески содержат железистые соединения, то эти соединения, вымываясь, скапливаются на некоторой глубине и создают водоупорный слой. Вода начинает задерживаться близ поверхности и начинается заболачивание. В понижениях этот процесс идет особенно легко.

В районе Горшка гипсы перекрыты мощной толщей суглинков, что и обусловливает многообразие заболачивания. Возвышенные части водораздела занимают древние пески, по которым тянутся просветленные беломошные боры с обилием сон-травы. Близ реки встречаются супесчаные холмы до 10 метров высотой – камы, представляющие отложения ледниковых озер. Песчаные гривы чередуются с обширными низинами, где среди деревьев чернеют зрачки озер.

Обратно я возвращаюсь по гриве, отделяющей лог. Она имеет вид гребня с треугольным сечением. Вдоль подножья гривы вытянулось несколько озер. Их я посмотрю завтра.

Заложив растения в сетку, принес из лога пару старых чурок распиленной лиственницы. Печь в этой избе фундаментальная, палочками такую не натопишь. Кто-то когда-то оставил в ящичке соленую рыбу, которую изрядно погрызли мыши. Несколько рыбин я бросил на веревочке в реку отмокать, когда уходил в лог. Скоро выяснилось, что в ухе образовался отменный рассол, едва ли уступающий таковому в соляном источнике в деревне Кулой. Пару раз я сливал воду и наливал другую. Наконец, насолился так, что если бы внезапно умер, то, наверное, сошел бы за святого.

В избе есть керосиновая лампа с горючим. Когда становится совсем темно, я зажигаю ее и изба приобретает домашний уют. Потрескивают в печке

поленья, вздрагивают на стенках тени. Я включаю приемник и слушаю “Алеко”. Вспоминаю, что эта опера была дипломной работой Рахманинова. От этого опера становится как бы дороже лично для меня.

Я пытаюсь представить, что испытывал молодой Рахманинов, когда писал этот свой диплом. Конечно, он, должно быть, чувствовал огромную ответственность перед творением Пушкина. Но, вероятно, была и уверенность, что он справится с этой задачей. Без уверенности нельзя брать на себя ответственность. И он, конечно, справился. Диплом Рахманинова можно и теперь купить в магазине грампластинок.

Да, а завтра я закончу сбор материала на свой диплом. Понадобится он кому-нибудь через несколько десятилетий, как “Алеко”? Вполне возможно, но, вероятно, мало кому он понадобится. В музыке испытывают потребность, конечно, далеко не все, особенно в оперной, но зато те, кто испытывает – совершенно разные по основным интересам люди. Музыка для них – отдых, разрядка от забот и источник бодрости, если устал. Для слушателя в музыке нет мученичества, хотя она и действует иногда так, что по спине пробегают мурашки, на глазах выступают слезы и начинается кружение, мелькание, вспышки. Но сочинителя, наверное, всегда преследует мученичество. Его одолевают сомнения, беспокойство, даже страх; потом острота удовлетворения и “вновь бессилие и упадок и вялость в мыслях и разброд ” (В.Гете, “Фауст”). Мученичество есть в любой работе, если есть и вдохновение. Это две стороны одной медали, без одного не может быть другого. Знай наперед – говорю я себе – у тебя еще будет мученичество, потому что вдохновение уже есть. Может быть работа получится неплохая, но уж конечно, понадобится она только узким специалистам. Вполне достаточно, если она станет капелькой в работе по всей флоре европейского северо-востока, которая многим понадобится.

Я пишу дневник и думаю о будущей работе. Теперь уж видно, на чем она будет построена – на экологических связях. Мне не терпится ее начать, мыслей накопилось много, но что-то еще бродит в сумерках подсознания и не находит выражения в словах. Ходит и ходит закваска – растения своим присутствием указывают на комплекс факторов, к которому они приспособлены, например, на скалах: каменисто, сухо, светло, никто друг другу не мешает, богатое минеральное питание. И здесь сидят такие-то растения. А если их нет! Можно ли быть уверенным, что на других скалах, где нет тех же самых растений, обстановка такая же, как и на тех скалах, где они есть? Другими словами, можно ли определять условия обитания растений, не будучи растением? Да, конечно, можно, – радуюсь я, вспоминая С.Маршака:

Человек,
будь он трижды гением,
остается мыслящим растением.

Однако пора ночевать.

Средь низинных озер (3 сентября)

Из всего написанного я люблю лишь то, что
пишется собственной кровью. Пиши
кровью, и ты узнаешь, что кровь – это дух.

(Ф.Ницше, “Так говорил Заратустра”)

Одно удовольствие спать в теплой избе, в которой нет комаров. Обычно, если в избе долго не жили, комаров в ней нет. На следующий день они уже накапливаются, а если остаться дольше, то комаров будет уже тьма. Их звон не умолкает круглосуточно.

С утра сыпалась дождевая пыль. Дул порывистый ветер. Все было мрак и сырость. На озере, замеченном вчера, оказались предательски топкие берега из сапропеля, выглядевшие так, словно они плотные. Ступаешь на серую, сверху даже сухую поверхность, словно на асфальт, и мгновенно бухаешь по колени или выше в месиво. В глубине месива какие-то затонувшие сучья охватывают ноги. После грязевой ванны ощущение безрадостное. Но типично таежное небольшое озеро с гнилыми стволами упавших в него деревьев и подступающим вплотную лесом, с нависающими над черной водой ветвями, создает сказочный колорит. Кажется, что вот-вот из воды покажется водяной. Не он ли только что ухватился за мои ноги? Уж лучше бы появилась русалка. Оно и поэтичнее, и для глаз приятнее.

Неподвижный мрак воды пестреет желтыми крапинами плавающих листьев. На противоположной стороне озерка яркие стронцианово-желтые пятна с корявой исчерченностью стволов и ветвей. Картинка в духе экспрессионизма. Бранят разные там кабинетные искусствоведы экспрессионистов, дескать: так не бывает. Не приходит в их головки простая мысль о том, что в природе есть все, что существует в искусстве и много больше того. Посадить бы кого-нибудь из них сюда на гнилое бревно с целыми штанами сапропеля для сугрева этой желтой феерией!

В конце озера берег оказывается крепкий. Его скрепляют заросли осоки водяной, среди которой доцветает наумбургия (кизляк). Мелкие желтые цветки этого растения собраны в густые кисти, сидящие в пазухах листьев. Здесь обнаруживается и новый вид валерианы. Потом выяснится, что это валериана головчатая, т.е. арктоальпиец, но предпочитающий влажные местообитания. Таежные представители этого вида весьма отличаются от тундровых, но по характеру листьев сразу видно, что это головчатая, а не лекарственная валериана, из которой любители дробных видов навыделяли несколько особых видов.

В воде неясно темнеют подводные растения: рдесты, уруть, водяная сосенка и даже пузырчатка, но на воде нет ряски, которую я видел вчера в лужице на днище лога. Ряска – весьма редкое растение на Полте и обильно встречена только в системе озер близ ее устья. Говорят, что счастливый тот ботаник, который увидит, как ряска цветет. Это растеньице, образующее зеленую кашу на поверхности воды, настолько приспособилось к вегетативному размножению, что цветет крайне редко.

Озеро переходит в травяное болото, выходящее к Полте, которая, изогнувшись где-то, совершенно неожиданно мелькает между деревьями. На береговых откосах обнажается толща суглинка, покрытая редкими растениями мать-и-мачехи, черноголовки обыкновенной, ясколки дернистой, полевицы. Толща суглинка иногда прослеживается ниже уреза воды в реке, что мы наблюдали в прошлом году с лодки. Под водой выступают слои этого суглинка в виде ступенек.

Река часто имеет возвышенные участки берегов, на которые трудно вылезти из лодки. Такие берега всегда сложены суглинком, в котором

вкраплена мелкая гипсовая щебенка. Возможно, что эти суглинки образовались еще в то время, когда стаивал самый крупный ледниковый щит, покрывавший большую часть Европы. После этого оледенения происходили и другие, не столь значительные. Следы их действия наложены на толщу суглинка. В частности, пески, перекрывающие суглинки на наиболее высоких уровнях, по всей видимости, отложены во время последнего оледенения, т.е. они значительно моложе суглинков. В целом местный ландшафт очень отличается от района высокой части плато, т.е. выше 84-го километра по реке. Отличие в значительной степени связано именно с суглинистой толщей, благодаря которой здесь много различных озер и болот. Соответственно и растений здесь немало таких, которых нет выше 84 км, по крайней мере, до Точилихи.

От реки я давно ушел и побывал уже на новых беломошниках, и помесил новые болота, как вдруг снова между деревьев показалась Полта. Перст судьбы! Надо поворачивать восвояси. По-прежнему из серой мути сыплет морось, но в нескольких километрах выше по реке меня ждет изба, наверное, с еще теплой плитой.

121. За редкими деревьями на травяном болоте видна Полта.

Берега кажутся незнакомыми, но через час после резкого поворота вдалеке виден высокий берег, где наверняка находится изба. Дойдя до нее, я вдыхаю тепло и валюсь на нары. За окном воет ветер. В голове пусто. Не хочется даже встать и затопить плиту. Домашние условия расслабляют. В лесу бы так просто не валялся.

Становится совсем темно и печь остыла. Под нарами что-то смачно грызет мышь. При полном расслаблении организм восстанавливает силы быстро и, когда я спускаюсь к реке за водой, то от усталости уже нет и следа. Тем более, что погода стимулирует активное передвижение без лирических отступлений.

Снова гудит печка и светит лампа. Я закладываю в гербарную сетку свежесобранные растения и убеждаюсь, что собрано около 500 образцов.

Возвращение в мир людей (5 сентября)

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами
Весь пламенеющий победными огнями
Меня дождется мой заветный храм.

(Владимир Соловьев)

Утром уныло накрапывал мелкий дождик, словно уставший от полуторасуточной работы. Мой путь лежал на Келду похорошо знакомой дороге. Выводок отсыревших глухарей взорвался рядом с дорогой в вичнике. Самый огромный мошник запутался в ветках и чуть не свалился. Пройдя километров пять, услышал в стороне избы выстрел. Воображение быстро нарисовало картину возвращения на лодке по Полте, через Кулой, затем по каналу в р.Пинегу и по ней до поселка Пинега.

Когда я через час пришел снова к избе, здесь все оставалось по-старому. Быть может, кто-то и проезжал по реке, но не остановился у избы. Через дорогу метнулась мокрая белка и взлетела на березу, где застыла неподвижно. Плохо живности в такую погоду, когда она затягивается. Но колоннада беломошного сосняка даже в этом случае выглядит празднично. Ощущение сухости здесь возникает даже в дождь. А он то ослабевает, то начинает

сильнее колотить по капюшону. Становится холодно, и пальцы с трудом гнутся, набивая трубку табаком от окурков. С верещанием поднимаются рябчики.

Вот между сосен заблестела дальняя вода – Кармозеро, и менее, чем через час я сбросил рюкзак на берегу Келды, с удовольствием потягивая затекшие плечи. Но как же перебраться? С тоской гляжу на плоты и лодку, привязанные на противоположном берегу.

Выбрав место помельче, раздеваюсь по пояс и ступаю в воду, обжегшую, как огнем. Далеко брести не пришлось. Вода идеально чистая, и глубина кажется меньше, чем на самом деле. Но коль уж замочился, то решаю форсировать Келду, как прежде Полту, и, раздевшись до часов, снова лезу в воду. На середине глубина по шею, а дальше приходится плыть, выставив руку с часами, так как плыть-то я никак не рассчитывал. Всего несколько метров нужно проплыть, но мне кажется, что я барахтаюсь целую вечность, к тому же ноги начало сводить. Как ошарашенный, я вылетаю на луг и верчусь вьюном. Не хватает воздуха, кажется, что грудная клетка не раздвигается. Мокрая трава хлещет по ногам. Словно в насмешку, дождь полил как из ведра.Тело колотится крупной дрожью, и я стараюсь напрягать каждую мышцу. Быстро перегоняю лодку, одеваюсь, переплываю обратно. Шесть вечера; скоро стемнеет, а до Кривых озер еще девять километров. Обойдусь без костра. Скоро я резво скачу по дороге, забыв про усталость. Но по мере того, как мрак сгущается, ощущение усталости проявляется все явственнее, тем более, что я уже согрелся. Лесная дорога перешла в настоящую, идущую куда-то в тайгу, с грязью по колено. Проплывают большие озера, окруженные сосняками. Панорамы холмистой местности, особенно на вырубках, сменяют одна другую, отличаясь в деталях.

Недалеко от Кривых озер меня подхватывает мотоциклист, едущий из тайги, и подвозит к дому завхоза. Пожилая женщина отводит меня в барак-общежитие, где коротают годы бывшие тунеядцы, ныне лесоповальщики.

Топится с гудом печка в сумрачно освещенной кухонке. После мотоцикла хочется сесть прямо на нее. За грубым столом три невыразительных фигуры пьют, как мне кажется, чай. Слышится бульканье. Один из сидящих подносит мне кружку: “Давай”.

Не раздумывая, я “даю” и задыхаюсь в парфюмерном аромате.

– Запей, а то вывеска зеленая, – передо мной покачивается в руке закопченный чайник.
– Так расскажи, что в лесу делал? Медведей видел?
– Травки собираешь, – один вздыхает, – я в детстве жучков собирал, а теперь ничего, прошло.
– Ты мне вот что скажи, – огромный детина пододвигается ко мне вместе с табуретом. – Вот ты закончишь университет, а дальше что, опять травки собирать?
– Конечно, моя специальность в том и будет заключаться, чтобы узнавать, что где растет.
– Ну, а кому это нужно? Пусть ты узнаешь, где что растет, так что из этого? Не травками же ты кормишься?
– Так, вы ведь тоже не древесину грызете, которую пилите. У каждого свое дело. Я узнаю, что здесь растет, кто-то другой в другом месте, третий еще где-то и, в конце концов, выясняется, как распространены разные растения. А по их распространению можно установить, что

происходило в этом районе давным-давно и что будет происходить в ближайшем будущем.

- Да? А что у нас тут, в Кривых, будет?
- В болоте утонете, – брякаю я наобум.
- Ха, ха, мы скоро уедем! Это тебе, мил друг, тонуть придется, добродишь один-то. Никто и не узнает, куда перекреститься. Мало ли таких было, уйдут в тайгу, и с концами…

Тусклый свет гаснет, где-то выключили движок. Уже в темноте здоровяк договаривает, как мне кажется, с грустью:

- Однако, ты – молоток, у тебя в жизни идея есть, а с идеей и тонуть легче.

Эпилог

Когда вся собранная коллекция была определена, то выяснилось, что на Полте найдено почти 400 видов. Многие из них распространены только в Европе и среди этой группы особый интерес представляют центрально-европейские виды, достигающие в Пинежье предела своего распространения. Внимательное изучение показало, что просачивание центрально-европейских видов на европейский северо-восток происходит и в наши дни. В этом немалую роль играет все увеличивающееся воздействие человека на природную среду.

В самом деле, некоторые центрально-европейские виды, такие как лапчатка прямая (калган), клевер горный, гвоздичка травянка, трясунка средняя и другие проникают в незаселенные этими видами районы по так называемым антропогенным стациям, т.е. по дорогам, вырубкам и лугам. Но это касается только части центрально-европейских видов. Другая их часть расселяется без участия человека в этом процессе. Импульсом внедрения этих видов в ландшафты северной тайги, может быть, было потепление климата, начавшееся в начале нашего столетия. Но, вполне возможно, что никаких климатических причин для их проникновения сюда и не требуется. Просто они потихоньку расселялись с юга, куда их загнало оледенение, добрались теперь до севера тайги и будут продвигаться, пока позволяет современный климат. Может быть, они и в тундровую зону расселятся. Мы привыкли судить об экологических требованиях растений по тем условиям, в которых их обнаруживаем. А ведь они могут существовать и в других условиях, в которые просто не успели еще попасть.

Группа центрально-европейских видов самая молодая среди прочих географо-генетических групп, составляющих флору Полты. Наиболее древней группой видов этой флоры являются арктоальпийцы, в большинстве своем обитающие на скалах.

Имеется также ряд видов, характерных для южной тайги, а здесь встречающихся как редкость на пределе своего географического распространения (например, сныть, вороний глаз).

Наконец, особую группу составляют виды, пришедшие сюда из Сибири, в том числе лиственница и ель.

Таким образом, во флоре обнаруживаются представители разных климатических эпох, в каждую из которых происходили присущие только им миграции растений из каких-то удаленных областей. Как и когда это происходило – вопрос трудный и многосторонний. Для того, чтобы уяснить

особенности миграций растений, нужно изучить все имеющиеся данные о палеогеографии исследуемой территории и ее смежных областей. Такая направленность интересов связывается с исторической географией растений, для которой флорист поставляет материал.

Каждый флорист обычно интересуется общим распространением видов той флоры, которую он исследует. В настоящее время имеется много сводных работ по распространению растений, в том числе фундаментальный труд – "Флора СССР" в 33-х томах.

Знание общего распространения видов любой флоры и сведения о палеографии ее территории служат основой для исторических интерпретаций флоры. Это очень увлекательное занятие, хотя любое историческое построение всегда оставляет место для сомнений.

Однако, наиболее близкой задачей флориста безусловно нужно считать максимально полное выявление флоры и изучение ее ландшафтной структуры, т.е. распределение видов по местообитаниям, численность и жизненность (состояние) особей одного вида. Только изучив тонкости современной флоры, мы можем обоснованно забираться в дебри ее истории.

Путь в прошлое или прошлое с обратным знаком, т.е. будущее начинается с сегодня, которое уже завтра станет прошлым, но еще вчера было будущим… То, что было вчера в нашей жизни, нам хорошо известно, но то, что будет завтра, подчинено вероятности. С удалением в прошлое его картины тускнеют, расплываются, а с удалением в будущее мы что-то не можем даже предсказать. В данном случае эти общие рассуждения касаются и изучения флоры.

В первой части моей дипломной работы, после физико-географического очерка района, была помещена глава, посвященная основным типам местообитаний в бассейне р.Полты. Я начал ее сочинять, уже когда закрыл за собой дверь избы на Горшке и направился на Келду, уходя с Полты навсегда.

Позднее, когда я начал изучать флористическую литературу, то стало ясно, что этот подход отнюдь не нов, но все равно, каждому ведь приятно открыть Америку и это только лишний раз подтверждает, что она существует. Вместе с тем выяснилось, что подход к растениям со стороны их среды обитания, хотя и не нов в принципе, все еще зияет белыми пятнами непонимания природной стратегии в общественно-научном сознании.

После флористического списка в своей дипломной работе я отдал дань историческому анализу флоры, впервые ощутив удовольствие от того, что отдельные факты, сцепляемые логикой, словно кирпичи раствором, образуют каркас схемы флорогенеза (исторической последовательности формирования флоры).

Диплом этот я защитил, но он значил для меня очень много на будущее, что осозналось только позднее. Стихийный план диплома впоследствии был мною осмыслен как удачная логическая схема исследования, которой я следовал и в дальнейшей работе, делая особый упор на экологический аспект флор, т.е. сочетая изучение состава флор с анализом среды обитания. Но теперь это была Чукотка.

Оглавление